

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Ярославский государственный университет им П.Г. Демидова»**

На правах рукописи

Кореньяк Владислав Сергеевич

**БЕОТИЙСКИЙ ПОЛИС ПЛАТЕИ
В КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД
ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
д.и.н., профессор
В.В. Дементьева

Ярославль
2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. ПОЛИТИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И САКРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ПЛАТЕЙ В КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД	53
1.1. Беотия в V-IV вв. до н.э.	53
1.2. Платеи: полисная организация и социально-экономические отношения.....	61
1.3. Статус платейских граждан в Афинском государстве.....	79
1.4. Религиозная жизнь платейцев. Дедалы – панбеотийское празднество	90
Глава II. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ПЛАТЕЙ V-IV вв. до н.э.	100
2.1. Полис в период греко-персидских войн. Битва при Платеях	100
2.2. Платеи в Пелопоннесской войне. Осада города	110
Глава III. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОБЩЕНИЕ ИСТОРИИ ПЛАТЕЙСКОГО ПОЛИСА КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА	129
3.1 Беотийский подтип классического полиса и Платеи как его представитель (развитие концепции “city-state culture” М.Г. Хансена)	129
3.2. Платеи как фронтир между Беотией и Аттикой: применение теории Х. Элтона к территории Средней Греции	147
3.3. Платеи как фронтир между аттическим и беотийским подтипами греческой полисной культуры (субкультурами полисов)	159
Заключение	167
Список сокращений.....	172
Список использованных источников и литературы.....	174
Приложения.....	202
Приложение А. Фрагменты письменных источников.....	202
Приложение Б. Иллюстрации.....	207

Введение

Актуальность темы исследования. Античная эпоха явилась временем, оказавшим существенное влияние на дальнейшее развитие Европы и мира в целом. Современный мир – многополярный, поликультурный, но сохранивший во многих обществах в политике, экономике, образовании достижения античной цивилизации. Изучение этих достижений в разных их аспектах имеет непреходящую научную актуальность в силу накопления источников и усовершенствования методов работы с ними, включая использование новых концепций в качестве теоретического инструментария для осмысления разрозненной и фрагментарной информации.

Актуальность избранной темы определяется, главным образом, тем, что для антиковедения одной из центральных проблем является изучение полисной организации. В русле этой тематики находится и история беотийского полиса Платеи, которому посвящено данное исследование.

Одним из проявлений современных тенденций историографии всемирной истории следует назвать стремление к всестороннему и тщательному изучению отдельных территорий и малых социумов; для истории Античности – это, соответственно, усиление внимания к локальным объектам греко-римского мира.

Научная актуальность темы исследования заключается еще и в том, что историография древнегреческой истории в настоящее время активно преодолевает афиноцентризм, поскольку традиционно особое внимание уделялось истории Афин, значительное – Спарте, заметно меньшее – еще некоторому количеству греческих государственных образований. Однако полисов в греческом мире было, как подсчитано Копенгагенским Центром изучения полиса, 1035¹, все они имели свои границы, свое политическое устройство, свои собственные интересы. К числу полисов, долгое время

¹ Hansen M.H., Nielsen T.H. An Inventory of archaic and classical Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 6.

остававшихся на периферии исследовательского внимания, но интерес к которым начинает возрастать, относится и беотийский полис Платеи, чью историю, особенности политического устройства, тенденции экономического развития, а также специфику упоминаний о нем в исторических источниках мы рассматриваем в данной работе.

Объектом данного исследования является греческая полисная организация и межполисные отношения.

Предметом исследования выступает беотийский полис Платеи в классический период древнегреческой истории: его гражданский коллектив, военно-политическая, социально-экономическая, культурно-религиозная сферы.

Целью данной работы является выяснение сущностных черт и своеобразия политической, военной, экономической и культурно-религиозной истории Платейской гражданской общины на основе анализа упоминаний Платей в трудах античных авторов и в корпусе эпиграфических источников, определения характера имеющихся в них сведений и их сопоставления.

Для достижения цели исследования выделим **задачи работы**:

- 1) выявить степень участия полиса Платеи в межполисных отношениях классического периода;
- 2) определить отличительные особенности взаимодействия Платей с ближайшими соседями – Фиванским и Афинским полисами;
- 3) охарактеризовать политическую систему полиса Платеи и отметить политические институты, существовавшие в данной общине;
- 4) выделить характер экономического и религиозного влияния Платейской общины на соседние регионы;
- 5) отметить роль Платей в событиях военной истории V-IV вв. до н.э.;
- 6) дать теоретическое обобщение истории Платейского полиса в классический период, применив теорию “city-state culture” М.Г. Хансена, его

типологию античных гражданских общин, и концепцию Х. Элтона о фронтире.

Географические рамки исследования ограничиваются территорией Древней Греции, в ее пределах преимущественно Средней Грецией; приоритетно изучается Беотия, отдельные исследовательские вопросы обусловили обращения к Аттике и сопредельным областям.

Хронологические рамки работы охватывают классическое время древнегреческой истории — V-IV вв. до н.э., при этом в ряде моментов несколько выходя за данный период, как в архаическую, так и в эллинистическую эпохи. Нижняя граница связана с участием Платейской общины в событиях Греко-персидских войн начала V в. до н.э., тогда как верхний рубеж отражает конец классического периода древнегреческой истории и постепенную трансформацию полисных институтов в полис эллинистического периода.

Методологической основой исследования выступает принцип историзма, предполагающий рассмотрение истории полиса Платеи неразрывно с событиями общегреческой истории классического периода, при прослеживании их динамики. В качестве теоретико-методологической опоры применяется цивилизационный подход к всемирной истории. Концептуальными построениями, позволившими методологически углубить представление о предмете исследования, послужили концепция «city-state culture» Могенса Германа Хансена, давшего типологизацию «культур» в рамках сравнительного изучения городов-государств различных эпох, и теория фронта Хью Элтона, разрабатываемая им в отношении римского государства.

В работе использованы *общейсторические методы* исследования. Историко-типологический метод позволяет определить место Платейского полиса в рамках типологии гражданских общин М.Г. Хансена, а также уточнить ее. Использование историко-сравнительного метода (метода исторической компаративистики) даёт возможность адаптировать концепт

римского фронта Х. Элтона к истории полиса Платеи. Кроме того, данный метод применяется при сравнении сведений античных авторов об одних и тех же событиях, а также при сопоставлении материала древнегреческой эпиграфики с нарративной письменной традицией. Для анализа информации источников был необходим и историко-критический метод. Прибегая к историко-системному методу, мы рассмотрели общину Платей как единое политическое, социально-экономическое, религиозно-культурное пространство.

В исследовании применяются **специальные методы исторического исследования** – понятийно-терминологический и текстологический анализ, методы современной информационной поддержки исторического познания (в частности, способы работы с накопленными базами данных эпиграфики).

Общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции (он особенно важен при наложении концептуальных разработок на конкретный изучаемый материал), комплексного подхода позволяют выделить особенности развития полиса Платеи среди массы политических единиц Античной Греции классического периода и охарактеризовать данный полис как фронт, соответственно, между беотийским и аттическим подтипами полисной культуры.

Источниковая база исследования

В рамках исследования подавляющая часть материала почерпнута из *письменных источников, прежде всего нарративных*. Они представляют собой произведения античных авторов, написанные на древнегреческом языке. В отдельных случаях мы обращались и к латиноязычной традиции, поскольку латинские авторы могли ознакомиться с недошедшими до нас историческими и иными трудами, в которых отмечаются сведения о Платейской общине, отличающиеся от имеющейся греческой традиции. Рассмотренные труды древних авторов можно разделить на следующие группы: исторические труды, географические трактаты, письменное наследие ораторского искусства, сочинения биографического характера, драматические

произведения и военные трактаты. Кроме того, были привлечены эпиграфический материал, данные папирологии и – в очень ограниченном объеме – нумизматики.

Первая группа письменных нарративных источников представлена историческими трудами. «История» Геродота², созданная в середине V в. до н.э., является первым, дошедшим до нас полностью, произведением европейской литературы. Оно посвящено истории Греко-персидских войн, однако на фоне этих событий Геродот сообщает сведения по античной географии, этнографии, естественной истории. Начиная произведение с причин «раздоров между эллинами и варварами», Геродот описывает весь известный тогда мир, от Скифии до Египта и Индии. Объем содержащейся информации колоссален, она представляет ценность для исследователей самых разных вопросов греческой истории. Кроме уже названных особенностей, отметим следующее: Геродот описывает события глубокой древности и основывает свой рассказ на устной традиции. Примером может служить описание Скифии, сообщающее обо всех населяющих её народах, хотя сам автор не путешествовал от Ольвии на север далее, чем на дневной переход. Также Геродот очень часто использует элементы фольклора и мифологии при описании событий, божественную волю как объяснение исторических фактов³. Несмотря на указанные недостатки, «История» остаётся базовым источником при рассмотрении событий рубежа архаической и классической эпох. Проанализировав данное произведение, мы отметили около 40 упоминаний полиса Платеи или его граждан. Характер этих упоминаний разнообразен: автор разделяет Платеи, Фивы и Афины в политическом плане как независимые общины (Hdt. VI. 108. 1-2, 3-4, 5-6; VII. 132. 1; VIII. 66. 2); отмечает участие полиса в событиях военной истории,

² Herodotus, with an English translation by A.D. Godley. Cambridge: Harvard University Press, 1920. 446 p. (Сноски в подстрочнике на публикации источников на языках оригиналов и в переводе мы ставим на те издания, которыми пользовались в печатном виде. Отсылки к электронным публикациям мы приводим в конце обзора источников – к электронным библиотекам и базам данных.)

³ Лурье С.Я. Геродот. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1947. С. 44.

Марафонского, Платейского сражений и битве при Артемисии: (Hdt. VI. 111. 1; 113. 1; VII. 233. 1; VIII. 1. 1; 44. 1; 50. 2; IX. 7. 1; 15. 3; 25. 2-3; 28. 6; 30. 1; 31. 5; 85. 1-3); называет связанные с Платеями сакральные пространства: (Hdt. VI. 111. 2; IX. 52. 1; 61. 3; 81. 1; 101.1); воспроизводит исключительно мифологический нарратив (Hrd. IX. 83. 2). Отдельно отметим, что достаточно часто⁴ битва при Платеях или «платейское дело» выступает как временной ориентир (событие-маркер, веха), например: Hdt. VII. 231. 1; VIII. 126. 1; IX. 16. 5; 35. 2; 36. 1. Платеи у Геродота предстают небольшим независимым полисом Беотии, который находится в перманентной конфронтации с Фивами и Беотийским союзом на протяжении всего V в. до н. э. Город, в его изложении, также являлся союзником Афин в период Греко-персидских войн, а его жители успели отметиться в основных событиях этого конфликта.

Фукидид и его «История Пелопоннесской войны»⁵ отличаются от труда Геродота и центральной темой, и подходам к рассмотрению событий. Более того, если Геродот собирал сведения о различных эпохах и отдельных народах в разных частях Ойкумены, то Фукидид являлся непосредственным современником и участником событий, которые описывает. Собственно, он описывает события V в. до н.э., известные как Пелопоннесская война⁶ – военный конфликт Делосского и Пелопоннесского союзов (см.: Приложение Б, рис. 1). Фукидид, вследствие жизненных перипетий, успел побывать по обе стороны конфликта, что позволяло ему взглянуть на события с разных сторон, дабы наиболее объективно потом отразить их в своём труде. Упоминает он и то, что свидетели и очевидцы одних и тех же событий рассказывали о них не одинаково, а «под влиянием пристрастия или памяти», при этом он старался передать собственные свидетельства или свидетельства других очевидцев, подвергнутые тщательной и точной проверке (Thuc. I. 22).

⁴ Hrd. IX. 38. 1; 39. 1; 41. 1; 51. 1; 65. 1; 72. 1-2; 76. 1; 78. 1; 86. 1; 88. 1; 89. 1; 90. 1.

⁵ Фукидид. История / Пер. Ф.Г. Мищенко в перераб., с примеч. и вступ. очерком С.А. Жебелева. М.: М. и С. Сабашниковы, 1915. 447 с.; Фукидид. История / Изд. подгот. Г.А. Стратановский и др.; [Примеч. Г.А. Стратановского] М., Л.: Наука, 1981. 543 с.

⁶ Война продолжалась до 404 г. до н.э., но ко времени её окончания Фукидид уже умер.

Объяснение исторических событий у него не является следствием вмешательства богов или мифологии. Вероятно, главная заслуга Фукидида – стремление к объективности посредством сопоставления нескольких свидетельств и источников. Также автор старается избегать пристрастий, описывая события и людей вне зависимости от собственного к ним отношения. В этом заключается особый метод Фукидида: он трансформировал субъективные импульсы в написание своего исторического сочинения в попытке создать оригинальную картину прошлого и настоящего⁷. По сравнению с сочинением Геродота, труд Фукидида в гораздо большей степени является историей. Собирая информацию о происходящих событиях он стал сразу после начала войны, а уже после 424 г. до н.э., как он сам говорит, ему удалось лично посетить места происходивших событий (Thuc. I, 47). Количество упоминаний полиса Платеи у Фукидида значительно, хотя и уступает упоминаниям Коринфа, Фив, Спарты, Афин. Мы выбрали наиболее содержательные и интересные, на наш взгляд, фрагменты. Рассмотреть абсолютно все упоминания нам не представляется необходимым в рамках данного исследования, поскольку, как и в случае с «Историей» Геродота, определённая часть фрагментов не содержит информации о полисе или его жителях, а город/локализация битвы называются только как ориентиры времени и места. Отмечается автором союзнический характер отношений Афин и Платей: (Thuc. II. 2. 2; 6. 2; 6. 3; 9. 4; III. 55. 3; 63. 2; 68. 5); также ведётся речь о политическом взаимодействии с Фиванским полисом: (Thuc. II. 2. 3-4; 5. 2; III. 61. 2). Сообщает Фукидид и о военной истории общины (в том числе об осаде города): (Thuc. II. 2. 4; 4. 7-8; 5. 6-7; 6. 4; 71. 2. - 72. 1; 74. 2; 77. 1; 78. 2-3; III. 20. 2; 24. 2; 54. 4-5; 68. 1); отмечает гражданский коллектив (Thuc. II. 2. 2; 71. 2); рассказывает о религиозном действе (Thuc. II. 71. 2). Также встречаются упоминания города

⁷ Shanske D. Thucydides and the philosophical origins of history. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 168. См. также: Кессиди Ф.Х. Философия истории Фукидида. СПб.: Алетейя. 2008. 272 с.

и сражения как временного ориентира, но укажем здесь лишь Thus. I. 130. 1. Сведения Фукидида подтверждают наблюдения Геродота, в то же время имеют место и некоторые противоречия между текстами этих античных авторов, сообщения которых нельзя трактовать однозначно. К тому же, Фукидид освещает большое количество событий, не вошедших в труд предшественника.

Следует также сказать и о другом античном авторе, Ксенофонт⁸. Мы рассматривали несколько его трудов, а именно: «Киропедия», «Анабасис», «Агесилай» и «Греческая история». Сугубо историческими являются «Анабасис» и «История», в то время как «Киропедия» и «Агесилай» восхваляют Кира II Великого и Агесилая II соответственно, – это своеобразные панегирики. «Киропедию» по ее содержанию можно отнести к художественному литературному произведению. «Греческая история» представляет собой продолжение «Истории» Фукидида⁹, в которой явно прослеживается лаконофильство автора. Приверженность Спарте можно объяснить тем, что Ксенофонт примерно половину жизни прожил вне афинской родины. «Анабасис» же – произведение не только историческое, но и биографическое. В описываемом походе¹⁰ в составе греческих наёмников участвовал сам Ксенофонт. Кроме событий собственно похода, касающихся греков в чужой для них стране, автор предоставляет сведения о народах Междуречья, Армянского нагорья и южного побережья Чёрного моря, через чьи земли отступало войско эллинов (Приложение Б, рис. 2). Несмотря на, казалось бы, столь оригинальные сведения, «Анабасис» является, скорее, восхвалением собственных талантов Ксенофонта, который в определённый момент оказался во главе войска. Естественно, это не требует от нас отказа от использования его сочинений, но заставляет более осторожно использовать факты, приведённые им. Сразу следует сказать, что мы решили привлечь

⁸ Ксенофонт. Анабасис. Греческая История / Пер. С.Я. Лурье, М.И. Максимовой, С.И. Соболевского. М.: АСТ; Астрель, 2011. 642 с.

⁹ С 411 по 362 гг. до н.э.

¹⁰ Поход Кира Младшего против брата Артаксеркса II.

несколько трудов Ксенофонта, поскольку он смещает географический вектор своего повествования на Восток от Эллады. Трудно ожидать наличия большого количества упоминаний полиса Платеи в его трудах. Действительно, в «Киропедии» и «Агесилае» мы не встречаем интересующих нас упоминаний. Это выглядит весьма естественно, поскольку содержание произведений в тематическом и географическом плане довольно далеко отстоит от близких к Платеям регионов. «Киропедия» повествует о жизни и правлении персидского царя Кира II Великого, жившего в середине VI в. до н.э., «Агесилай» рассказывает о жизни и личности спартанского царя Агесилая II, который жил в первой половине IV в. до н.э.

В главном труде Ксенофонта – «Анабасисе Кира» – описывается отступление контингента греческих наёмников из Месопотамии после битвы при Кунаксе (401 г. до н.э.). В «Анабасисе» тоже отсутствуют упоминания Платей или платейцев. Отметить можно только то, что одним из стратегов похода был Проксен-беотиец¹¹. Он упоминается в тексте примерно 9 раз. Можно определённо сказать, что гражданином Платей он не являлся. Наиболее вероятно, что он был представителем Фив¹². Сведения о Платейском полисе мы находим именно в «Греческой истории». Среди найденных упоминаний можно обнаружить информацию о военной истории города, характере межполисного взаимодействия и др. (Xen. Hell. IV. 8. 10; V. 1. 31; 4. 10; 4. 14; 4. 48; VI. 3. 1; 3. 5; VII. 1. 34).

Далее назовем «Всеобщую историю» Полибия¹³. Написанная во II в. до н.э., она повествует о событиях в Средиземноморье во время Пунических войн. В своём труде Полибий сводил исторический поиск к установлению и разграничению таких реальных моментов как повод, причина и начало событий, вводил понятие судьбы лишь в тех случаях, когда от историка

¹¹ «Πρόξενος ὁ Βοιωτίας».

¹² Поскольку основными руководителями похода были спартанцы, недавние союзники Фив по Пелопоннесской войне.

¹³ Полибий. Всеобщая история. Книги I-IX / Пер. и ком. Ф.Г. Мищенко. М.: Олма-Пресс Инвест, 2004. 576 с.

ускользала объективная связь явлений. В частности, у Полибия Судьба является силой, которая благоволит римлянам. В этом труде автор стремится понять, как Рим подчинил весь эллинистический мир. Также Полибий объясняет своим соплеменникам-грекам, как сосуществовать с народом Рима (Polyb. I. 3. 8; VI. 11. 3). «Всеобщая история» учит смотреть в прошлое, чтобы не совершать подобных ошибок в будущем. Достоверность отображаемых у Полибия фактов сопоставима с Фукидидом, но слог Фукидида не настолько тяжеловесен. Также Полибий пытается раскрыть причины, стоящие за явлениями и взаимосвязи между ними. Однако автор пишет о событиях более позднего времени (относительно V в. до н.э.). Судя по всему, именно с этим связано отсутствие упоминаний Платей или Платейской области у Полибия. Много раз называет автор лишь беотийцев¹⁴ – «Βοιωτῶν» (Polyb. 4. 25. 2)¹⁵, генетив множественного числа от слова «Βοιωτός». Полибий не называет отдельно ни одну народность, жившую в Беотии, кроме фиванцев.

Важным источником является «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского¹⁶, созданная в I в. до н.э. Часть этого труда, а именно книги с VII по XVII представляют собой изложение греческой истории со времён Троянской войны вплоть до кончины Александра Македонского. Таким образом, в них затрагивается и интересующий период греческой истории V-IV вв. до н.э. Диодор сообщает (во многом подтверждая сведения предшествовавших авторов) о событиях военной истории Платей: (Diod. V. 52. 3; XI. 14. 5; 23. 1; 29. 1; 32. 1; 35. 1-2; 36. 7; 82. 1; XII. 47. 2; 56. 1; 56. 4-6; XV. 46. 4-6; XVII. 13. 5); указывает характер дипломатического взаимодействия с соседними общинами: (Diod. XII. 41. 2-3; 41.5; 42. 1; 47. 1; 76. 3; XV. 46. 6; 51. 3); Также Диодор единожды отмечает религиозную жизнь

¹⁴ В современной русской лексике используется слово «беотийцы», в переводе Ф.Г. Мищенко – «беотяне».

¹⁵ Пример упоминания.

¹⁶ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книги IV-VII. Греческая мифология / Пер. О.П. Цыбенко. СПб.: Алетейя, 2005. 384 с.

полиса: (Diod. XI. 29. 1); несколько раз говорит о роли Платейской битвы: (Diod. IX. 10. 5; 39. 1; XII. 42. 2); отмечает сам городской центр как географический (Diod. XII. 42. 2; 47. 1; XV. 46. 5; XVIII. 11. 5), а сражение при нём как временной ориентир (Diod. XI. 34. 1; 35. 2; 44. 1; 46. 2). Таким образом, концептуально новой информации о Платеях автор не сообщает, но своими сведениями (а, значит, и сведениями не дошедших до нас источников) подтверждает общую тенденцию сообщений о полисе, как и сохранение этой традиции даже три века спустя.

Труд Тита Ливия «История от основания города»¹⁷, созданный в конце I в. до н. э., дошел до нашего времени, к сожалению, не в полном объёме. Тем не менее, книги, в которых содержится информация об Элладе, сохранились. Однако, автор называет Платеи единожды, при описании Второй Македонской войны: (Liv. XXXIII. 2). Речь идёт о жителе платейского полиса, который выступил с предложением сотрудничества с римлянами. Более сведений об интересующей общине в данном источнике не найдено.

Наконец, назовем самого позднего из рассматриваемых авторов. Это Павел Орозий, христианский теолог и историк V в. н.э. Его главное сочинение называется «История против язычников»¹⁸. В этом труде, направленном, как следует из названия, против представителей языческого Рима, встречаются сюжеты греческой истории. Орозий упоминает население Платейского полиса в контексте Марафонского сражения: (Oros. II. 8. 9). Отмечается и битва при Платеях, но без названия, как и без указания населённого пункта, рядом с которым она произошла (Oros. II. 11. 3).

Вторая группа письменных источников — географические трактаты. Труд под названием «География», чьим автором является Страбон (конец I в. до н.э.), — произведение описательного характера, в котором он пытается

¹⁷ Ливий, Тит. История Рима от основания города. В 3 т. / Переводы под ред. М.Л. Гаспарова, Г.С. Кнабе, В.М. Смирнова. Отв. ред. Е.С. Голубцова. (Серия «Памятники исторической мысли»). М.: Наука, 1989—1993. Т. 3. Книги 31-45. 1993. 768 с.

¹⁸ Орозий, Павел. История против язычников / Пер., вступ. ст., комм. и указ. В.М. Тюленева. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2004. 542 с.

объединить и провести систематизацию знаний об Ойкумене. Из семнадцати книг «Географии» две первые составляют введение и содержат в себе, большей частью, сведения в виде полемики с предшественниками, изложение принципиальных соображений Страбона о землеописании как науке, о пользе географических знаний для всякого образованного человека, особенно для полководца и правителя.¹⁹ Собственно, «География»²⁰ – есть труд географический, этнологический, что придаёт ему особую ценность, поскольку остальные наши источники по проблеме – в первую очередь исторические сочинения (Геродот, Фукидид, Ксенофонт²¹). Также как и Геродот, Страбон посетил множество регионов известного тогда мира: Испанию, Малую Азию, Египет и др. К достоинствам «Географии» стоит отнести и обилие разнообразных сведений о народах и государствах, в частности, интересны описания Скифии и Кавказа как территорий, входящих в состав современной России. В рамках нашего исследования наиболее ценным представляется рассмотрение описания Беотии и прилегающих к ней регионов. Автор сообщает сведения о плодородии беотийских почв, военной истории полиса, происхождении названия Платей, упоминает подчинение соседних общин Платейскому полису, а также называет город как географический ориентир (Strab. IX. 2. 1; 2. 5; 2. 17; 2. 24; 2. 29; 2. 31; 2. 39).

Информацию по различным аспектам Беотийского региона мы находим и у Павсания в «Описании Эллады»²². Это произведение, написанное во II в. н.э., перечисляет достопримечательности с их географической привязкой. Для Павсания привычно описывать главную дорогу местности, ведущую в центр. Затем – все дороги, ответвляющиеся от неё. Попутно он останавливается на храмах, статуях, гробницах, алтарях и прочем, что может

¹⁹ Грацианская Л.И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР 1986. М.: Наука, 1988. С. 6-175.

²⁰ Страбон. География / Пер. с др.-греч. Г.А. Стратановского под ред. О.О. Крюгера / Общ. ред. С.Л. Утченко. 2-е изд. Репр. М.: Ладомир, 1994. 944 с.

²¹ Хотя мы отмечали и этнографическую ценность трудов Геродота и Ксенофонта.

²² Павсаний. Описание Эллады. В 2 тт. / Пер. С.П. Кондратьева. 4-е изд. (Серия: Классическая мысль). М.: АСТ-Ладомир, 2002. Т. 1. 496 с. Т. 2. 512 с.

быть интересно путешественнику. Упоминает автор и легендарные события. Наиболее подробно он останавливается на религиозных традициях населения Греции и связи сакральных пространств с множеством исторических событий. Но при этом имеются и фактологические сведения по истории как классической, так и эллинистической эпох. Более того, он ставит себе целью рассказать про факты, которые «не попали в историю» (Paus. I. 23. 2). Этим данный источник представляет особую ценность для нашего исследования. Он передаёт новые (относительно уже рассмотренных произведений) факты и события, другой взгляд на них. Нельзя забывать и о хронологическом разрыве между интересующим нас периодом и созданием «Описания Эллады» (более 500 лет). Собственно, в этом сочинении отражено отдаленное восприятие реалий V в. до н.э. Павсаний сообщает о военной истории Платей, во многих случаях касаясь именно событий V в. до н.э. (Paus. I. XV. 4; XXVII. 1; XXIX. 12; XXXII. 3; III. VII. 10; IX. 3; XI. 7; VI. XIV. 13; XIV. 1; XVII. 7; IV. XXVII. 9-10; IX. I. 3,8; IV. 2; VI. 1). Серьёзный экскурс совершается в религиозный аспект жизни Платейской общины (Paus. V. XXIII. 1-3; VI. X. 2; VII. XXVII. 2; IX. II. 5-7; III. 1, 3, 5-6; IV. 1, 3; V. 11; X. XIII. 9; XIV. 5; XV. 1; XVI. 6). Освещается местная мифологическая традиция (Paus. IX. I. 1-2; X. V. 3-4). Нельзя не отметить упоминания города и битвы в качестве географического и временного ориентира (Paus. I. XIII. 4; XXXVIII. 8; II. VI. 1; III. IV. 9; V. 9; VI. III. 8; VII. VI. 3; VIII. II. 2; VI. 1; IX. II. 1; IV. 4; VIII. 7; X. II. 1). Павсаний в основной массе сведений описывает не события прошлого, а увиденные им места, где когда-то происходили исторические события, услышанные от местных жителей истории, в том числе мифологические. Таким образом, мы наблюдаем определённую рецепцию исторических событий V в. до н. э. во II в. н. э. и видим через восприятие Павсания несколько иную грань прошлого.

Гай Плиний Секунд (Плиний Старший) известен своей «Естественной историей»²³. В этом произведении он всесторонне описывает устройство мира, включая сведения о географии и истории Эллады. Имелись ожидания о нахождении сколько-нибудь подробных сведений о Платеях в тексте источника, однако автор просто перечисляет Платеи среди других городов региона (Plin. Nat. IV. 12). В связи с этим мы отнесли данный естественнонаучный труд к источникам географического характера по нашей теме.

Третья группа представлена письменным наследием ораторского искусства. Наше внимание привлекли отдельные эпизоды истории Платей в речах греческих ораторов периода классики: Исократа²⁴, Лисия²⁵, Демосфена. Исократ в «Панафинейской» (Isoc. 12) и «Платейской» речах (Isoc. 14) отмечает Платейскую битву, судьбу граждан Платей после осады города и событий начала IV в. до н.э., получение (и позднее возобновление) ими гражданских прав в Афинах, тяжелое положение платейцев после потери территории полиса. Лисий в речи «Против Панклеона» (Lys. 23) сообщает о занятиях платейцев во время жизни в Афинах, места их собраний и (предположительно) филы и демы, в которых они проживали. К тому же, сам повод для написания речи демонстрирует проблему получения статуса гражданина, о которой упоминал другой автор (Dem. 59.104–5). В речи «Против Нееры» (Dem. 59.), приписываемой Демосфену, освещаются обстоятельства получения платейцами афинского гражданства и условия, необходимые для такой милости от Афинского полиса.

²³ Pliny. Natural History. With an English translation. Vol. II. Libri III-VII / Ed. by H. Racham, London, Heineman Ltd., 1961. 670 p.

²⁴ Исократ. Малые аттические ораторы / Под общ. Ред. Э.Д. Фролова. М.: Ладомир, 2013. 1071 с.

²⁵ Лисий. Речи / Пер., статьи и комм. С.И. Соболевского. М.: Ладомир, 1994. 371 с.

«Наставления оратору» Марка Фабия Квинтилиана²⁶ являются учебником по ораторскому искусству. Однако, ссылки Квинтилиана на древнегреческих ораторов также позволяют использовать его труд в нашем исследовании. Собственно, встречаем упоминание Платейской битвы при описании ораторской техники Демосфена (Quint. Inst. XI. 6. 168).

В четвертую группу входят произведения биографического характера. Сочинение, которое в центр рассмотрения ставит не столько события, сколько личности, в них участвовавшие, – «Сравнительные жизнеописания» Плутарха²⁷. Рассказывая о людях, которых он считал примером выдающихся деятелей, автор использовал источники (и делал ссылки на них), не дошедшие до нас. Это открывает широкие возможности по сопоставлению уже названных нами источников с трудом Плутарха. Однако необходимо принять к сведению, что задачей автора было показать и раскрыть личность великого человека, его характер. Отсюда вытекает использование анекдотических сюжетов и фольклора, поэтому к материалу надо подходить с известной долей осторожности. Тем не менее, подобные отступления, в том числе и мифологические, преподносятся, чтобы заинтересовать читателя. Намеренного стремления исказить историю у Плутарха нет. В отношении интересующего нас Платейского полиса Плутарх сообщает о некоторых его гражданах (Plut. Comp. Sol. Publ. 4. 1; Arist. 17. 1, 3; 21. 4; Phoc. 33. 3); военных сюжетах (Plut. Pel. 15. 4; 25. 5; Arist. 11. 1, 9; 13. 1; Alex. 11. 5); роли Платей в греческой народной памяти: (Plut. Flam. 11. 3; Cim. 13. 3; Alex. 34. 1); о религиозном наполнении городского центра (Plut. Arist. 11. 4-6, 8; 18. 1; 19. 7; 20. 3-5; 21. 2-1, 5). Платеи как ориентир (географический и хронологический) тоже упоминаются²⁸.

²⁶ Фабий Квинтилиан, Марк. Двенадцать книг риторических наставлений. / Пер. с лат. [неполный] А. Никольского. Ч. 1. СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1834. Ч. 1. 486 с.

²⁷ Plutarch. Plutarch's Lives. with an English Translation by. Bernadotte Perrin. Cambridge: Harvard University Press; London: William Heinemann Ltd, 1914. 623 p.

²⁸ Plut. Them. 16. 5; Cam. 19. 3; Aem. 25. 1; Arist. 1. 8, 5. 7, 23. 5; Comp. Aristid. Cat. 2. 1, 5. 1; Lys. 28. 2, 29. 1; Comp. Lys. Sull. 4. 2; Agis 3. 3.

Сочинение Корнелия Непота «О знаменитых иноземных полководцах»²⁹ включает в себя и рассказы об эллинских предводителях времён Греко-персидских войн. Автор отмечает союз с Афинами (Nep. Milt. 5. 1), упоминает битву при Платеях как событие (Nep. Paus. 1), и как временной ориентир (Nep. Ar. 2. 1).

Пятая группа – драматические произведения. Труды Аристофана привлекли наше внимание в части сведений об экономике Беотийского региона, это комедии «Ахарняне» (Aristoph. Acharn. 873-876; 901-902) и «Мир» (Aristoph. Pax. 1003-1005). Непосредственно о Платейском полисе речи в них не идет, в отличие от текста «Лягушек», где отмечается получение платейцами гражданства Афин (Aristoph. Ran. 694).

Шестая группа – военные трактаты. Полиэн в своих «Стратегемах» весьма кратко упоминает битву при Платеях (Polyaenus, Strat. I, XXXIII; VII, XXXIII), а также осаду Платей в рамках Пелопоннесской войны (Polyaenus, Strat. VI; XIX), при этом искажая сведения Фукидида и Диодора. Соответственно, почерпнуть у него новых данных не представилось возможным, но удалось увидеть, как может искажаться информация об одних и тех же событиях с течением времени.

Обращение к сочинениям пятой и шестой групп показало их вспомогательный характер для нашего исследования, обращения к ним были лишь эпизодическими.

Кроме произведений античной нарративной письменной традиции, в рамках исследования нами привлечен эпиграфический материал. Рассмотрены порядка 60 надписей, содержание 12 из которых непосредственно отражено в диссертации. Столь ограниченное количество дошедших эпиграфических памятников объясняется особенностями политической истории Платейского полиса. Большая часть сохранившихся

²⁹ Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Пер., ст. и комм. Н.Н. Трухиной. М.: Издательство МГУ. 1992. 208 с.

надписей была повторно использована в качестве строительного материала, в связи с чем не всегда поддаётся точной датировке.

Единственным папирологическим источником в рамках темы исследования является «Греческая история»³⁰, найденная в Оксиринхе. Она продолжает «Историю» Фукидида, при этом опровергает ряд сведений Ксенофонта. Собственно, это продолжение было записано на папирусах, в большом количестве найденных при раскопках начиная с 1896 г. экспедицией Оксфордского университета³¹. Датируется написание этой «Оксиринхской истории» первой половиной IV в. до нашей эры³². Нас же интересуют в ней сообщаемые сведения о структуре Беотийского союза, необходимый для рассмотрения фрагмент источника приводим в приложении (Приложение А, фрагмент 1). Речь идёт о системе избрания беотархов в Беотийском союзе. Также данный источник сообщает, что Платеи ранее смогли создать собственный союз в Беотии. Но, попав в итоге под власть фиванцев, граждане Платей не могли принимать участия в процессе избрания магистратов. Город просто перестал быть автономным образованием.

Кроме отмеченных нами в подстрочнике печатных изданий письменных источников в исследовании использованы тексты античных авторов на языках оригиналов из электронной библиотеки античной и библейской литературы “MUSAIOS”³³, а также цифровой библиотеки “Perseus”³⁴ Университета Тафтса. Обе базы данных содержат поистине колоссальную коллекцию текстов.

³⁰ Hellenica oxyrhynchia. Edited with translation and commentary by P. R. McKechnie & S.J. Kern. Oxford: Aris & Phillips, 1988. 187 p.

³¹ Underhill G.E. A Commentary with Introduction and Appendix on the Hellenica of Xenophon. Oxford: Clarendon Press, 1898. 378 p.

³² Post L. A Note on Oxyrhynchus Papyrus XVII, 2082 // Classical Philology. 1930. Vol. 25. №2. P. 183-184.

³³ Musaios: Software for TLG and PHI CD-ROMs / Darl J. Dumont, Randall M. Smith. (638 Мб). Загл. с экрана. Pacific Palisades, 1995. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

³⁴ Perseus Digital Library. Tufts University. URL: <https://www.perseus.tufts.edu> (accessed: 18.03.2026).

Для работы с эпиграфическими источниками использовались базы данных Attic Inscriptions Online³⁵ и Searchable Greek Inscriptions³⁶, а также издания надписей Р. Мейггса, Д. Льюиса³⁷, П. Родса и Р. Озборна³⁸, репринт оригинальной версии Inscriptiones Graecae VII³⁹.

Относительно *вещественных источников* отметим, что вследствие особенностей исторического развития общины (а именно многочисленных разрушений городского центра), сохранным оказалось гораздо меньшее количество материала, чем в иных поселениях. Археологический материал в рамках тематики нашего исследования не является, к сожалению, в значительной степени репрезентативным. Тем не менее, некоторая его часть использована в работе.

Данные *нумизматики*, относящиеся к Платейскому полису, минимальны, тому же сохранность монет не лучшая⁴⁰. В нашей работе использована монета, датируемая началом IV в. (387-372 гг. до н.э.)⁴¹, Платей довольно надежно определяются в качестве места ее чеканки.

Степень изученности темы

Научную литературу, использованную в рамках исследования, можно разделить на несколько групп.

1. *Общие исследования по истории Древней Греции и основных сфер ее жизни.*

В первую очередь рассмотрим работы, посвящённые общим вопросам истории Античной Эллады. Среди них отметим комплексные труды по

³⁵ Attic Inscriptions online (AIO). URL: <http://www.atticinscriptions.com/> (accessed: 26.02.2026).

³⁶ Searchable Greek Inscriptions. Epigraphy project of the Packard Humanities Institute. URL: <http://www.epigraphy.packhum.org> (accessed: 18.03.2026).

³⁷ Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the end of the fifth century B.C. Oxford: Clarendon Press, 1969. 308 p.

³⁸ Rhodes P.J., Osborne R. Greek Historical Inscriptions, 404-323 B.C. New York: Oxford University Press, 2003. 632 p.

³⁹ Inscriptiones Graecae. Megaridis Oropiae Boeotiae / Ed. W. Dittenberger. Reduced reprint of the Berlin 1892 edition. Chicago: Ares Publishers, Inc., 1992. 806 p.

⁴⁰ Fossey J.M. Topography and population of ancient Boiotia. Vol.1 Chicago: Ares Publishers, 1988. P. 110.

⁴¹ Приложение Б, рис. 5.

проблемам греческой истории. Карл Юлиус Белох в «Греческой истории» фактически создал один из наиболее полных трудов по греческой истории архаики и классики⁴². Исследование Ньюма Дени Фюстеля де Куланжа «Гражданская община античного мира» освещает истоки античной гражданской общины как способа социальной и политической организации⁴³. Автор подчёркивает роль сакральной сферы, повлиявшей на политические и юридические институты греческой и римской общин. Соломон Яковлевич Лурье создал классическую работу⁴⁴, посвящённую многим аспектам греческой цивилизации разных периодов. В таком же качестве выделим и монографии Эрнста Курциуса⁴⁵ и Николааса Хаммонда⁴⁶. Нельзя не упомянуть и серию «Кембриджская история древнего мира», а именно том IV, который посвящён истории Греции, Персии, западного Средиземноморья на рубеже VI-V вв. до н.э.⁴⁷ Подобный подход позволяет взглянуть на Средиземноморский регион как на систему, преодолевая определённый исследовательский «регионализм». Джон Файн в «Критической истории» представляет детальный анализ истории Греции в весьма широком хронологическом диапазоне⁴⁸. Автор не просто использует археологические данные или свидетельства письменной традиции, а погружается в общий контекст истории Восточного Средиземноморья. Кропотливое рассмотрение истории Эллады рубежа V-IV вв. до н.э. содержится в монографии Эдуарда

⁴² Белох Ю. Греческая история: в 2 т. / Пер. с нем. М.О. Гершензона / Под. ред. и со вступ. ст. Ю.И. Семенова. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2009. Т. 1. 468 с.

⁴³ Фюстель де Куланж Н.Д. Гражданская община античного мира. М.: Вече, 2019. 448 с.

⁴⁴ Лурье С.Я. История Греции. СПб.: Издательство СПбГУ, 1993. 680 с.

⁴⁵ Курциус Э. История Древней Греции. В 5 тт. Минск: АСТ Харвест, 2002. 496 с.

⁴⁶ Hammond N.G.L. A History of Greece. Oxford: Oxford University Press, 1967. 716 p.

⁴⁷ Персия, Греция и западное Средиземноморье. Ок. 525-479 гг. до н.э. / Под ред. Дж. Бордмэна, Н.Дж.Л. Хэммонда, Д.М. Льюиса и М. Оствальда: Пер. с англ., подготов. текста, предисловие, примечания А.В. Зайкова. М.: Ладомир, 2011. 1112 с.; также в качестве общего труда см. Боннар А. Греческая цивилизация. Т. I. От Илиады до Парфенона / Пер. с франц. О.В. Волкова. Предисл. проф. В. И. Авдиева. М.: Искусство, 1992. 269 с.

⁴⁸ Fine J.V.A. The Ancient Greeks: A Critical History. Cambridge: Harvard University Press, 1983. 721 p.

Давидовича Фролова «Греция в эпоху поздней классики»⁴⁹, в которой автор рассматривал социальные конфликты внутри гражданских общин, находил в событийной канве причины упадка полисной культуры. С нестандартной точки зрения подходит к греческой истории Пол Картледж, изучая её через призму отдельных общин⁵⁰. К тематике городов обращается и Пол Маккехни, изучая «чужаков» в греческих городах IV в. до н.э.⁵¹. Отдельно выделим сборник статей о древнегреческих диалектах под редакцией Йоргоса Йаннакиса⁵², Эмилио Креспо и Панагиотиса Филоса. В ней рассматриваются как общие моменты, связанные с распространением диалектов и их особенностями, так и пять регионов ойкумены со свойственными им языковыми паттернами.

Экономическим аспектам греческой истории посвящена монография Мозеса Финли⁵³, в которой автор сосредотачивается на аграрных отношениях, участии политического руководства полиса в экономике, рабовладельческом вопросе. Непосредственно народонаселению античной Эллады посвящён капитальный труд Юлиуса Белоха «Население греко-римского мира»⁵⁴. На границе экономики и демографии расположилось исследование Честера Старра⁵⁵, в котором комплексно рассматривается экономический и социальный рост в архаической Греции. Также важной работой предстаёт сборник статей “The Ancient Greek Economy. Markets, households and city-states”, где коллектив авторов рассматривает

⁴⁹ Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики. СПб.: Издат. центр «Гуманитарная Академия», 2001. 602 с.

⁵⁰ Картледж П. История Древней Греции в 11 городах / Пер. с англ. А.В. Короленкова, Е.А. Семёновой. Москва: АСТ, 2014. 285 с.

⁵¹ McKechnie P. Outsiders in the Greek cities in the Fourth Century B.C. London: Rutledge, 1989. 242 p.

⁵² Studies in Ancient Greek Dialects. From Central Greece to the Black Sea. / Ed. by G.K. Giannakis, E. Crespo, P. Filos. Berlin: De Gruyter, 2018. 599 p.

⁵³ Finley M.I. The Ancient Economy. Berkley: University of California Press, 1999. 262 p.

⁵⁴ Beloch J. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. Leipzig: Duncker & Humblot, 1886. 520 S.

⁵⁵ Starr Ch.G. The economic and social growth of Early Greece 800–500 B.C. New York: Oxford University Press 1977. 267 p.

внутриполисную, региональную и межполисную торговлю, торговые сети античной Греции, экономику домовладений⁵⁶.

Существенные стороны как истории, так и восприятия греками окружающей действительности (в том числе, исследуя и проблему полиса) освещает ведущий российский специалист по данной тематике Игорь Евгеньевич Суриков в работах «Античная Греция: ментальность, религия, культура»⁵⁷ и «Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры»⁵⁸. В них рассматривается культурный, правовой, экономический, исторический и социальный контекст греческой ментальности, мировоззрение и картина мира древних. И.Е. Сурикову также принадлежат работы, рассматривающие роль личности в событиях, явлениях и процессах Античной Греции⁵⁹, особенности создания исторических трудов древнегреческими авторами и их воззрения на историописание⁶⁰.

Античные концепты демократии и свободы, а также современное их понимание, рассматривались Мозесом Финли⁶¹, Верой Викторовной Дементьевой⁶². Специфику взаимодействия с историческим источником показывали Самуил Яковлевич Лурье (анализируя труд Геродота)⁶³, Юрий

⁵⁶ The Ancient Greek Economy. Markets, households and city-states / Ed. by. E.M. Harris, D.M. Lewis, M. Woolmer. Suffolk: Clays Ltd, 2015. 474 p.

⁵⁷ Суриков И.Е. Античная Греция: ментальность, религия, культура. (Opuscula Selecta I). М.: Языки славянской культуры, 2015. 720 с.

⁵⁸ Суриков И.Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 400 с.

⁵⁹ Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М.: Наука, 2008. 384 с.

⁶⁰ Суриков И.Е. Геродот. М.: Молодая гвардия, 2009. 444 с.; Суриков И.Е. Образы времени в историческом труде Геродота // Античный мир и археология. 2009. Вып. 13. 2009. С. 10-35.; Суриков И.Е. Очерки об историописании в классической Греции. М.: Языки славянских культур, 2011. 504 с.

⁶¹ Finley M. Democracy ancient and modern. (Mason Welch Gross Lectureship Series). New Brunswick: Rutgers University Press, 1985. 208 p.

⁶² Дементьева В.В. Античная свобода как основа современного понятия политической свободы (историографические заметки) // Государство. Общество. Религия: Проблемы всемирной истории: Сб. науч. тр. / В.В. Дементьева, М.Е. Ерин (отв. ред.). Ярославль, 2007. С. 3-10; Дементьева В.В. «Современная античность и античная современность» (Историография начала XXI века о греко-римских истоках европейских политических парадигм) // Вестник древней истории. 2008. №3. С. 212-223.

⁶³ Лурье С.Я. Геродот. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1947. 236 с.

Викторович Андреев (прослеживая взаимосвязь исторических и мифологических сюжетов)⁶⁴, Лев Самуилович Клейн (на примере исследований «Илиады»)⁶⁵, Эдуард Валерьевич Рунг (в классической греческой историографии)⁶⁶ и Елена Валентиновна Никитюк⁶⁷.

Труды по военной истории Греции представлены общими работами по истории и развитию военного дела. Прежде всего, это исследование Джона Моррисона о гребном флоте греков⁶⁸. В нём рассматривается эволюция вёсельного флота на протяжении архаического, классического и части эллинистического периодов, а также представлен весь необходимый исследовательский аппарат для погружения в тему. Не менее ценной работой предстаёт работа Питера Коннолли «Греция и Рим: Эволюция военного искусства на протяжении двенадцати веков»⁶⁹. Она во многом является своеобразной точкой входа в военно-историческую проблематику Античности, совместно с книгой Г. Дельбрюка⁷⁰. Отметим также статьи Харийса Туманса⁷¹ и Александра Константиновича Нефёдкина⁷², посвящённые проблемам ранней военной организации греческих вооружённых сил. Тому, какое влияние оказывала война на повседневность древних, на экономические и религиозные сферы жизни посвящены

⁶⁴ Андреев Ю.В. История и миф / Подготовка издания Л.В. Шадричевой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», Ювента, 2018. 376 с.

⁶⁵ Клейн Л.С. Расшифрованная «Илиада». СПб.: Амфора, Петроглиф, 2014. 576 с.; Клейн Л.С. «Илиада»: эпос и история. СПб.: «Евразия», 2019. 224 с.

⁶⁶ Рунг Э.В. Подходы к обозначению и периодизации исторических событий в греческой историографии классического периода // Вестник РГГУ. 2010. №10 (53). С. 11-30.

⁶⁷ Никитюк Е.В. Фукидид и Афинская демократия // Мнемон. 2008. Вып.7. С. 119-133.

⁶⁸ Morrison J.S. Greek Oared Ships 900–322 B.C. / Ed. by J.S. Morrison and R.T. Williams. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. 336 p.

⁶⁹ Коннолли П. Греция и Рим. Эволюция военного искусства на протяжении двенадцати веков. М.: ЭКСМО-Пресс, 2009. 312 с.

⁷⁰ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М.: Эксмо, 2015. 496 с.

⁷¹ Туманс Х. Военная организация греков в архаическую эпоху (Афины VIII–VI вв. до н.э.)

// Античное общество: Проблемы политической истории. 1997. С. 6-19.

⁷² Нефёдкин А.К. Основные этапы формирования фаланги гоплитов: военный аспект проблемы // ВДИ. 2002. №1. С.87-96.

монография Уильяма Притчета “The Greek State at war”⁷³ и статья Винсента Габриэльсена⁷⁴. О стереотипах и мифах относительно военного дела Эллады в массовом (и не только) сознании пишет Ханс ван Веес в попытке их развенчать⁷⁵. Противоположную точку зрения, с другой стороны конфликта, отражает Том Холланд⁷⁶.

Необходимо остановиться на исследованиях, в которых авторы в центр своего внимания ставят более конкретные проблемы, а именно события крупнейших конфликтов древней Греции: Греко-персидских войн и Пелопоннесской войны. Следует отметить работу Дж. Гранди о «Великой Персидской войне»⁷⁷. Эта книга, вероятно, одна из первых в череде трудов, посвящённых непосредственно военному конфликту, с привлечением различных типов источников. Интересный взгляд на проблему высказывал А. Олмстед. В статье “Persia and the Greek Frontier Problem” он писал о Греко-персидском конфликте как о проблеме в политических отношениях на греческом пограничье (для Персидской империи)⁷⁸. На Марафонском сражении, как и предшествовавших ему событиях, заострял внимание Николас Хаммонд⁷⁹, прежде всего фокусирувавшийся на сравнении сведений источников. Кроме того, исследованием событий войны занимались Дж. Лазенби⁸⁰, Н. Секунда⁸¹, Ф. Де Соуза⁸², Дж. Коуквелл⁸³. Более подробное

⁷³ Pritchett W.K. The Greek State at War. Pt.3. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1979. 353 p.

⁷⁴ Gabrielsen V. The Impact of Armed Forces on Government and Politics in Archaic and Classical Greek Poleis: A Response to Hans van Wees // *Army and Power in the Ancient World* / Ed. by A. Chaniotis & P. Ducrey. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002. P. 83-98.

⁷⁵ Wees, van. H. Greek Warfare: Myths and Realities. London: Duckworth, 2004. 349 p.

⁷⁶ Holland T. Persian Fire: The First World Empire and the Battle for the West. New York: Anchor Books, 2007. 464 p.

⁷⁷ Grundy G.B. The Great Persian War and its Preliminaries: A Study of the Evidence, Literary and Topographical. New York: Charles Scribner's Sons, 1901. 591 p.

⁷⁸ Olmstead A. T. Persia and the Greek Frontier Problem // *Classical Philology*. 1939. Vol. 39. № 4. P. 305-322.

⁷⁹ Hammond N.G.L. The Campaign and the Battle of Marathon // *Journal of Hellenic Studies*. 1968. Vol. 88. P. 13-57.

⁸⁰ Lazenby J. The Defence of Greece, 490–479 BC. Warminster: Aris and Phillips, 1993. 294 p.

⁸¹ Sekunda N. Marathon 490 BC. The First Persian Invasion of Greece. London: Osprey, 2002. 96 p.

⁸² De Souza Ph. The Greeks and Persian Wars, 499–386 BC. London: Osprey, 2003. 95 p.

изучение Греко-персидских войн в историографии (с учётом современных тенденций) изложено у Э.В. Рунга⁸⁴, к тому же Эдуард Валерьевич исследовал восприятие данного конфликта современниками⁸⁵.

Среди исследований, посвящённых Пелопоннесской войне, выделим следующие. Одним из классиков военной проблематики выступает Дональд Каган. Его четырёхтомная «История Пелопоннесской войны»⁸⁶ является, пожалуй, основным многотомным произведением по истории конфликта. Параллельно с ним причины конфликта рассматривал Джеффри де Сен Круа в собственной «Истории Пелопоннесской войны»⁸⁷. В том же ключе весьма примечателен очерк Якова Абрамовича Ленцмана «Пелопоннесская война»⁸⁸. О состоянии воинских контингентов в конце войны, как и о проблемах адаптации к мирной жизни писал Р. Синклер в статье о Царском мире⁸⁹. Джон Лазенби рассматривает этот конфликт совершенно с противоположных позиций, с точки зрения стратегии и тактики⁹⁰, не слишком углубляясь в сведения нарративных источников. Стоит выделить и монографию Лоуренса Триттла «Новая история Пелопоннесской войны»⁹¹. Она является фактической полноценной переработкой более ранней книги “The Peloponnesian War (Greenwood Guides to Historic Events of the Ancient

⁸³ Cawkwell G.L. The Greek Wars. The Failure of Persia. Oxford: Oxford University Press, 2005. 316 p.

⁸⁴ Рунг Э.В. О новой парадигме исследования греко-персидских отношений в историографии // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. Кн.1. С. 234-240.

⁸⁵ Рунг Э.В. Традиция восприятия Греко-персидских войн как мидийских в V–IV вв. до н.э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. 2004. Вып. 3. С. 71-82.

⁸⁶ Kagan D. The outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca: Cornell University Press. 1969. 440 p.; Kagan D. The Archidamian War. Ithaca: Cornell University Press, 1974. 400 p.; Kagan D. The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition. Ithaca: Cornell University Press, 1981. 400 p.; Kagan D. The Fall of the Athenian Empire. Ithaca: Cornell University Press, 1987. 480 p.

⁸⁷ Ste Croix G.E.M. The Origins of the Peloponnesian War. Cornell University Press: Ithaca, 1972. 444 p.

⁸⁸ Ленцман Я.А. Пелопоннесская война // Древняя Греция / Отв. ред. В.В. Струве и Д.П. Каллистов. М.: Академия наук СССР, 1956. С. 267-348.

⁸⁹ Sinclair R.K. The King's Peace and the Employment of military and naval forces 387–378 // Chiron. 1978. Bd. 8. P. 29-54.

⁹⁰ Lazenby J. F. The Peloponnesian War: A Military Study. London: Routledge, 2004. 336 p.

⁹¹ Trittell L.A. The new history of the Peloponnesian War. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. 314 p.

World)»⁹². Л. Триттл концентрирует внимание не на ходе военных действий, а на том воздействии, которое оказали события войны на древнегреческий социум. В качестве последствий Пелопоннесской войны отмечается (наряду с кризисом полиса) появление больших масс наемников. Мы привлекли и посвящённые наёмничеству в Античности исследования Людмилы Петровны Маринович⁹³, Мэтью Трандла⁹⁴ и Герберта Парка⁹⁵.

Вопрос дипломатических отношений и межполисного взаимодействия вне военных действий также освещался в историографии. Владимир Михайлович Строгецкий писал об особенностях внешнеполитических взаимодействий Спарты и Афин в начальном периоде Пелопоннесской войны⁹⁶. Специалистом отмечались дипломатическая пассивность Спартанского полиса на фоне империалистических устремлений Афин. Клаус Таусенд анализировал симмахию и амфиктионию как формы взаимодействия отдельных гражданских общин Эгеиды и материковой Эллады⁹⁷. Взаимоотношения между политическими общинами V в. до н.э. интересовали Э. Бэдиана. Сборник его статей посвящён межполисным отношениям и договорам периода Пятидесятилетия⁹⁸. Дискурс об этносе как форме объединения и взаимодействия общин рассматривается в сборнике под редакцией Т. Деркса и Н. Ройманса⁹⁹. Выделим труды Ханса Бека как одного

⁹² Trittle L.A. The Peloponnesian War (Greenwood Guides to Historic Events of the Ancient World). Westport: Greenwood Press, 2004. 232 p.

⁹³ Маринович Л.П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М.: Наука, 1975. 275 с.

⁹⁴ Trundle M. Greek Mercenaries: From the Late Archaic Period to Alexander. London and New York: Routledge, 2004. 196 p.

⁹⁵ Парк Г.У. Греческие наёмники. «Псы войны» древней Эллады. / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2013. 287 с.

⁹⁶ Строгецкий В.М. Особенности внешней политики Спарты и Афин в начальный период первой Пелопоннесской войны (460–455 гг. до н. э.) // ВДИ. 1987. №2. С. 37-50.

⁹⁷ Tausend K. Amphiktyonie und Symmachie. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1992. 273 S.

⁹⁸ Badian E. From Plataea to Potidaea: studies in the history and historiography of the Pentacontaetia. Baltimor: The Johns Hopkins University Press, 1993. 264 p.

⁹⁹ Ethnic constructs in Antiquity. Ed. by T. Derks and N. Roymans. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2009. 344 p.

из наиболее авторитетных специалистов в сферах локализма¹⁰⁰ и федерализма¹⁰¹. Его диссертация была посвящена вопросу соизмерения полиса и койнона в федеральных объединениях IV в. до н.э. В целом, сейчас сфера его научных интересов находится в том же ключе соотнесения локального и надполисного компонентов в Античности, к тому же ученый часто выступает в качестве редактора изданий профильной тематики¹⁰². Специфика взаимодействия державы Ахеменидов с греческими полисами рассматривалась Э.Д. Рунгом¹⁰³, как и вопрос о сути греческого (в т.ч. фиванского) мидизма¹⁰⁴. Особенности как дипломатических, так и социальных отношений между отдельными общинами интересуют И.Е. Сурикова. Он представляет все полисы Эллады как единую систему связей различного уровня¹⁰⁵. Отношения же с внешними соседями, вне греческого пространства, проходили, как считает автор, в отличавшемся от такого ключе, отчасти возвращаясь к фронтирному дискурсу¹⁰⁶.

Религиозная сфера периода классики входит в предметную область нашего изучения. Однако из (условно) общих трудов мы бы хотели отметить

¹⁰⁰ Beck H. Localism and the Ancient Greek City-state. Chicago: University of Chicago Press, 2020. 375 p.

¹⁰¹ Beck H. Polis und Koinon. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. 316 S.

¹⁰² Federalism in Greek Antiquity / Ed. by H. Beck and P. Funke. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 605 p.; Ethnos and Koinon. Studies in Ancient Greek Ethnicity and Federalism / Ed. by H. Beck, K. Buraselis and A. McAuley. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2019. 414 p.

¹⁰³ Рунг Э.В. Персидский фактор в политической жизни Греции в VI-IV вв. до н.э.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03. Казань, 2008. 691 с.; Рунг Э.В. Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI-IV вв. до н. э. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2008. 484 с.; Рунг Э.В. Персидские сатрапы как дипломаты (о специфике дипломатических взаимоотношений ахеменидских наместников с греками) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. Вып. 16. №1. СПб., 2016. С. 41-66.

¹⁰⁴ Рунг Э.В. Был ли мидизм античным коллаборационизмом? // Патриотизм и коллаборационизм в мировой истории / Под ред. Э.В. Рунга, Е.А. Чиглинцева, Д.В. Шмелева. Казань: Изд-во Казанского университета, 2015. С. 126-136.

¹⁰⁵ Суриков И.Е. Древнегреческая цивилизация как система связей // Античная Греция: Межгосударственные и межкультурные отношения (Opuscula selecta IV). М.: «Альма Матер», 2025. С. 192-196.

¹⁰⁶ Суриков И.Е. «Чужие среди чужих»: Греческие колонии в варварском окружении // Античная Греция: Межгосударственные и межкультурные отношения (Opuscula selecta IV). М.: «Альма Матер», 2025. С. 665-685.

лишь небольшое их количество. Ключевая статья о роли сакрального фактора в античной греческой дипломатии Оксаны Викторовны Кулишовой: «Дельфийский оракул в межполисных отношениях в древней Греции в эпоху Пятидесятилетия»¹⁰⁷. Дельфийское святилище находилось внутри политической жизни Эллады, оказывая определённое влияние на все процессы, происходившие в отдельных гражданских коллективах. Татьяна Борисовна Гвоздева отмечает взаимосвязь некоторых элементов сакральных практик с военной сферой Античной Греции¹⁰⁸, а также раскрывает особенности гоплитодрома как части программы различных греческих празднеств¹⁰⁹.

2. Исследования полисной организации как центральной проблемы древнегреческой истории.

Отдельно от прочих проблем антиковедения стоит принципиальный вопрос генезиса гражданской общины, её развития и типологии. Этим исследовательским направлениям посвящено значительное количество работ. В частности, монография Лилиан Джеффри об архаическом периоде истории Эллады¹¹⁰, книга Эдуарда Давидовича Фролова¹¹¹, являющаяся базовым изданием для погружения в проблему. В 1983 г. коллектив отечественных антиковедов, во многом опережая зарубежных специалистов в подходах к сущностным проблемам изучения полиса, издал двухтомник по вопросам

¹⁰⁷ Кулишова О.В. Дельфийский оракул в межполисных отношениях в древней Греции в эпоху Пятидесятилетия // Исторический процесс: истоки, перипетии, перспективы. Межвуз. сб. / Под ред. Л.С. Емельяновой и др. М.; Йошкар-Ола: МГТУ, 2001. С. 32-48; также по теме см. Parke H.W. The Oracles of Zeus. Dodona, Olympia, Ammon. Cambridge: Harvard University Press, 1967. 294 p.

¹⁰⁸ Гвоздева Т.Б. Военные аспекты панафинейского праздника // Antiquitas Aeterna (Поволжский антиковедческий журнал): Вып. 2: Война, армия и военное дело в античном мире. Саратов: СГУ, 2007. С. 220-240.

¹⁰⁹ Гвоздева Т.Б. Гоплитодромос — категория древнегреческой атлетики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. №3. С. 318-329.

¹¹⁰ Jeffery L.H. Archaic Greece. The City–States c. 700–500 B.C. New York: St. Martin's Press, 1976. 272 p.

¹¹¹ Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Изд. 2-е. Испр. и доп. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 265 с.

становления, расцвета и кризиса полисной организации¹¹². Выделим также сборник статей под редакцией Линетт Митчел и Пола Роудса «Развитие полиса в архаической Греции»¹¹³, в котором были отмечены основные тенденции «полисного вопроса» Архаики. Коллектив российских авторов также обобщал изучение проблематики полиса и поднимал вопросы типологии античных общин¹¹⁴. Для понимания особенностей формирования ранних полисных институтов важны монография и статья Ю.В. Андреева¹¹⁵. И.Е. Суриков рассматривал категории «архаический полис» и «классический полис» как отличающиеся стадийно-типологически, а не хронологически, давал дефиницию понятия «полис» и заострял многие вопросы его изучения¹¹⁶.

Крупным специалистом по концепту «полис» выступал датский антиковед, создатель и многолетний руководитель Копенгагенского центра по изучению полиса Могенс Герман Хансен. Результатом работы исследователя и его команды стало значительное число публикаций, освещающих различные аспекты античной гражданской общины¹¹⁷: что есть полис, каковы

¹¹² Античная Греция: проблемы развития полиса / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: АН СССР, Институт всеобщей истории, 1983. В 2 тт. Т.1. Становление и развитие полиса. 421 с.; Т.2. Кризис полиса. 383 с.

¹¹³ Mitchell L.J., Rhoades P.J. The development of the Polis in Archaic Greece. London: Routledge, 1997. 248 p.

¹¹⁴ Античный полис: Курс лекций / Отв. ред. В.В. Деметьева, И.Е. Суриков. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 240 с.

¹¹⁵ Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л.: Издательство Ленинградского ун-та. 1976. 142 с.; Андреев Ю.В. Начальные этапы становления греческого полиса // Город и государство в древних обществах. Л.: ЛГУ, 1982. С. 3-17.

¹¹⁶ Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций / Отв. ред. В.В. Деметьева, И.Е. Суриков. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 8-54.

¹¹⁷ The Ancient Greek City-State. Symposium on the occasion of the 250th Anniversary of The Royal Danish Academy of Sciences and Letters. July, 1-4 1992 / Ed. by M.H. Hansen. Copenhagen: Munksgaard, 1993. 281 p.; Sources for the Ancient Greek City-State. Symposium August, 24-27 1994. Acts of Copenhagen polis Centre. Vol. 2 / Ed. by M.H. Hansen. Copenhagen. Munksgaard, 1995. 376 p.; An Introduction to an Inventory of Poleis. Symposium August, 23-26 1995. Acts of Copenhagen polis Centre. Vol. 3 / Ed. by M.H. Hansen. Copenhagen. Munksgaard, 1996. 411 p.; Hansen M.H. Polis and City-State. An Ancient Concept and its Modern Equivalent. Acts of the Copenhagen Polis Centre Vol. 5. Copenhagen: Munksgaard, 1998. 217 p.;

его характерные черты, что не является полисом, в чем состоит полисная идентичность и множество других¹¹⁸. Но самым главным результатом работы Центра под руководством М.Г. Хансена стал выпуск «Каталога (реестра, инвентаря, – существуют различные варианты перевода) архаических и классических полисов»¹¹⁹. Это очень значимое и единственное собрание упоминаний термина «ἡ πόλις» в античной традиции и эпиграфике, а также самый крупный список общин, когда-либо существовавших на территории, заселённой греками. По данным «Каталога» в архаический и классический периоды насчитывалось 1035 различных полисов и общин схожего характера. Таким образом, Копенгагенским центром была проделана колоссальная работа по поиску, отбору и систематизации упоминаний античных городских центров и сведений о них. Более того, под руководством М.Г. Хансена был выведен так называемый «Копенгагенский закон о полисе». Этот закон формулируется следующим образом: «В источниках архаического и классического времени термин «полис», используемый в смысле «город» для обозначения того или иного городского центра, прилагается не к любому городскому центру, а только к такому городу, который в то же время является центром полиса как политического сообщества» (Перевод И.Е. Сурикова). Можно сказать, что термин «полис» подразумевает или город, или государство. Одновременно с этим, при обозначении города также

A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre. / Ed. by Mogens Herman Hansen. Copenhagen: Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, 2000. 636 p.; Once again: Studies in the ancient Greek Polis. Papers from the Copenhagen Polis Centre 7. Ed. by T.H. Nielsen. Stuttgart. Franz Steiner Verlag, 2004. 202 p.; Hansen M.H. Polis. An Introduction to the Ancient Greek City-State. Oxford: Oxford University Press, 2006. 237 p.

¹¹⁸ См. например, Hansen M.H. The Concepts of City-State and City-State Culture // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre / Ed. by Mogens Herman Hansen. Copenhagen: Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, 2000. P. 16-17.; Shipley G.J., Hansen M.H. The Polis and Federalism // The Cambridge Companion to the Hellenistic World / Ed. by G.R. Bugh. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 428 p.

¹¹⁹ Hansen M.H., Nielsen T.H. An inventory of archaic and classical poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. Oxford: Oxford University Press, 2004. 1396 p.

подразумевается и политическое объединение¹²⁰. Интересующий нас полис Платеи упомянут в «Реестре» в составе беотийского региона, а ряд исследований сотрудников центра представляет непосредственный интерес в рамках темы нашей работы¹²¹.

Однако такая бурная деятельность в рамках одной из ведущих проблем антиковедения не могла не вызвать реакцию со стороны научного сообщества¹²². С разной степенью критики подхода датского исследователя выступили Ангелос Ханиотис¹²³, Карл-Йоахим Хёлькескамп¹²⁴, Фредерик Неребут¹²⁵, Эдвард ван Дер Влиет¹²⁶, Пьер Фрёлих¹²⁷, И.Е. Суриков¹²⁸.

¹²⁰ На русском языке вопрос соотнесения в полисе города и государства по М. Хансену освещён в работе Медовичев А.В. Греческий полис как город и государство // Феномен полиса в современной зарубежной историографии: Реф. сб. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории; Отв. ред. А. Е. Медовичев. Москва, 2011. С. 68-84.

¹²¹ Hansen M.H. Boiotian Poleis – a Test Case // Sources for the Ancient Greek City-State. / Ed. by M.H. Hansen. Copenhagen. Munksgaard, 1995. P. 13-63; Fraser P.M. Citizens, Demesmen and Metics in Athens and Elsewhere // Sources for the Ancient Greek City-State. / Ed. by M.H. Hansen. Copenhagen: Munksgaard, 1995. P. 64-90; Alcock S.E. Pausanias and the Polis: Use and Abuse // Sources for the Ancient Greek City-State / Ed. by M.H. Hansen. Copenhagen. Munksgaard, 1995. P. 326-344; Hansen M.H. An Inventory of Boiotian Poleis in the Archaic and Classical Period // An Introduction to an Inventory of Poleis. Symposium August, 23-26 1995. Acts of Copenhagen polis Centre. Vol. 3 / Ed. by M.H. Hansen. Copenhagen: Munksgaard, 1996. P. 73-116; More Studies in the Ancient Greek Polis / Ed. by M.H. Hansen and K. Raaflaub. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1996. 199 p.; Hansen M.H. The Copenhagen Inventory of Poleis and the Lex Hafniensis de Civitate // The development of the Polis in Archaic Greece / Ed. by Mitchell L.J., Rhoades P.J. London: Routledge, 1997. P. 5-12.

¹²² Медовичев А. В. Полис, demos и демократия в зарубежной историографии конца XX — начала XXI в. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: РЖ. 2019. № 3. С. 6-20.

¹²³ Chaniotis A. Review of Hansen M.H. «Introduction to an Inventory of «Poleis»: Symposium August, 23-26 1995» and M.H. Hansen, K. Raaflaub «More Studies in the Ancient Greek «Polis». Bryn Mawr Classical Review 1997.06.16. URL: <https://bmcr.brynmawr.edu/1997/1997.06.16/> (accessed 20.03.2026).

¹²⁴ Hölkeskamp K.-J. Review of M.H. Hansen «A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre» and «A Comparative Study of Six City-State Cultures. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre». Bryn Mawr Classical Review, 2004.04.03. URL: <https://bmcr.brynmawr.edu/2004/2004.04.03/> (accessed 20.03.2026).

¹²⁵ Naerebout F.G. Review of: Hansen M.H., Nielsen T.H. «An Inventory of Archaic and Greek Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation», Bryn Mawr Classical Review 2005.02.29. URL: <https://bmcr.brynmawr.edu/2005/2005.02.29/> (accessed 20.03.2026).

¹²⁶ Vliet, van der. E.Ch.L. Review: Reflections on the polis and poleis // Mnemosyne. 2007. Vol. 60. Fasc. 2. P. 302-316.

Замечания касались в основном формализации истории, излишнего применения статистики, спорных подходов к демографическим оценкам. Одним из наиболее дискуссионных моментов оказалось использование категории зависимого полиса, поскольку такой статус общины должен в известной мере противоречить “Lex Hafniensis de Civitate”. Собственно, поэтому М. Хансен опубликовал статью-ответ П. Фрёлиху¹²⁹, где отмечал, что сообщество, обозначенное термином “polis” обозначает и городской, и гражданский (политический) коллектив, но не обязательно при этом является независимой политией¹³⁰. Тем не менее, при всей неоднозначности подхода датчанина, в рамках нашего исследования концепт полиса, как и понятие полисной культуры, является ключевым.

3. Труды, содержащие разработку теории фронта применительно к античной истории.

Отдельно необходимо обозначить другое направление антиковедческой науки – исследования фронта, которые были активно нами привлечены и оказали значимое влияние на наши выводы по обобщению истории Платей. Изначально фронт рассматривался исключительно на материале Североамериканских Соединённых штатов и был связан с именем Фредерика Джексона Тёрнера¹³¹. На рубеже XIX-XX вв. фронт изучался как зона расширения американского государства, оказавшая непосредственное влияние на формирование американских же государственных и социальных институтов. Нас же интересует не этот подход к американской истории, не критика и трансформация теории фронта учениками Ф. Тёрнера, а более

¹²⁷ Fröhlich P. L'inventaire du monde des cités grecques. Une somme, une méthode et une conception de l'histoire // *Revue Historique*. 2010. № 3 (655): P. 637-677.

¹²⁸ Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох // *Античный полис: Курс лекций* / Отв. ред. В.В. Дементьева, И.Е. Суриков. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 10-11.

¹²⁹ Hansen M.H. The Dependant Polis. Further considerations in response to Pierre Fröhlich // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 2015. №55. P. 863-883.

¹³⁰ Ibid. P. 882.

¹³¹ Тёрнер Ф.Дж. Фронт в американской истории / Пер. с англ. А.И. Петренко; отв. ред. В.В. Согрин М.: Изд-во «Весь мир», 2009. 304 с.

поздний историографический период. Термин “frontier” стал рассматриваться не как зона расширения или статичная граница, а как область перемещения границы. Именно в таком ключе фронтирная зона стала использоваться в историографии римского пограничья. Подробности и частные случаи такого использования мы оставим за рамками нашего исследования¹³², однако, прежде всего, следует упомянуть работу, которая познакомила нас с концепцией римского фронта и дала определённую почву для размышлений и исследования. Хью Элтон, профессор университета Трента (Канада) опубликовал книгу «Фронтиры Римской империи»¹³³ в 1996 г. В ней он на примере африканского лимеса и парфянской границы показывает, что фронт — это зона соприкосновения различных систем и дислокации военных сил неподалёку от границы. Кроме войск, в этой зоне находится и мирное, гражданское население. На наш взгляд, подобная концепция применима не только к римской, но и греческой истории классического периода, однако размышления на этот счёт приведём позже, в рамках третьей главы данного исследования. Укажем лишь, что сам профессор Х. Элтон во многом потерял интерес к фронтирной проблематике и качестве предмета исследования рассматривает теперь восточную часть Римской империи, результатом чего стал выпуск монографии о позднеантичном периоде её военной и политической истории¹³⁴. В ином ключе, но о греческой

¹³² См., например: Potter D. Empty Areas and Roman Frontier Policy // *The American Journal of Philology*. 1992. Vol. 113. №2. P. 269-274.; Cupcea G. The Evolution of Roman Frontier Concept and Policy // *Journal of Archaeology*. 2015. Vol. 2. №2. P. 12-22.; *Ancient History and Current approaches to Roman Frontiers (Limes XXV, Vol. 1.)* // *Proceedings of the 25th International Congress of Roman Frontier Studies 1*. Edited by H. van Enckevort, M. Driessen, E. Graafstal, T. Hazenberg, T. Ivleva and C. van Driel-Murray. Leiden: Sidestone Press, 2024. P. 376; Hart T.C. *Beyond the river, Under the eye of Rome*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2024. 368 p.

¹³³ Elton H. *Frontiers of the Roman Empire*. Bloomington: Indiana University Press, 1996. 150 p.

¹³⁴ Elton H. *The Roman Empire in Late Antiquity: A Political and Military History*. New York: Sheridan Books Inc., 2018. 398 p.

«фронтирности» пишет И.Е. Суриков¹³⁵. Он представляет не определённую часть территории или границы, а непосредственно всю территорию античной Греции как своеобразный фронтир.

4. Исследования, посвященные истории и специфике отдельных регионов античной Греции.

Теперь обратим внимание на работы, посвященные конкретным регионам, преимущественно – Аттике и Беотии. В некоторых моментах мы обращались и к прочим регионам ойкумены, однако основные интересующие нас сюжеты сосредоточены именно в центральной Греции.

Рассмотрим кратко историографию аттического региона. Прежде всего, отметим монографию Константина Константиновича Зельина «Борьба политических группировок в Аттике VI в. до н.э.»¹³⁶. Работа представляет собой обзор политических, социальных и, отчасти, экономических процессов в Аттике архаического периода. Отдельно К.К. Зельин отмечал связь деления региона на области с социальной и политической историей полиса. Следующим звеном в понимании афинской действительно выступает работа Рассела Мейгса «Афинская империя»¹³⁷, в которой автор подробно рассматривает процесс формирования Афинского морского союза в рамках нарратива об Афинском империализме. Джон Трейл¹³⁸ анализирует политическую географию¹³⁹ Аттики на протяжении трёхсот лет через сведения эпиграфических источников. Афинская политика классической

¹³⁵ Суриков И.Е. Кромочное существование: Античный греческий мир как фронтир // Античная Греция: Межгосударственные и междивилизационные отношения (Opuscula selecta IV). М.: «Альма Матер», 2025. С.176-191.

¹³⁶ Зельин К.К. Борьба политических группировок в Аттике VI в. до н.э. М.: Наука, 1964. 272 с.

¹³⁷ Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford: Clarendon Press, 1972. 632 p.

¹³⁸ Trail J.S. The Political Organisation of Attica: A Study of the Demes, Trittyes, and Phylai, and Their Representation in the Athenian Council. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1975. 136 p.

¹³⁹ О другом аспекте политической географии региона см. Карпюк С.Г. Политическая география классических Афин: Фукидид и его современники об островах и островитянах // ВДИ. 2005. № 2 (253). С. 27-41.

эпохи рассматривалась Ю. Белохом в книге “Die attische Politik seit Perikles”¹⁴⁰. Для понимания места знатных граждан на политической арене Афинского полиса необходима монография И.Е. Сурикова «Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох»¹⁴¹, поскольку в ней отражается принципиальная роль рода Алкмеонидов в афинской политической действительности. Прекрасным дополнением к этой книге стала работа Сергея Георгиевича Карпюка «Общество, политика и идеология классических Афин»¹⁴². В ней С.Г. Карпюк отмечает роль политических лидеров и фактическое «неучастие» народных масс полиса в политическом процессе. Ещё один вопрос в контексте «внутренней кухни» упомянутого гражданского коллектива рассматривает Метью Крайст. Его исследование посвящено тем гражданам полиса¹⁴³, которые не выполняли или выполняли неэффективно свои гражданские обязанности, то есть (в более широком смысле) соотносению интересов частных лиц (т.н. «плохих граждан») и интересов коллектива в целом.

По истории экономической сферы региона назовем ряд исследований, к которым мы обращались в силу специфики работы. В монографии Винсента Габриельсена¹⁴⁴ рассматривается налоговая система Афин в ракурсе финансового обеспечения афинского флота. О постоянной потребности общины в финансовых вливаниях писал и Соломон Яковлевич Лурье ещё в первой половине прошлого века¹⁴⁵. Монетной политике Афинского полиса

¹⁴⁰ Beloch K.J. Die attische Politik seit Perikles. Leipzig: B.G. Teubner, 1884. 374 S.

¹⁴¹ Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох / Отв. ред. Л.П. Маринович. М.: ИВИ РАН, 2000. 282 с.

¹⁴² Карпюк С.Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М.: ИВИ РАН, 2003. 310 с.

¹⁴³ Christ M.R. The Bad Citizen in Classical Athens. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 250 p.

¹⁴⁴ Gabrielsen V. Financing the Athenian fleet: Public Taxation and Social Relations. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994. 306 p.

¹⁴⁵ Лурье С.Я. Эксплуатация афинских союзников // ВДИ. 1947. № 2. С. 13-27.

посвящён ряд статей Андрея Валентиновича Стрелкова¹⁴⁶, крупного специалиста по его экономике.

Исследования военной истории Афин не менее разнообразны. Уже упомянутый афинский флот изучался Боримиром Джорданом в одном из самых основательных исследований по данному вопросу¹⁴⁷. Б. Джордан рассматривает принципы комплектования экипажей, финансовые вопросы, связанные с содержанием кораблей, их постройку, состав экипажей различных типов судов и др. Кристофер Хаас¹⁴⁸ стремился исследовать флот не периода расцвета, а более ранней эпохи (до реформ Фемистокла). Исследование Джона Хейла предлагает несколько идеализированный взгляд на историю становления, расцвета и упадка Афинской морской державы¹⁴⁹. Сухопутные силы полиса рассмотрены У. Томпсоном¹⁵⁰, Дж. Обером¹⁵¹, влияние Пелопоннесской войны на общину исследовано Б. Штрауссом¹⁵² а чумы на общество Афин в тот же самый период А.Ю. Можайским¹⁵³, процесс формирования воинских контингентов полиса освещён В. Лапини¹⁵⁴,

¹⁴⁶ Стрелков А.В. Афинский закон о серебряных монетах 375/4 г. до н.э. // Нумизматика и эпиграфика. 2005. Т. 17. С. 10-43; Стрелков А.В. Афинские монеты и Афинская морская держава // Нумизматический альманах. 2011. №1. С. 20-27; Стрелков А.В. Афинские деньги: от монетного декрета до закона Никофонта // История Греции в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова: от античности до наших дней: Сборник научных статей Международной научной конференции, проведенной в рамках Перекрестного года России и Греции, Москва, 18 ноября 2016 года. Москва: МГУ (Исторический факультет), 2017. С. 71-82.

¹⁴⁷ Jordan B. The Athenian Navy in the Classical Period: a study of Athenian Naval Administration and Military Organization in the Fifth and Fourth Centuries B.C. Berkeley: University of California Press, 1975. 306 p.

¹⁴⁸ Haas Ch.J. Athenian Naval Power before Themistokles // *Historia*. 1985. Bd. 34. P. 29-46.

¹⁴⁹ Хейл Дж. Властелины Моря. / Пер. с англ. Н.А. Анастасьев. М.: АСТ, 2014. 448 с.

¹⁵⁰ Thompson W.E. Three Thousand Achaean Hoplites // *Historia*. 1964. Bd.13. H.4. P.400-413.

¹⁵¹ Ober J. Fortress Attica: Defense of the Athenian Land Frontier 404–322 B.C. Leiden: Brill, 1985. 255 p.

¹⁵² Strauss B. Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy 403–386 B.C. Ithaca: Cornell University Press, 1986. 191p.

¹⁵³ Можайский А. Ю. «Чума» Фукидида и ее влияние на пайдейю // *Hypothekai*. 2022. № 6. С. 129-144.

¹⁵⁴ Lapini W. Les hoplites athéniens de 431 (Thuc. 2.13.6) // *Mnemosyne*. 1997. Vol. 50. №3. P. 257-270.

М. Крайстом¹⁵⁵, Р. Ридли¹⁵⁶, Д. Келлоггом¹⁵⁷. О полисном ополчении в контексте политики VI в. до н.э. пишет И.Е. Суриков¹⁵⁸. Наиболее полно в русскоязычном антиковедении вопросы военной организации Афинского полиса периода классики и эллинизма рассмотрены Игорем Владимировичем Востриковым¹⁵⁹. Анализу аттической эпиграфики (в том числе в связи с военной сферой) посвящены работы П. Зиверта¹⁶⁰, П. Крентца¹⁶¹, Д. Келлога¹⁶², Э.В. Рунга¹⁶³, И.Е. Сурикова¹⁶⁴. Отражение Марафонской битвы в культуре, а также реконструкция картины из Пёстрого портика содержатся в работе К. Роберта¹⁶⁵.

Перейдём к исследованиям беотийского региона. Отметим классическое издание С.Я. Лурье «Беотийский союз»¹⁶⁶, посвящённое истории федерального надполисного образования, его истории в IV в. до н.э.

¹⁵⁵ Christ M.R. Conscription of Hoplites in Classical Athens // The Classical Quarterly. 2001. Vol. 51. №2. P. 398-422.

¹⁵⁶ Ridley R.T. The Hoplite as Citizen: Athenian Military Institutions in Their Social Context // The Armies of Classical Greece / Ed. by E.L. Wheeler. Ashgate: Aldershot, 2007. P. 153-194.

¹⁵⁷ Kellogg D.L. Marathon fighters and Men of Maple. Ancient Acharnai. Oxford: Oxford University Press, 2013. 348 p.

¹⁵⁸ Суриков И.Е. Воительница Афина: Солон, Писистрат и афинское полисное ополчение в VI в. до н.э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. 2010. Вып. 9. С. 27-54.

¹⁵⁹ Востриков И.В. Военная организация Афин (338–146 гг. до н.э.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Казань, 2014. 225 с.; Востриков И.В. Формирование гопплитского ополчения в Афинах // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 1–2. С. 19-31; Востриков И.В. Афинская кавалерия в конце IV–III вв. до н.э. // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2023. Т. 43. №1. С. 45-58.

¹⁶⁰ Siewert P. The Ephebic Oath in Fifth-Century Athens // Journal of Hellenic Studies. 1977. Vol. 97. P.102-111.

¹⁶¹ Krentz P.M. The Oath of Marathon, not Plataia? // Hesperia. 2007. Vol. 76. P. 731-742.

¹⁶² Kellogg D.L. Οὐκ ἐλάττω παραδῶσω τὴν πατρίδα. The Ephebic Oath and the Oath of Plataia in Fourth Century Athens // Mouseion. 2008. Ser. III. Vol. 8. P. 1-22; Kellogg D.L. The place of publication of the ephebic oath and the «Oath of Plataia» // Hesperia. 2013. Vol. 82. P. 273-276.

¹⁶³ Рунг Э.В. «Платейская клятва» в нарративной традиции и эпиграфике: Проблема интерпретации текста // Вопросы эпиграфики. 2009. Вып. 3. С. 84-101.

¹⁶⁴ Суриков И.Е. Платейская клятва: О необходимости точного перевода античных эпиграфических (и иных) текстов // Античная Греция: Межгосударственные и междоцивилизационные отношения (Opuscula selecta IV). М.: «Альма Матер», 2025. С. 176-191.

¹⁶⁵ Robert C. Die Marathonschlacht in der Poikile. / Hallisches Winckelmannsprogramm (Band 18). Halle: Niemeyer, 1895. 126 S.

¹⁶⁶ Лурье С.Я. Беотийский союз. СПб.: Сенатская типография, 1914. 762 с.

Схожей по характеру, но иной с точки зрения использования источникового материала и историографии является монография В.Ф. Кутергина¹⁶⁷. “A History of Boeotia” Р. Бака представляет собой более сжатое по объёму, но хронологически гораздо более широкое исследование региона¹⁶⁸, также он является автором работы¹⁶⁹ по Беотийскому союзу в 432-371 гг. до н.э. Различным итерациям Союза посвящена статья Х. Бека и А. Гантер¹⁷⁰. О политических процессах в Беотии и роли в них Фиванской гегемонии писал Н. Хаммонд¹⁷¹. Эпоха Эпаминонда является предметом пристального рассмотрения Дж. Баклера¹⁷², в том числе в соавторстве с Х. Беком¹⁷³. Из публикаций недавнего времени стоит указать сборник статей Альберта Шахтера¹⁷⁴, посвящённых вопросам региональной истории, беотийских культовых практик, региональных учреждений и античным литературным свидетельствам. Также содержательно издание С. Гартланда¹⁷⁵ (особенно с точки зрения историографии Беотии), посвящённое развитию региона в IV в. до н.э. Андрей Юрьевич Можайский рассматривает всю полноту внешнеполитического взаимодействия Фиванского полиса в рамках периода классики¹⁷⁶, а также описывает процесс генезиса политической общины

¹⁶⁷ Кутергин В.Ф. Беотийский союз в 379–335 гг. до н.э. Саранск: Издательство Мордовского университета, 1991. 184 с.

¹⁶⁸ Buck R. A History of Boeotia. Edmonton: The University of Alberta Press, 1979. 206 p.

¹⁶⁹ Buck R. Boiotia and Boiotian League, 432-371 BC. Edmonton: The University of Alberta Press, 1994. 183 p.

¹⁷⁰ Beck. H., Ganter A. Boiotia and Boiotian Leagues // Federalism in Greek Antiquity. Ed. by H. Beck and P. Funke. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 132-157.

¹⁷¹ Hammond N.G.L. Political developments in Boeotia // The Classical Quarterly. 2000. Vol. 50. 1. P. 80-93.

¹⁷² Buckler J. The Theban Hegemony, 371-362 BC. Cambridge: Harvard University Press, 1980. 389 p.

¹⁷³ Buckler J., Beck H. Central Greece and the Politics of Power in the Fourth Century B.C. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 309 p.

¹⁷⁴ Schachter A. Boiotia in Antiquity: selected papers. / Pref. by H. Beck. Chelsea: Sheridan Books, 2016. 440 p.

¹⁷⁵ Gartland S.D. Boiotia in Fourth Century B.C. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2017. 248 p.

¹⁷⁶ Можайский А.Ю. Внешнеполитический курс Фиванского полиса в Классический период: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М.: 2007. 231 с.

Фив¹⁷⁷. Нельзя не отметить написанную Х. Беком главу в «Оксфордской истории древнего мира», посвящённую Фиванскому полису¹⁷⁸. Упор исследователем делается на систематизацию корпусов различных типов источников. Вопросы беотийской идентичности, мифологии и образности рассматриваются в трудах А. Кюр¹⁷⁹, С. Ларсон¹⁸⁰, С. Туфано¹⁸¹, А.Ю. Можайского¹⁸². Проблемы региональных беотийских конфликтов подняты в сборнике¹⁸³, изданном под редакцией Ф. Маршанда и Х. Бека. Кроме того, к нашему исследованию привлечены работы по характеристике беотийского диалекта древнегреческого языка: статьи Ж. Те Тиле¹⁸⁴ и В. Блюмеля¹⁸⁵. Часть использованных работ являются единичными в изучении отдельных вопросов. К таковым относятся репринт каталога монет Беотийского региона¹⁸⁶, знаменитые «Культы Беотии» А. Шахтера¹⁸⁷, статьи А.Ю. Можайского¹⁸⁸, С.М. Жестоканова¹⁸⁹ и П. Салмона¹⁹⁰. Особенно

¹⁷⁷ Можайский А.Ю. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в Беотии: становление Фиванского полиса // Списание «ЕПОХИ». 2023. Т. 31. № 1. С. 25-36.

¹⁷⁸ Beck H. Thebes // The Oxford History of the Archaic Greek World. Vol.VI. Rhodes to Western Sicily / Ed. by: P. Cartledge and P. Christesen, Oxford: Oxford University Press 2025. P. 469-644.

¹⁷⁹ Kühr A. Als Kadmos nach Boiotien. Polis und Ethnos im Spiegel thebanischer Gründungsmythen. // Hermes. 2006. Bd. 98. 377 S.

¹⁸⁰ Larson S.L. Tales of epic ancestry: Boiotian collective identity in the late archaic and early classical periods (Historia Einzelschriften, 197). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2007. 238 p.

¹⁸¹ Tufano S. Boiotia from Within. The Beginnings of Boiotian Historiography. // Teiresias Supplements online. 201. Vol.2. URL: <https://ejournals.uni-muenster.de/index.php/tso/issue/view/191> (Accessed 20.03.2026)

¹⁸² Можайский А. Ю. Образ фиванцев в сочинениях Ксенофонта // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. № 13.2. С. 580-595.

¹⁸³ The Dancing Floor of Ares. Local Conflict and Regional Violence in Central Greece. // Ancient History Bulletin Supplemental Volume 1. Ed by: F. Marchand and H. Beck. 2020. 204 p.

¹⁸⁴ Te Tiele G.J. Divergences locales dans la phonétique et la morphologie beotiennes // La Béotie antique. 1985. 15. P. 361-364.

¹⁸⁵ Blumel, W. Charakterisierung des boiotischen Dialects // La Béotie antique. 1985. 15. P. 385-394.

¹⁸⁶ Rhys Roberts W., Head D.V. The Ancient Boeotians and the Coinage of Boeotia. Chicago: Ares Publishers Inc., 1974. 109 p.

¹⁸⁷ Schachter A. Cults of Boiotia. (BICS Supplement, 38.) 2 vols. (Fasc. 1 and 4). London: Institute of Classical Studies, 1981. 268 p. (Fasc. 1); 146 p. (Fasc. 4).

¹⁸⁸ Можайский А. Ю. Захват спартанцами Фив в 382 г. до н.э. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 20-29.

¹⁸⁹ Жестоканов С.М. Фукидид и коринфская морская держава // Мнемон. 2015. Вып.15. С. 150-160.

выделяется поистине монументальный труд Джона Фосси “*Topography and population of Ancient Boiotia*”¹⁹¹. В этой книге содержатся сведения о топографии региона, атрибуции современных поселений Беотии с историческими городскими и сельскими центрами. По каждой идентифицированной общине приведён краткий актуальный (на момент выхода) список находок, ссылок на опубликованный эпиграфический материал. Кроме того, даётся краткая характеристика изменения состава современного населения региона в сочетании с историческими событиями.

Также мы обращались к региональным исследованиям прочих территорий, с целью поиска аналогий и примеров. Лакония представлена исследованиями военно-политической истории, прежде всего отражающими афиноцентризм историографии XX в. К ним отнесём монографии А. Пауэлла¹⁹² и П. Картледжа¹⁹³, которые в центр внимания ставят противостояния Спартанского и Афинского полисов (отчасти и не в военном плане). Спарте посвящены статьи Пола Картледжа¹⁹⁴ и Дж. Коуквелла¹⁹⁵. Первый рассматривает вклад лаконцев в военное дело Античности, второй исследует дипломатические отношения пелопоннессцев в конце VI в. до н.э., трактуя часть событий периода как начало противостояния с Афинами. В.М. Строгоцкий в монографии «Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V веке до н. э.» анализирует особенности полисных институтов и

¹⁹⁰ Salmon P. L'Armée fédérale des Béotiens // *L'Antiquité classique*. 1953. T. 22. Fasc. 2. P. 347-360.

¹⁹¹ Fossey J. *Topography and population of Ancient Boiotia*. Vol. 1. Chicago: Ares Publishers Inc., 1988. 552 p.

¹⁹² Powell A. *Athens and Sparta. Constructing Greek political and social history from 478 B.C.* London: Routledge, 1988. 423 p.

¹⁹³ Cartledge P. *Sparta and Laconia: A Regional History 1300-362 BC*. New edition. London; New York: Routledge, 2002. 369 p.

¹⁹⁴ Cartledge P. *Hoplites and Heroes: Sparta's Contribution to the Technique of Ancient Warfare* // *Journal of Hellenic Studies*. 1977. Vol. 97. P. 11-27.

¹⁹⁵ Cawkwell G.L. *Sparta and her allies in the sixth century* // *Classical Quarterly*. 1993. Vol. 43. №2. P. 364-376.

систем двух общин¹⁹⁶, отмечает специфичность их политики по отношению к прочим полисам Греции, прослеживает причины соперничества двух претендентов на гегемонию.

При сопоставлении – в поисках аналогий и отличий – мы подвергали анализу и материал гражданских общин Малой Азии. В этом направлении выделяются труды Марины Юрьевны Лаптевой. В сфере исследовательских интересов автора находится влияние полисов континентальной Эллады на общины Ионии¹⁹⁷, архаический полис и его восприятие¹⁹⁸, взаимодействие ионийских греков с державой Ахеменидов¹⁹⁹, а также вопросы политического сознания²⁰⁰. Ионийские города-государства в известной степени представляют собой фронтальные сообщества, что и вызвало наш исследовательский интерес к региону. Также в поисках аналогий мы обращались к Мегариде²⁰¹ и Северному Причерноморью²⁰². У нас вызвала интерес статья в уже упомянутом сборнике Э. Бадиана²⁰³, посвящённая трёхсторонним отношениям Афин, Спарты и Платей, в том числе в рамках

¹⁹⁶ Строецкий В.М. Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V веке до н. э. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 291 с.; См. также: Строецкий В.М. Полис и империя в классической Греции: Учебное пособие. Н. Новгород: НГПИ им. М. Горького, 1991. 244 с.

¹⁹⁷ Лаптева М.Ю. Афины и Пилос в ионийской миграции // Россия – Крым – Балканы: диалог культур: Научные доклады международной конференции, Севастополь, 06–10 сентября 2004 года / Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский государственный университет им. А.М. Горького; Национальный заповедник «Херсонес Таврический»; Шуменский университет «Епископ Константин Преславский»; Уральский межрегиональный институт общественных наук; Институт всеобщей истории РАН; Ред. колл. В.П. Степаненко [и др.]. Севастополь: Волот, 2004. С. 17–22.

¹⁹⁸ Лаптева М.Ю. Мир архаического полиса в восприятии ионийских интеллектуалов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. №1(23). С. 3–17.

¹⁹⁹ Лаптева М.Ю. Ахемениды и восточногреческие тираны: особенности политического статуса и взаимоотношений (546–480 гг. до н.э. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. №2. С. 29–37.

²⁰⁰ Лаптева М.Ю. Патриотизм и предательство в политической истории архаической Ионии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. №1(51). С. 22–29.

²⁰¹ Megarian Moments. The Local World of an Ancient Greek City-State. // Teiresias Supplements Online. Vol. 1. Ed by H. Beck and P.J. Smith. 2018. URL: <https://ejournals.uni-muenster.de/tso/issue/view/180> (Accessed: 20.03.2026)

²⁰² Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 366–420.

²⁰³ Badian E. Plataea between Athens and Sparta. In Search of Lost History // From Plataea to Potidaea: studies in the history and historiography of the Pentacontaetia. Baltimor: The Johns Hopkins University Press, 1993. P. 109–123.

сюжета конца VI в. до н.э. Специалист, известный и исследованиями римской эпохи²⁰⁴, рассматривает проблему истории города в поздней Архаике, статус общины в рамках Афинского полиса и роль Спарты в характере сложившихся отношений. Серьёзный уровень постановки вопроса о политической принадлежности Платей выделяет для нас данную работу среди остального материала исследователя, однако его взгляд на использование и трактовку исторических источников стал поводом для умеренной критики в научном сообществе²⁰⁵.

5. *Научная литература о полисе Платеи.*

Исследования, посвящённые непосредственно Платейскому полису, немногочисленны. Прежде всего, это публикации результатов археологических исследований. Первые серьёзные раскопки Платей были проведены весной 1889 г. экспедицией, организованной Американской школой классических исследований в Афинах. Руководителем экспедиции был Чарльз Вальдштайн²⁰⁶. Был обнаружен большой фрагмент преамбулы Edictum Diocletiani. В следующем году был найден другой существенный фрагмент эдикта Диоклетиана²⁰⁷. Его текст был нанесен на греческом языке, сам фрагмент был посвящён текстилю и использовался в качестве надгробной плиты. В 1891 г. основные силы экспедиции были сосредоточены на террасе к югу от акрополя²⁰⁸. Там удалось найти части фундамента большого храма в дорическом ордере, а также эпиграфический материал римского периода. Святилище было атрибутировано как храм Геры в Платеях. После этого американская экспедиция завершила свою работу.

²⁰⁴ Badian E. *Studies in Greek and Roman History*. New York: Barnes and Noble, 1964. 290 p.

²⁰⁵ Stadter P.A. Badian on Thucydides // *The Classical Review*. 1994. 44 (02). P. 337-338.;

Суриков И. Е. Рец. на кн.: Badian E. *From Plataea to Potidaea: Studies in the History and historiography of the Pentakontaetia*. Baltimore; L., 1993 // ВДИ. 1996. № 3. С. 198-200.

²⁰⁶ Waldstein C., Tarbell F. B., Rolfe J.C. Report on Excavations at Plataia in 1889 // *American Journal of Archaeology*. 1889. Vol. 5. P. 428-442.

²⁰⁷ Waldstein C., Washington H.S., Irving-Hunt W. Discoveries at Plataia in 1890 // *American Journal of Archaeology*. 1890. Vol. 6. P. 445-475.

²⁰⁸ Waldstein C., Washington H.S., Excavations by the American Schoool at Plataia in 1891. Discovery of a Temple of Archaic Plan // *The American Journal of Archaeology and of the History of the Fine Arts*. 1891 Vol. 7. №4. P. 390-405.

В 1899 г. Андреас Скиас, греческий археолог и эфор Беотии и Эвбеи, начал раскопки в пяти различных местах в Платеях и окрестностях. В городе были найдены остатки катагогейона – места, где жили паломники. Скиас также предположил, что на акрополе располагалось самое раннее поселение на территории Платей. Подтверждал он эту догадку местным топонимом, в котором жители называли это место акрополем (старым городом) ещё до того, как были начаты любые раскопки. Также были найдены обломки мраморного римского саркофага. На этих обломках были изображены сюжеты из мифа о Федре. Их конфисковала полиция и передала в музей Фив. После этого археологические работы в Платеях были приостановлены²⁰⁹.

В 1972 г. новый этап раскопок был начат Теодором Спиропулосом, одним из представителей Центрального Археологического совета Греции. Экспедицией под его руководством было обнаружено серьёзное количество захоронений, а также фундамент (размером 15х4 метра), сложенный из больших блоков местного происхождения. Т. Спиропулос посчитал, что фундамент находится примерно на месте алтаря Зевса Освободителя, в связи с чем и определил его так. Возведён он был в 479 г. до н.э. в честь победы греков в Платейском сражении²¹⁰.

Самая значимая экспедиция работала в 1996-2009 гг., она проводилась совместно Университетом Миннесоты, Австрийским археологическим институтом и Институтом классической археологии университета Вены. Результатом работы специалистов стал вывод о 7000-летней истории поселения, археологическими данными подтвердилась датировка укреплений города, были начаты планомерные раскопки акрополя. Учёные сделали ряд выводов об истории Платей: в классический период город являлся независимым политическим образованием; в этот же период городской центр был дважды разрушен, а восстановлен лишь в последней трети IV в. до н.э. в

²⁰⁹ Skias A. Ανασκαφή εν Πλαταίαις // Praktika tes en Athenais Archaialogikes Etaireias. 1899. P. 42-56.

²¹⁰ Spyropoulos Th. Boiotian Discoveries I: Plataia // Teiresias. 1973. Vol. 3. P. 2-6.

рамках политики македонских царей; существование общины прекращается в VI в. Результатом исследований²¹¹, в том числе геофизических²¹², стали данные о хронологии создания различных этапов городской фортификации, обнаружение городских ворот и крепостной башни. Получена информация о внутренней планировке города, дорожной системе и застройке²¹³, о последовательности заселения города с эпохи неолита. Итоговые результаты составили самое полное археологическое исследование о Платеях на сегодняшний день²¹⁴ (фрагменты керамики, найденные при раскопках см.: Приложение Б, рис. 3). В книге, кроме результатов данной археологической экспедиции, представлены описания всех предшествовавших исследований города, сведения о находках, исторические экскурсии с доисторического периода до Средневековья, а также значительный объём историографического материала.

Прочие исследования Платейской общины затрагивают достаточно ограниченный спектр вопросов. Религиозной сфере посвящены статьи Пола Уоллеса и Эвангелоса Албанидиса (совместно с Эвангелой Вузаниду). П. Уоллес рассматривает сведения источников о Святилище Деметры, расположенном за пределами городских стен²¹⁵. Исследователь отмечает сложность локализации святилища, но высказывает предположение, что оно находилось на холме к северу от современных Эрифр. Э. Албанидис и Э. Вузаниду поднимают вопрос сакральной роли Платейского полиса²¹⁶. Авторы подробно рассматривают празднование общегреческих Элевтерий в

²¹¹ Aravantinos V., Konecny A., Marchese R.T. Plataiai in Boiotia. A Preliminary Report of the 1996-2001 Campaigns // *Hesperia*. 2003. Vol. 72. P. 281-320.

²¹² Konecny A., Aravantinos V., Boyd M., Marchese R. Geophysik in Plataiai: Resultate der Kampagne 2005 // *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien*. 2006. Bd. 75. S. 133-141.

²¹³ См.: Приложение Б, схема 1.

²¹⁴ Konecny A., Aravantinos V., Marchese R. Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis. Wien: Österreichisches Archäologisches Institut, 2013. 494 S.

²¹⁵ Wallace P.W. The sanctuary of Demeter at Plataia // *La Béotie antique*. 1985. 15. P. 97-100.

²¹⁶ Albanidis E., Vouzanidou E. The Eleutheria (Liberation games) of Plataea in Ancient Greece // *Studies in physical culture and tourism*. 2008. Vol. 1(15). P. 49-52.

городе, их символическое значение для всех греческих полисов²¹⁷, особенности соревновательной программы. Проблемы политической истории общины занимают центральное место в исследованиях Николаса Хаммонда, Янниса Калионтзиса и Роя ван Вийка. Британский историк подвергал анализу взаимоотношения Афин, Платей и Спарты на рубеже VI-V вв. до н.э.²¹⁸, подробно останавливаясь на событиях Греко-персидских войн. Я. Калионтзис ввёл в научный обиход неопубликованную до этого стелу, на которой содержится список потерь платейцев²¹⁹. Хотя исследователь датирует события, в ходе которых погибли платейские воины, 348 г. до н.э., сама стела, по его словам, датируется I в. до н.э. При этом имена, вырезанные на памятнике, преимущественно имеют не беотийское происхождение, что ставит все больше вопросов перед исследователями. Статья Р. ван Вийка посвящена последним десятилетиям VI в. до н.э.²²⁰ Непосредственно анализируется стремление Платей обрести покровительство, которое позволит сопротивляться угрозе Фив, вследствие чего и возникает один из Афино-платейских союзов. Более подробно автор рассматривает взаимоотношения двух регионов (Аттического и Беотийского) в монографии, написанной на основе его диссертации²²¹. Совместная работа А.Ю. Можайского и В.К. Пичугиной рассматривает фактор исторической памяти в описании Платей основоположником отечественного научного

²¹⁷ Дополнительно см. Wallace S. The Significance of Plataia for Greek Eleutheria in the early Hellenistic period // *Creating a Hellenistic World* / Ed. by A. Erskine and L. Llewellyn-Jones. Swansea: Classical Press of Wales, 2011. P. 147-176.

²¹⁸ Hammond N.G.L. Plataea's relations with Thebes, Sparta and Athens // *The Journal of Hellenic studies*. 1992. Vol. 112. P. 143-150.

²¹⁹ Kalliontzis Y. Digging in Storerooms for Inscriptions: An Unpublished Casualty List from Plataia in the Museum of Thebes and the Memory of War in Boeotia. // *The Epigraphy and History of Boeotia. New Finds, New Prospects* / Ed. by N. Papazarkadas. Leiden: Brill, 2014. P. 332-372.

²²⁰ Wijk, van. R. Athens, Thebes and Plataia and the end of the sixth century BCE // *Journal of Ancient History*. 2017. Vol. 5 (2). P. 1-26.

²²¹ Wijk, van. R. Athens and Boiotia: interstate relations in the archaic and classical periods. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2024. 461 p.

антиковедения М.С. Куторгой²²². Авторы фокусируются на консервативных воззрениях М.С. Куторги и его связях с М.Н. Катковым, однако сам факт описания русским учёным останков Платейского полиса представляет научный интерес. М.С. Куторга описал территорию гражданской общины ещё до начала профессионального археологического исследования полиса.

Подводя итог, отметим, что историография непосредственно общины полиса Платеи немногочисленна и оставляет значительное количество исследовательских вопросов истории данной общины не раскрытыми. Таким образом, тематика нашей квалификационной работы является научно актуальной.

6. *Справочная литература.*

В данной группе назовём те издания, которые играют вспомогательную роль в нашем исследовании. Прежде всего, это репринты каталогов монет древнего мира Б. Хеда²²³ и К. Крея²²⁴; словари представлены древнегреческо-русским словарём И.Х. Дворецкого²²⁵, словарём лексики Геродота²²⁶, древнегреческо-английским словарём Х. Г. Лидделла и Р.А. Скотта²²⁷ и Кембриджским словарём²²⁸. В качестве справочного материала были

²²² Можайский А.Ю., Пичугина В.К. Описание Платей М.С. Куторгой в «Русском вестнике»: особенности исторической памяти // Современные проблемы книжной культуры: Основные тенденции и перспективы развития: материалы XVI Белорусско-Российской научной конференции, Москва, 22-23 ноября 2023 г. / Под общ. ред.: Н.В. Вдовина. Сост.: Л. А.Авгуль, Н.В. Вдовина. М., Мн.: Центральная научная библиотека НАН Беларуси, ФГБУ науки Научный и издательский центр «Наука» РАН, 2023. С. 354-361.

²²³ Head B.V. Guide to the Principal Gold & Silver Coins of the Ancients. Chicago: Argonaut Inc., Publishers, 1968. 128 p.

²²⁴ Kraay C.M. Archaic and Classical Greek Coins. New York: Sanford J. Durst, 1976. 454 p.

²²⁵ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь / Под ред. С.И. Соболевского. Томск: Alpha online. [Электронный ресурс] URL: <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html> (дата обращения: 20.03.2026).

²²⁶ Powell J.E. A Lexicon to Herodotus. 2nd ed. Hildesheim: G. Olms Verl., 1966. 392 p.

²²⁷ Liddell H.G., Scott R.A Greek-English Lexicon. Oxford: Oxford University Press. 1996. 2448 p.

²²⁸ The Cambridge Greek Lexicon. / Ed. by J. Diggle. Padstow: TJ Books Limited, 2021. Vol. 1, Vol. 2. 1570 p.

использованы Энциклопедия Древнегреческого мира²²⁹, археологическое руководство по Марафону²³⁰ и руководство по археологическому музею Фив²³¹.

Научная новизна исследования определяется выполненным детальным анализом упоминаний полиса Платеи в античной нарративной традиции, выявлением специфических черт развития Платейской гражданской общины, подробным рассмотрением истории названного политического центра в рамках классического периода. В ходе работы соотнесены свидетельства античной традиции и эпиграфического материала, что позволило более полно охарактеризовать особенности развития юга Беотийского региона.

Новым является предложенное уточнение типологии культур городов-государств М.Г. Хансена, аргументированное на материале Средней Греции, а также объединение данной теории с концепцией фронта Х. Элтона. Предлагается трактовка пограничного характера Платейского полиса как фронта не только в отношении территории двух надполисных объединений — Делосской симмахии и Беотийского союза, но и между двумя подтипами полисной культуры классического периода – беотийским и аттическим.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Платейский полис, будучи в географическом отношении периферийной общиной Беотийского региона, являлся в межполисных связях промежуточным звеном между политическими объединениями Беотии и Аттики. Вследствие этого Платеи испытывали влияние соседей в политике, экономике, культуре и религии.

²²⁹ Sacks D. Encyclopedia of the Ancient Greek World. Revised Edition / Revised by. L.R. Brody. New York: Facts on File, Inc., 2005. 433 p.

²³⁰ Petrakos B. Marathon. Archaeological Guide / Ed. by. K. Ninou, English translation by A. Doumas. Athens: The Archaeological Society at Athens, 1996. 201 p.

²³¹ A Guide to the Archeological Museum of Thebes / Ed. by K. Kalliga, N. Kontogiannis., A. Papadaki. Thebes: Ministry of Culture and Sports, Ephorate of Antiquities of Boeotia, 2015. 60 p.

2. Выраженной особенностью Платей следует считать специфический характер взаимоотношений с ближайшими крупными полисными образованиями – Фивами и Афинами. Несмотря на принадлежность Платейской общины к беотийским городским центрам, непосредственно в тесные отношения с Фиванской общиной полис вступал либо в ходе военных противостояний, либо в рамках насильственного подчинения территории полиса власти Беотийского союза. Отношения с Афинской симмахией (и самими Афинами) выстраивались в ключе добрососедства, сотрудничества и поддержки. Участие в войнах в качестве полноценных и постоянных военных союзников афинян позволило платейцам получить (в знак благодарности) политические права на территории Аттики, практически равные афинскому гражданству.

3. Должностями в Платейском полисе, наличие которых обнаруживается в источниках, были архонт (ὁ ἄρχων), проксен (ὁ πρόξενος), гимнасиарх (ὁ γυμνασίαρχος). Весьма вероятно, по косвенным данным, существование военных магистратур. В полисе, как минимум в IV в. до н.э., имели место собрания зажиточных граждан, осуществлявшие управление в рамках общебеотийской олигархической тенденции развития властных институтов. Безусловно, существовало собрание всего гражданского коллектива, но прямо оно в источниках не называется, в связи с чем сложно сделать вывод о его полномочиях.

4. Основным занятием граждан Платейской общины являлось сельское хозяйство, также в хозяйственной жизни фиксируется гончарное производство. Предположительно, торговые операции полиса были ограничены. После эвакуации в Аттику допустимо считать службу платейцев во флоте в качестве средства заработка при сохранении аграрного производства как основной экономической деятельности.

5. Ключевым элементом платейской идентичности являлся праздник Дедалов, который выступал связующим звеном между Платеями и другими общинами Беотии. Культ Геры был доминирующим на всей территории

региона, в том числе и в платейском городском центре. Дедалы справлялись платейцами даже в период изгнания, в отличие от других культов, зафиксированных на платейской земле. Настолько же важными для населения города не смогли стать ни культ Зевса Освободителя, ни культ Афины Ареи, хотя последний, вероятно, играл значимую роль для тех граждан Платей, которые в результате изгнания смогли осесть и закрепиться в аттических демах.

6. Применение концепции “city-state culture” М.Г. Хансена к изучению Платей приводит к утверждению, что они являлись своеобразным представителем беотийского подтипа греческой полисной культуры классического периода. Это аргументируется как соответствием Платейской общины критериям полисной культуры, сформулированным М.Г. Хансеном, так и особенностями проявления этих критериев, а также подкрепляется нарративной традицией, археологическим материалом, эпиграфическими и папирологическими источниками.

7. Использование концепции фронта Х. Элтона позволяет сделать вывод о том, что в силу экономических, политических, культурных и религиозных особенностей, территория беотийского полиса Платей обладала пограничным характером и являлась фронтиром. Изучаемая община (и в отношении территории, и в качестве полиса) разделяла два надполисных объединения классического периода — Делосскую симмахию и Беотийский союз.

8. Военная история Платей свидетельствует об их участии практически во всех значимых военных конфликтах классического периода древнегреческой истории. Город выставял собственный воинский контингент в рамках Греко-персидских, Пелопоннесской, Коринфской и Беотийской войн. Подразделения платейцев принимали участие в битвах при Маратоне, Артемисии, Платеях. Сам городской центр претерпел осаду и был разрушен сначала во время Пелопоннесской войны, а затем и во время Беотийской войны. Столь высокая степень участия небольшой беотийской

общины во многих общегреческих событиях была вызвана именно фронтирным характером беотийского полиса Платеи.

9. При сочетании принципиальных положений концепций М.Г. Хансена и Х. Элтона и комплексном их применении Платейский полис предстаёт в качестве фронта между двумя подтипами греческой полисной культуры классического периода – аттическим и беотийским. Это устанавливается на основе особенностей связей Платей с Беотийским и Аттическим регионами, его постоянно менявшейся политической принадлежности, а также обнаружением элементов обоих подтипов полисной культуры в источниковом материале о Платейской общине.

Практическая значимость исследования.

Материалы диссертации могут быть использованы при изучении античной полисной цивилизации, при подготовке общих и специальных учебных курсов, а также для дальнейших научных исследований Беотийского региона.

Апробация основных положений работы осуществлялась в ходе докладов на международных, всероссийских и региональных научных конференциях: Научная конференция «Экономическая история античности в мировой историографии (памяти профессора В.И. Кузищина)» (Москва, МГУ, 2018), Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018, 2020), VII международная молодёжная научно-практическая конференция «Путь в науку» (Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2018), Международная научная конференция «XXI Сергеевские чтения» и Всероссийская конференция «XXIII Сергеевские чтения» (Москва, МГУ, 2019, 2025), Международная научная конференция «Лістападаўскія сустрэчы – XIII» (Минск, БГУ, 2019), XXIII, XXVII, XXIX всероссийские научные конференции по антиковедению и медиевистике студентов, аспирантов, молодых учёных «Древняя и средневековая Европа: социально-политическое и культурное разнообразие» (Ярославль. ЯрГУ, 2020, 2024, 2026),

Международная научная конференция «Пути империй: модели, практики, дискурсы наднациональных политий от древности до современности» (Нижний Новгород, ННГУ, 2020), III международная конференция «История урбанизации Европы» (Нижний Новгород, ННГАСУ, 2021), Тридцать третья годовичная сессия учёного совета Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина «Февральские чтения» (Сыктывкар, СГУ им. П. Сорокина, 2026).

По результатам исследования было подготовлено 14 публикаций, из них 4 в изданиях Перечня ВАК РФ.

Глава I.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И САКРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ПЛАТЕЙ В КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

1.1. Беотия в V-IV вв. до н.э.

Прежде чем перейти к рассмотрению изучаемой греческой общины, необходимо выделить условия, в которых она находилась в интересующий нас период. В связи с этим следует сосредоточить внимание непосредственно на Беотийском регионе. Географически Беотия представляет собой область примерно ромбовидной формы (точнее – подобную неправильному четырёхугольнику), вытянутую с запада на восток (см. Приложение Б, рис. 4). Площадь ее составляет около 2500 квадратных километров; ограничен регион природными ориентирами: водами Коринфского залива и Северного Эвбейского залива на юго-западе и северо-востоке соответственно; горные хребты Киферон и Парнис составляют южную (юго-восточную) границу, с северо-запада пределом выступает горный массив Геликон и северная часть долины реки Кифисос. Территория Беотии может быть охарактеризована как система долин, ограниченная горными хребтами и морским побережьем. Основные водные артерии — реки Асоп и Кифисос, важную роль в регионе играло озеро Копайда (осушенное в 1886 г.)²³². В силу своих географических особенностей Беотия предстаёт как регион, имеющий плодородные земли и условия для их культивации, но не использующий активно свой выход к Эгейскому и Ионическому морям²³³.

²³² Подробнее о географии региона см.: Fossey J.M. Topography and population of ancient Boiotia. Vol.1. Chicago: Ares Publishers, 1988. Vol. 1-2. P. 3-12.

²³³ Можайский А.Ю. Внешнеполитический курс Фиванского полиса в Классический период: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М.: 2007. С. 37.

Обратимся к истории Беотийского региона. Первыми городскими центрами ещё в Микенскую эпоху были Фивы и Орхомен²³⁴, также беотийские общины упоминаются в Каталоге кораблей:

«Βοιωτῶν μὲν Πηνέλεως καὶ Λήϊτος ἦρχον
Ἀρκεσίλαός τε Προθοήνωρ τε Κλονίος τε,
οἱ θ' Ὑρίην ἐνέμοντο καὶ Αὐλίδα πετρήεσσιν
Σχοῖνόν τε Σκῶλόν τε πολύκνημόν τ' Ἐτεωνόν,
Θέσπειαν Γραῖάν τε καὶ εὐρύχορον Μυκαλησσόν,
οἱ τ' ἄμφ' Ἄρμ' ἐνέμοντο καὶ Εἰλέσιον καὶ Ἐρυθράς,
οἱ τ' Ἐλεῶν' εἶχον ἡδ' Ὑλην καὶ Πετεῶνα,
Ὠκαλέην Μεδεῶνά τ' εὐκτίμενον πτολίεθρον,
Κώπας Εὐτρησίν τε πολυτρήρωνά τε Θίσβην,
οἱ τε Κορώνειαν καὶ ποιήενθ' Ἀλίαρτον,
οἱ τε Πλάταιαν ἔχον ἡδ' οἱ Γλισᾶντ' ἐνέμοντο,
οἱ θ' Ὑποθήβας εἶχον εὐκτίμενον πτολίεθρον,
Ὀγχηστόν θ' ἱερὸν Ποσιδήϊον ἀγλαὸν ἄλσος,
οἱ τε πολυστάφυλον Ἄρνην ἔχον, οἱ τε Μίδειαν
Νῆσάν τε ζαθέην Ἀνθηδόνα τ' ἐσχατόωσαν:
τῶν μὲν πεντήκοντα νέες κίον, ἐν δὲ ἐκάστη
κοῦροι Βοιωτῶν ἑκατὸν καὶ εἴκοσι βαῖνον.»²³⁵ (Hom. Il. II. 494-510).

²³⁴ Schachter A. Boiotia in Antiquity. Chelsea: Sheridan books, 2016. P. 4.

²³⁵ «Рать беотийских мужей предводили на бой воеводы:
Аркесилай и Леит, Пенелей, Профоемор и Клониий.
Рать от племен, обитавших в Гирпи, в камнистой Авлиде,
Схен населявших, Скол, Этеон лесисто-холмистый;
Феспии, Греи мужей и широких полей Микалесса;
Окрест Илезия живших и Гармы и окрест Эритры;
Всех обитателей Гил, Элеон, Петеон населявших;
Также Окалею, град Медеон, устройением пышный,
Копы, Эвтрез, и стадам голубиным любезную Фисбу,
Град Коронею, и град Галиарт на лугах многотравных;
Живших в Плаете, и в Глиссе тучные нивы пахавших;
Всех, населяющих град Гипофивы, прекрасный устройством;
Славный Онхест, Посейдонов алтарь и заветную рощу;
Арн, виноградом обильный, Мидею, красивую Ниссу,
И народ, наконец, населявший Анфедон предельный

Соответственно, регион имеет продолжительную историю заселения, при этом вопрос о происхождении его населения все ещё представляет собой научную дискуссию²³⁶. Всего известно 71 беотийское поселение, из которых с различной степенью уверенности идентифицировано 68²³⁷. Среди них, безусловно, выделяются Фивы как центральный полис региона (и в географическом, и политическом смысле), оказавший заметное влияние на развитие области, в том числе в архаический период. Тем не менее, нас интересует Беотия в рамках периода классики, в связи с чем надо рассмотреть события непосредственно V-IV вв. до н.э., не углубляясь в раннюю историю. Здесь следует отметить, что именно в Беотии в последней четверти VI в. до н.э. общинами было сформировано первое в греческой истории надполисное объединение – Беотийский союз²³⁸. Эта федерация представляла собой союз городских центров региона, она функционировала на основе принципов амфикинии (религиозного объединения)²³⁹. Первопричиной создания союза считается угроза со стороны фессалийских общин, а также поиск компромисса между городскими центрами самого региона²⁴⁰. Союз стал представлять собой олигархический режим, в котором центральную роль играли фиванские политические круги. А. Шахтер дополнительно отмечает, что союз вырос из военной коалиции беотийских общин, сильнейшей из которых были Фивы, причем уже вследствие этого союз был достаточно хрупким²⁴¹. Более того, 5 упомянутых в Каталоге кораблей предводителей беотийцев и 2 предводителя минийцев являют собой прообраз семи беотархов Беотийского союза, т. е. деление региона на семь

С ними неслось пятьдесят кораблей, и на каждом из оных

По сту и двадцать воинственных, юных беотян сидело.» Пер. Н.И. Гнедича.

²³⁶ Schachter A. Boiotia in Antiquity. Chelsea: Sheridan books, 2016. P. 1-21.

²³⁷ Fossey J.M. Topography and population of ancient Boiotia. Vol. 1. Chicago: Ares Publishers, 1988. P. 387-391.

²³⁸ Buck R.J. History of Boeotia. Edmonton: The University of Alberta Press, 1979. P. 107-120.

²³⁹ Buck R.J. Boiotia and the Boiotian League. Edmonton: The University of Alberta Press, 1994. P. 4-5.

²⁴⁰ Schachter A. Boiotia in Antiquity. Chelsea: Sheridan books, 2016. P. 17-19.

²⁴¹ Ibid. P. 62.

частей, «округов», может представляться более ранней практикой, чем фактическое оформление союза²⁴². Тем не менее, не все полисы Беотии вошли в состав объединения. Элевтеры, Платеи и Орхомен остались самостоятельными политическими единицами. И если Орхомен всё-таки войдёт в Союз ко времени Греко-персидских войн (самая поздняя оценка), то Платеи и Элевтеры окажутся под влиянием Афин на протяжении длительного времени²⁴³. Именно попытки установления Фивами собственной гегемонии в рамках и региона, и союза, во многом выступают движущей силой дальнейшего исторического процесса на территории Беотии. Собственно, последнее десятилетие VI в. до н.э. ознаменовалось военным конфликтом с Афинами, причина которого крылась в политической принадлежности Платейской общины. Неудача в этом начинании приведёт фиванских политиков к дистанцированию от прочих полисов Греции и даже склонит их к тёплым отношениям с Персидской державой, что приравнялось к предательству²⁴⁴. В частности, в рамках событий 490 г. до н.э. Фивы (а значит и города Беотийского союза) находились среди тех, кто предоставил «воду и землю» Дарию, а в 479 г. до н.э. оказались среди контингентов персидского войска под командованием Мардония в сражении при Платеях; при этом персидская армия использовала Беотию как собственную базу снабжения в период 480-479 гг., а часть общин была разорена (в том числе Платеи). Естественно, что целью такого поворота в политике было установление собственного положения гегемона в регионе, пусть даже и ценой утраты суверенитета. И хотя территория Платей вошла в состав союза около 479 г. до н.э., граждане полиса эвакуировались к афинским союзникам, затем город был возвращён гражданскому коллективу, тогда как Фивы были осаждены (Hdt. IX. 86. 1-2), а виновных в пособничестве персам выдали, чтобы

²⁴² Ibid. P. 63-64.

²⁴³ Buck R.J. Boiotia and the Boiotian League. Edmonton: The University of Alberta Press, 1994. P. 5.

²⁴⁴ Рунг Э.В. ПРОΔΟΣΙΑ: Феномен предательства в классической Греции // Вестник Нижегородского университета им. Н.Н. Лобачевского. 2016. №2. С. 79.

сохранить город. После этого в Фивах (сложно сказать в отношении всего Беотийского союза) сохранился олигархический режим правления, но из политической элиты теперь исключались проперсидские элементы. Центр же союза, вероятно, сместился в другую беотийскую общину²⁴⁵. Затем ситуация меняется уже в середине V в. до н.э. В 460 г. до н.э. спартанцы возвратили фиванцам их могущество и доминирующее положение в регионе для того, чтобы сдержать распространение афинской гегемонии на Среднюю Грецию. Однако уже к 457 г. до н.э., в рамках Малой Пелопоннесской войны, значительная часть территории Беотии оказывается под властью афинян (после битвы при Энофитах): «καὶ μάχη ἐν Οἰνοφύτοις τοὺς Βοιωτοὺς νικήσαντες τῆς τε χώρας ἐκράτησαν τῆς Βοιωτίας καὶ Φωκίδος καὶ Ταναγραίων τὸ τεῖχος περιεῖλον καὶ Λοκρῶν τῶν Ὀπουντίων ἑκατὸν ἄνδρας ὁμήρους τοὺς πλουσιωτάτους ἔλαβον, τὰ τε τείχη ἑαυτῶν τὰ μακρὰ ἀπετέλεσαν»²⁴⁶ (Thuc. I. 108. 3). Единственным неподконтрольным центром остаются Фивы, где продолжает зреть жажда реванша. При этом часть общин региона принимают демократическое устройство, а часть становится проафинскими олигархиями²⁴⁷. Возникают сомнения, что дружественные Афинам режимы возникли исключительно по воле граждан непосредственно этих полисов, что отчасти подтверждается захватом Орхомена в 447 г. до н.э. изгнанниками-олигархами, которые после этого собирают силы и побеждают афинян при Коронее. Это привело к восстановлению фиванской гегемонии, возобновлению олигархического Беотийского союза²⁴⁸, заключению

²⁴⁵ Buck R.J. Boiotia and the Boiotian League. Edmonton: The University of Alberta Press, 1994. P. 6.

²⁴⁶ «<...> разбили беотян в битве при Энофитах и подчинили всю Беотию и Фокиду. Они велели затем скрыть стены Танагры, приказали опунтским локрам выдать 100 заложников из богатейших граждан.» Пер. Г.А.Стратановского. На наш взгляд, корректнее будет «овладели Беотией и Фокидой», аорист от гл. «κράτέω».

²⁴⁷ Buck R.J. Boiotia and the Boiotian League. Edmonton: The University of Alberta Press, 1994. P. 6.

²⁴⁸ О том, так ли был возобновлённый союз похож на существовавший до этого (и после, в IV в. до н.э.) см. Schachter A. Boiotia in Antiquity. Chelsea: Sheridan books, 2016. P.63-65., Buck R.J. Boiotia and the Boiotian League. Edmonton: The University of Alberta Press, 1994. P. 6.

Тридцатилетнего мира и окончанию Малой Пелопоннесской войны в 445 г. до н.э. Позже, именно желание если не обладать Платеями, то хотя бы вернуть их в состав Беотийского союза привело к событиям, которые считаются началом Пелопоннесской войны. В 431 г. до н.э. фиванцами была предпринята попытка захвата Платейского полиса, о чём подробно рассказывает Фукидид (Thuc. II. 2-4). Собственно, при наличии большого количества противоречий между различными общинами Эллады, именно фиванская неудача в Платеях стала той искрой, из которой разгорелась война. Одним из ключевых событий этой войны является осада Платей силами Пелопоннесского союза (429-427 гг. до н.э.), которая закончилась сдачей города, уничтожением большинства городских построек и казнью тех граждан, кто ещё оставался в городе к моменту окончания осады (Thuc. III. 52-68). Территория Платей, таким образом, вошла в состав Беотийского союза, но никакого участия в его делах принимать не могла (подробнее см. главу III). После этого, в 424 г. до н.э. беотийское войско окончательно ликвидировало афинскую угрозу региону в сражении при Делии, в результате которого все беотийские общины подчинились Фивам. Уже в 423 г. фиванцы срывают стены Феспий (и, вероятно, Микалесоса), в 412 г. захватывают при помощи местного населения Ороп, который в 409 г. беспрепятственно выходит из состава союза, чтобы заново присоединиться к нему (в неясном статусе) в 401 г. до н.э.²⁴⁹. Так или иначе, к рубежу веков Беотийский союз подходит усилившимся, подтвердившим свою региональную гегемонию. Именно в этот период, в том числе в связи с возросшей ролью Фив в общегреческих делах, происходит охлаждение отношений с бывшим союзником, Спартой. Теперь уже два полиса (а может, даже и два региона, Беотия и Лакония) видят друг в друге соперников в борьбе за панэллинскую гегемонию. Взаимные подозрения, противоречия, а также спорное отношение к другим членам Пелопоннесского союза со стороны Спарты и иностранное

²⁴⁹ Buck R.J. Boiotia and the Boiotian League. Edmonton: The University of Alberta Press, 1994. P. 23.

вмешательство (нельзя не упомянуть и роль персидских денег в этом процессе), привели к тому, что начинает складываться анτισпартанская коалиция городов-государств, в которую вошли и беотийские общины. В 395 г. до н.э. разразилась Коринфская война, в ее ходе главным событием в Беотии стало сражение при Коронее (394 г. до н.э.), которое (как и битва при Немее в том же году) закончилось поражением союзных сил и разгромом именно беотийской (фиванской) армии. Активные действия сил Беотийского союза на этом прекратились (однако беотийцы помогали с восстановлением Длинных стен – Diod. Sic. XIV. 85. 3), а по результатам войны произошло ослабление Фиванского полиса, поскольку по условиям Анталкидова (Царского) мира 387 г. до н.э. все греческие города (вне Малой Азии и Кипра) должны были стать независимыми полисами. Это привело к роспуску Беотийского союза и восстановлению независимости (порой — условной) всех беотийских общин, даже самых малых²⁵⁰. При этом не идёт речь о полном разрыве внутрибеотийских связей; культурно и религиозно Беотия остаётся единым пространством, однако все органы управления Союзом были ликвидированы. Многие общины начинают чеканить собственные монеты, в т.ч. Платей, куда возвращаются беженцы из Аттики (вероятно, не все), жившие вдали от дома со времени Пелопоннесской войны. Греческим гегемоном становится Спарта²⁵¹, при определённой доле поддержки со стороны Персидской империи. Однако, именно это обстоятельство ещё сыграет свою роль в истории Беотии. В 385 г. до н.э., на фоне борьбы политических партий в Фивах (лидерами которых были Леонтиад и Исмений)²⁵², спартанское войско захватывает фиванскую крепость Кадмею, тем самым подчиняя своей власти и полис²⁵³. Части

²⁵⁰ Buck, R.J. Boiotia and the Boiotian League. The University of Alberta Press, Edmonton. 1994. P. 61.

²⁵¹ Можайский А.Ю. Внешнеполитический курс Фиванского полиса в Классический период: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М.: 2007. С. 162

²⁵² Там же. С. 164-165.

²⁵³ Можайский А.Ю. Захват спартамцами Фив в 382 г. до н.э. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. №4. С. 28.

фиванской политической элиты пришлось бежать из города, найти пристанище в Афинах, чтобы в итоге организовать совместно с афинянами переворот в 379 г. до н.э. Результатом стало восстановление политики антиспартанских сил в городе, изгнание спартанского гарнизона. В 378 г. до н.э. был восстановлен Беотийский союз, о структуре и органах управления которого сообщает Оксиринхская история (Приложение А, фрагмент 1). В Фивах стало созываться народное собрание союза (где большинство нередко имели именно фиванцы); избирались три беотарха (затем семь), высших должностных лица Союза; был возрождён существовавший до 387 г. до н.э. совет городов Беотии, но с меньшими полномочиями; была введена магистратура архонта, что в некотором роде продолжало традицию религиозного единства региона (поскольку архонт Беотийского союза отвечал за организацию празднеств на территории Союза и за обслуживание храмов); изменился принцип комплектования вооруженных сил федерации. Эти меры, совместно с доблестным отражением попыток Спарты вернуть собственное положение в регионе, привели к новому возвышению как Фив, так и Беотийского союза. В 371 г. до н.э. Фиванское войско под предводительством Эпаминонда остановило пятый поход спартанского войска в Беотию при Левктрах, нанеся сокрушительное поражение армии под командованием царя Клеомброта, что значительно подпортило репутацию спартанских гоплитов. Начался период Фиванской гегемонии в Элладе²⁵⁴, продлившийся до 362 г. до н.э. В этот период Фивы вмешиваются в политические процессы полисов Пелопоннеса, осуществляют поход в Фессалию и морскую экспедицию на северо-восток Эгеиды. Тем не менее, в 362 г. сражением при Мантинее завершилась эпоха доминирования Фиванского полиса, закончилась шестнадцатилетняя Беотийская война, прервалась жизнь Эпаминонда. После такого длительного периода военных столкновений (начиная с Пелопоннесской войны), многие полисы Эллады оказались истощены и не

²⁵⁴ Можайский А.Ю. Внешнеполитический курс Фиванского полиса в Классический период: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М.: 2007. С. 194.

могли претендовать на гегемонию, кроме региональной. Беотийский союз остался локальным надполисным объединением, которое (посредством Беотийской войны) ослабило греческие города-государства и не смогло утвердиться за пределами региона. Это подготовило почву для последующего подчинения всех (в том числе беотийских) общин Греции Македонской державе после Херонейской битвы (338 г. до н.э.), фактически ознаменовавшей закат полисной цивилизации.

Таким образом, в пределах рассматриваемого периода (V-IV вв. до н.э.) Беотия как область, в первую очередь, явилась ареной локальных, внутренних противостояний общин в борьбе за собственные интересы. Несмотря на обилие земельных ресурсов (относительно других областей Греции), значительное количество военных конфликтов способствовало сдерживанию экономического и демографического потенциала региона. Всё это не могло не отразиться на специфике развития беотийских полисных институтов, с более заметными проявлениями в одних общинах, а менее заметными в других.

Дав краткий обзор событий, происходивших в Беотии в V-IV в. до н.э., либо в которых представители региона принимали участие, обратимся к рассмотрению интересующего нас полиса Платеи, расположенного на беотийском Юге, в пойме реки Асоп, на склонах Киферона. На его примере рассмотрим, как выражались особенности беотийской полисной культуры.

1.2. Платеи: полисная организация и социально-экономические отношения

Античная полисная цивилизация стала основой для большинства известных сегодня элементов политического процесса. В Античности возникли и варианты полисного устройства как фундамента политической системы того времени. В каждом полисном центре имелись свои особенности системы управления. Вопрос, однако, состоит в том, насколько те или иные

структуры и механизмы их функционирования какого-либо полиса были типичны или нетипичны, реализованы или не реализованы в других, в том числе и соседних, общинах. Нельзя не отметить к тому же, что некоторые гражданские общины древней Эллады являются наиболее известными в рамках событий общегреческой истории, в то время как в тени остаются параллельно им существовавшие (причем, в достаточно большом количестве) другие полисные центры, точно так же имевшие свою историю, определенную степень участия в тех или иных политических событиях и т.д. Достаточно логичным будет сказать, что более известные, бывшие более влиятельными, полисные центры могли оказывать определённое воздействие, в разных сферах, в том числе и политической, на те общины, которые видятся историкам «на втором плане». Одним из таких полисов «второго плана» были беотийские Платеи, чьи политические институты являются предметом рассмотрения в данной части работы.

Платейский полис располагался на склоне Киферона, в граничащем с Аттикой регионе Беотии. В силу исторических обстоятельств (событий конца VI в. до н.э.) Платеи находились под влиянием более сильных соседей – Афин и Фив. Отсюда возникает проблема политического суверенитета полиса, которая обсуждалась в историографии, – Э. Бэдиан определял платейский статус как неоднозначный²⁵⁵ и склонялся к точке зрения о зависимости Платей от Афин, особенно в период с 519 по 479 гг. до н.э.; в поддержку исследовательской позиции о независимости полиса высказывались Л. Тритл²⁵⁶ и Н. Хаммонд²⁵⁷, называя Платеи независимым полисом (в союзе с Афинами); проблему исторических причин отнесения общины к беотийскому и аттическому пространству рассматривает

²⁵⁵ Badian E. Plataea between Athens and Sparta: In Search of Lost History // From Plataea to Potidaea. Studies in the History and Historiography of the Pentacontaetia / Ed. E. Badian. Baltimore: John Hopkins University Press, 1993. P. 109-123.

²⁵⁶ Tritle L.A. The New History of the Peloponnesian War. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. P. 59.

²⁵⁷ Hammond N.G.L. Plataea's relations with Thebes, Sparta and Athens // The Journal of Hellenic studies. 1992. Vol. 112. P. 145.

Р. ван Вейк²⁵⁸. На наш взгляд, в разные периоды Платеи могли тяготеть к разным политическим силам. Однако, среди связанных проблем, к тому же актуальных в русле текущих тенденций изучения античной полисной цивилизации, одним из ключевых моментов остается поиск ответа на вопрос: каковы были полисные институты собственно самих Платей? Были они схожи с фиванскими (и вообще беотийскими), копировали афинскую систему управления или имели своеобразие? Для ответа на этот вопрос необходимо привлечь корпус письменных источников и попытаться найти в нём свидетельства любого из трёх обозначенных вариантов²⁵⁹. Далеко не все представители античной традиции сообщают интересующие нас сведения, но ряд сюжетов предоставляет необходимую информацию, в некоторых моментах обратимся и к эпиграфическому материалу. Проанализируем значимую для отмеченной проблематики информацию.

Прежде всего, отметим сведения о мифологическом периоде истории полиса – «τῶν δὲ βασιλέων ἄλλον μὲν οὐδένα οἱ Πλαταιεῖς ἴσασι, μόνον δὲ Ἀσωπὸν καὶ ἔτι πρότερον Κιθαῖρῶνα:<...>»²⁶⁰ (Paus. IX. I. 2). «Οἰδίποδι μὲν ὁδὸς ἡ Σχιστὴ καὶ τόλμημα τὸ ἐπ’ αὐτῇ κακῶν ἤρχε, καὶ τὰ τοῦ Λαΐου μνήματα καὶ οἰκέτου τοῦ ἐπομένου ταῦτά ἔτι ἐν μεσαιτάτῳ τῆς τριόδου ἐστὶ καὶ ἐπ’ αὐτῷ λίθοι λογάδες σεσωρευμένοι: Δαμασίστρατον δὲ ἄνδρα ἐν Πλαταιαῖς βασιλεύοντα ἐπιτυχεῖν τε κειμένοις τοῖς νεκροῖς καὶ θάψαι φασὶν αὐτούς»²⁶¹ (Paus. X. V. 4). Павсаний последовательно сообщает о наличии царской власти в Платеях. Естественно, мы не можем отнести эти сведения к архаическому или классическому периоду, как и считать сами пассажи с мифологическим

²⁵⁸ van Wijk R. Athens, Thebes and Plataia and the end of the sixth century BCE // Journal of Ancient History. 2017. Vol. 5 (2). P. 1-26.

²⁵⁹ Кореньяк В.С. Политические институты античных Платей по сведениям нарративных источников // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2020. №4. С. 12-15.

²⁶⁰ «Но из своих царей платейцы не знают никого, кроме Асопа и Киферона <...>». Пер. С.П. Кондратьева.

²⁶¹ «И доныне еще на середине, где сходятся три дороги, находится могила Лая и сопровождавшего его раба, и над ними навалена куча неотделанных камней. Говорят, что на их лежащие трупы наткнулся Дамасистрат, царствовавший в Платеях, и похоронил их.» Пер. С.П. Кондратьева.

контекстом исключительно достоверными. Тем не менее, подчеркнем, что истоки платейского самоуправления понимаются античной традицией уходящими к царской власти, как и в большинстве полисов Эллады.

Кроме мифологических пассажей, относящихся к изучаемому полису, мы обнаруживаем сообщения о представителях гражданского коллектива Платей. Причем упоминаются как граждане в целом, – у Фукидида в генетиве «τῶν πολιτῶν» (Thuc. II. 2. 2)²⁶², так и персонально. У Павсания (Paus. I. XXIX. 12) и у Плутарха отмечены платейцы и платеец (правда, уже во времена Александра Великого): «<...> ἰδίᾳ δὲ Πλαταιεῦσι τὴν πόλιν ἀνοικοδομεῖν, ὅτι τὴν χώραν οἱ πατέρες αὐτῶν ἐναγωνίσασθαι τοῖς»²⁶³ (Plut. Alex. 34. 1), так и отдельные граждане полиса: «<...> Δαῖμαχος ὁ Πλαταιεὺς <...>» (Plut. Comp. Sol. Publ. 4. 1); «<...> καὶ συνεξῆλθον αὐτοῖς χάριτι τοῦ Φωκίωνος ὁ Πλαταιεὺς Σόλων καὶ Δείναρχος ὁ Κορίνθιος, <...>»²⁶⁴ (Plut. Phoc. 33. 3). Фукидид также называет платейца Науклида (Thuc. II. 2. 2). Кроме того, во фрагментах «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского назван историк Псаон из Платей (Diod. Sic. XXI. 5. 1). Однако ни один упомянутый персонаж не может быть связан с каким-либо политическим институтом города. Узнаём мы и имя ещё одно платейца: «<...> ἐκ δὲ Πλαταιέων Εὐχίδας ὑποσχόμενος ὥς ἐνδέχεται τάχιστα κομῆν τὸ παρὰ τοῦ θεοῦ πῦρ ἥκεν εἰς Δελφούς.»²⁶⁵ (Plut. Arist. 20. 4). Этот Эвхид отправился в Дельфы, совершил необходимые обряды и прибыл назад, в Платеи, перед заходом солнца, пробежав, таким образом, тысячу стадиев за день. Также сообщается, что он умер, как только передал огонь согражданам (Plut. Arist. 20. 5). Отчасти это

²⁶² Кореньяк В.С. Сведения о полисе Платеи в «Истории Пелопонесской войны» Фукидида // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2019. №3. С 29.

²⁶³ «Платейцам же он отправил особое послание, обещая заново отстроить их город, ибо предки их некогда предоставили свою землю для сражения за свободу Греции.» Пер. М.Н. Ботвинника и И.А. Перельмутера.

²⁶⁴ «Вместе с ними, из желания помочь Фокиону, выехал платеец Солон и коринфянин Динарх.» Пер. С.П. Маркиша.

²⁶⁵ «...а платеец Эвхид, вызвавшись как можно скорее принести огонь от бога, отправился в Дельфы.» Пер. С.П. Маркиша.

напоминает историю с афинским вестником при Марафоне. Возможно, мы видим отсылку к тем событиям или топос нарративной традиции. В более позднем же источнике – «Истории» Тита Ливия, кроме гражданина Платей Дикеарха указываются общины Беотии: – “rogation inde a Plataeensi Dicaearcho lata recitataque de societate cum Romani iugenda nullo contra dicere audente omnium Boeotiae civitatum suffragii saccipitur iubeturque”²⁶⁶ (Liv. XXXIII. 2. 6). Собственно, “civitas” – латинский аналог понятия «полис»²⁶⁷; хотя этот термин мог употребляться и в более широком смысле; в данном случае указание на голосование свидетельствует о том, что Ливий отмечает наличие гражданских коллективов в Беотии, в том числе в Платеях.

Плутарх упоминает безымянного архонта: «<...> τῶν Πλαταιέων ὁ ἄρχων, <...>» (Plut. Arist. 21. 4) как участника празднований Элевтерий – игр в честь Зевса Освободителя²⁶⁸. Определённое пересечение функций архонта как религиозного распорядителя (по тексту Плутарха) соотносится с одноименной должностью, которая появится позднее, при воссоздании союза в 378 г. до н.э. Впрочем, В.Ф. Кутергин прямо пишет о схожести функции союзного архонта с архонтами отдельных городов, существовавших в предыдущую эпоху²⁶⁹. Таким образом, упомянутый магистрат из Платей не мог физически являться должностным лицом общесоюзного уровня, но точно имел полномочия сакрального характера на территории полиса. К тому же, в период, описываемый Плутархом (479 г. до н.э.), Платейский полис не являлся членом Беотийского союза, но сохранил, как минимум, часть беотийских институтов. Сведений о народном собрании общины источники не содержат, однако косвенно подтверждается существование совета – буле. В

²⁶⁶ «Потом Дикеарх из Платей внес и прочитал предложение о союзе с римлянами. Поскольку противоречить никто не осмелился, все беотийские общины, проголосовав, постановили принять это предложение и ввести его в силу.» Пер. С.А. Иванова.

²⁶⁷ Маяк И.Л. Понятие власти и собственности в сочинении Авла Геллия // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1998. №1 (3). С. 25.

²⁶⁸ Albanidis E., Vouzanidou E. The Eleutheria (Liberation games) of Plataea in Ancient Greece // Studies in physical culture and tourism. 2008. Vol. 15. 1. P. 50.

²⁶⁹ Кутергин В.Ф. Беотийский союз в 379-335 гг. до н.э.: Исторический очерк. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1991. С.51-52.

ряде сюжетов (например, Thuc. II. 73. 1) Фукидид отмечает, что граждане города «βουλευσάμενοι»²⁷⁰, от «βουλεύω» в т.ч. «заседать в совете». Прямым свидетельством, конечно, подобные упоминания считаться не могут.

Можно предполагать наличие магистратуры стратега в Платеях, поскольку Павсаний сообщает: «<...> κεῖται δὲ τοῦ ἀγάλματος πρὸς τοῖς ποσὶν εἰκὼν Ἀριμνήστου: ὁ δὲ Ἀρίμνηστος ἔν τε τῇ πρὸς Μαρδόνιον μάχῃ καὶ ἔτι πρότερον ἐς Μαραθῶνα Πλαταιεῦσιν ἡγήσατο»²⁷¹ (Paus. IX. IV. 2). Однако Павсаний не упоминает должность стратега непосредственно, он лишь говорит, что Аримнест предводительствовал, командовал. Допустим, что, по меньшей мере, один военный магистрат имел место в Платеях, хотя это не исключает возможности существования коллегии платейских стратегов или коллегиального характера самой должности. Неясным представляется и занятие одним и тем же Аримнестом должности командующего с интервалом в 10 лет (490 и 480/479 гг. до н.э.) при условии её выборности. Однако в контексте платейской истории, не столь яркой на военные события в начале V в. до н.э., допустимо считать, что Аримнест был повторно выбран стратегом при наличии новой военной угрозы городу (если мы доверяем трактовке Павсания об одном и том же человеке с таким именем). Геродот упоминает Аримнеста только в рамках Платейской битвы (Hrd. IX. 72. 2), но не говорит о его роде деятельности. Так или иначе, сомнительным представляется считать Аримнеста при Марафоне, Аримнеста при Платеях (свидетеля смерти Калликрата) и другого, командующего Аримнеста в том же сражении тремя разными персонами. Тем более, что во времена Пелопоннесской войны мы встречаемся, вероятно, с упоминанием его сына (если допустить ошибку при написании имени): «οἱ δ' ἔλεγον αἰτησάμενοι μακρότερα εἰπεῖν καὶ προτάξαντες σφῶν αὐτῶν Ἀστύμαχόν τε τὸν Ἀσωπολάου καὶ Λάκωνα τὸν Αἰεμνήστου πρόξενον ὄντα Λακεδαιμονίων: καὶ ἐπελθόντες ἔλεγον

²⁷⁰ Совещавшиеся, устраивавшие совет.

²⁷¹ «В ногах статуи Афины находится изображение Аримнеста, а этот Аримнест был начальником платейцев в битве против Мардония и еще раньше в Марафонском сражении.» Пер. С.П. Кондратьева.

τοιῶδε»²⁷² (Thuc. III. 52. 5). Сразу нескольких платейцев называет Лисий в речи против Панклеона (Lys. 23.1–12): собственно, Панклеона (платейского (?) раба, представлявшегося гражданином), его отца Гиппармодора (который, однако, по показаниям Эфикрита, не имел сыновей), Эфикрита (старейшего из платейских граждан) и Никомеда (назвался владельцем Панклеона). Однако невозможно ничего сказать об их занятиях. Эпиграфика также сообщает о платейских жителях, хотя и не так подробно, как нам бы того хотелось (Приложение А, фрагменты 2-12). Надписи (IG VII 1664, 1665) содержат упоминания о проксене по имени Аристофан (датировка, правда, уже эллинистическая), но исключать наличие проксенов в Платеях ранее не стоит, поскольку Фукидид сообщал о платейце Лаконе, лаконском проксене во второй половине V в. до н.э. (Thuc. III. 52. 5). В посвящении (IG VII 1671) указывается беотийский архонт, речь идёт, вероятно, о федеральном магистрате (после 378 г. до н.э.), а не о локальном платейском должностном лице. Кроме того, имеется упоминание о гимнасиархе (IG VII 1667), однако датировка не является точной, предполагается создание надписи в римский период, соответственно признавать наличие гимнасиархов в Платеях периода классики не приходится, но допускаем, что должность вместе с функционалом была введена в эллинистическую эпоху. Кроме имен должностных лиц эпиграфический материал содержит ряд имён жителей Платей: Герофил (IG VII 1677, посвящение), Горгид (IG VII 1685, граффити неясной датировки, надпись сделана на канфаре второй половины VI в. до н.э.), Даменет (IG VII 1689, надгробие), Лисиппа (IG VII 1691, надгробие), Дамарх (IG VII 3482, надгробие), Мосхейна, дочь Аристиона (IG VII 3549, посвящение), Лигур (IG VII 3556, надгробие). Не самый информативный список, тем более что занятия отмеченных членов общины не указываются. Ещё одна инскрипция, опубликованная лишь в статье Я. Калионтзиса,

²⁷² Упоминаются Астимах сын Асополая и Лакон сын Аиемнеста. Аиемнест тождественен Аримнесту у Тритла, см.: Tritle L.A. The New History of the Peloponnesian War. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. P. 2, 58.

приводит список (Приложение А, фрагмент 13) из 22 имён погибших платейских граждан²⁷³. Датируется надпись не ранее 348 г. до н.э., возможно даже более поздним временем. Отметим, что значительная часть эпиграфики нами здесь не рассматривается, поскольку она либо датирована слишком поздним временем по отношению к рассматриваемому, либо не может быть датирована как таковая. Отчасти скудность выборки может быть объяснена тремя разрушениями города в 480, 427 и 372 гг. до н.э. (в том числе согласно археологическим данным²⁷⁴). Более того, определённая часть памятников была использована в последующие эпохи, что не способствовало сохранности материала.

Как видим, в процитированных трудах античной исторической традиции и отмеченных эпиграфических свидетельствах содержится очень малое количество информации о политической системе беотийских Платей, об их гражданском коллективе. Благодаря аккумулированным фрагментам можно сделать вывод о весьма вероятном наличии народного собрания и гражданского совета в городе. Также упоминаются городской архонт и командующий военным контингентом полиса (стратег), проксен. Однако других сведений о политической системе найти в проанализированных источниках не удалось. Здесь может помочь безымянный историк из Оксирина. В его произведении содержится информация о структуре органов Беотийского союза, которая может дать некоторое представление о Платейском полисе и его системе управления, поскольку он являлся участником этого объединения.

В тексте “*Hellenica Oxyrhinchia*” наибольший интерес для изучения рассматриваемой проблемы представляет фрагмент, который мы приведем в

²⁷³ Kalliontzis Y. Digging in Storerooms for Inscriptions: An Unpublished Casualty List from Plataia in the Museum of Thebes and the Memory of War in Boeotia // *The Epigraphy and History of Boeotia. New Finds, New Prospects* / Ed. by N. Papazarkadas. Leiden: Brill, 2014. P. 335.

²⁷⁴ Konecny A., Aravantinos V., Marchese R. Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis. Wien: Österreichisches Archäologisches Institut, 2013. S. 28-32.

переводе С.Я. Лурье²⁷⁵: «В каждом из государств были учреждены четыре совета; быть членами их могли не все граждане, а только владеющие определенным минимумом имущества. Из этих четырех советов заседал только один поочередно и выносил предварительное решение обо всех государственных делах. Это предварительное решение вносилось на обсуждение остальных трех советов. То, что утверждалось всеми советами, получало силу закона. Таков был порядок решения частных дел отдельных государств; общебеотийские же союзные учреждения были организованы следующим образом. Вся страна делилась на одиннадцать (избирательных единиц), и из них каждая избирала одного беотарха [по следующему расписанию]: Фиванцы избирали двух за самый город и двух за Платеи, Скол, Эрифры, Скафы и другие селения, прежде составлявшие Платейский союз, а теперь причисленные к Фиванскому государству, с лишением их автономии, но сохранением прав гражданства»²⁷⁶ (Hell. Оху. X. XI. 1). В управлении всем союзом представители Платей не участвовали, поскольку беотархов избирали фиванцы (от лица платейских союзников и самого полиса), что истинно как минимум для периодов захвата платейского городского центра и перемещения гражданской общины платейцев за пределы Беотии. Однако в один из упомянутых четырёх советов наиболее обеспеченные представители населения платейской общины вполне могли входить. При этом возникает вопрос: непосредственно платейские зажиточные граждане могли воспользоваться этим правом политического представительства или же речь в источнике идёт о переселенцах из Фив, получивших определённые земельные наделы на платейской земле, ведь подобная практика уже применялась в 427 г. до н.э.? Так или иначе, на основании сведений «Истории» из Оксирина можно предположить о встраивании политической системы Платей в олигархическую структуру Беотийского союза, как

²⁷⁵ Ксенофонт. Анабасис. Греческая История / Пер. С.Я. Лурье, М.И. Максимовой, С.И. Соболевского. М.: АСТ; Астрель, 2011. С. 493.

²⁷⁶ Оригинальный текст см. в Приложении А, фрагмент 1.

минимум, после 427 г. до н.э. О более раннем участии Платей в союзных делах говорить не приходится. При этом одним из проявлений некоторого единения беотийских общин и Платей может считаться общебеотийское празднование Великие Дедалы. Оно было посвящено Гере, в нём принимали участие и платейские граждане²⁷⁷, более подробно оно будет рассмотрено ниже.

Необходимо, суммируя, отметить, что сведения нарративных источников не дают сколько-нибудь полного представления о политической системе Платейского полиса. Отрывочная информация исторических трудов античных авторов позволяет лишь предполагать наличие тех или иных органов власти. Определённо можно говорить о народном собрании и об отдельных магистратурах, при этом, скорее, имела место общебеотийская тенденция олигархического типа правления, а не демократии по типу афинской. Влияние же более сильных соседей прослеживается только в IV в. до н.э. – со стороны Фив, тогда как афинское влияние более раннего периода проследить трудно вследствие разрушений города и утраты существовавших эпиграфических памятников и памятников материальной культуры полиса.

Перейдём к рассмотрению социального и экономического развития Платейской общины. Беотия, принадлежит к наиболее плодородным областям Балканской Греции, что отмечалось ещё Фукидидом: « μάλιστα δὲ τῆς γῆς ἀρίστη αἰεὶ τὰς μεταβολὰς τῶν οἰκητόρων εἶχεν, ἥ τε νῦν Θεσσαλία καλουμένη καὶ Βοιωτία Πελοποννήσου τε τὰ πολλὰ πλὴν Ἀρκαδίας, τῆς τε ἄλλης ὅσα ἦν κράτιστα»²⁷⁸ (Thuc. I. 2. 3), Страбоном: «<...> δευτέρα δ' ἐστὶν ἡ Βοιωτία ἀπὸ τῆς ἑω ἐπὶ δύσιν τεταμένη ταινία τις ἀπὸ τῆς κατ' Εὐβοίαν θαλάττης ἐπὶ θάλατταν τὴν κατὰ τὸν Κρῖσαϊον κόλπον, ἰσομήκης πῶς τῇ Ἀττικῇ ἢ καὶ

²⁷⁷ Кореньяк В.С. Дедалы: панбеотийское празднество // Древние цивилизации: социум и человек. Доклады конференции Российской ассоциации антиковедов с международным участием. ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 4-6 октября 2018 г. / отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль: Филигрань, 2018. С. 193.

²⁷⁸ «Чаще всего такие передвижения населения происходили в наиболее плодородных частях страны, именно в так называемой ныне Фессалии и Беотии, а также в большей части Пелопоннеса (кроме Аркадии) и в остальных плодородных областях.» Пер. Г.А. Стратановского.

ἐλάττων κατὰ μῆκος: ἀρετῇ μὲντοι τῆς χώρας πάμπαν διαφέρει.»²⁷⁹ (Strab. IX. 2. 1). Земледелие, в частности, хлебопашество, составляло главную основу экономической жизни Беотии на всем протяжении классического периода древнегреческой истории. В то же самое время имеет место тенденция некоторой отсталости региона в товарном производстве, ремесле, торговле. Эти формы экономической деятельности были развиты в Беотии слабее, чем в передовых полисах Греции. При этом, согласно И.Я. Кулишеру, «И дорийские, и ионийские племена сходятся в признании варварами тех трех народностей Греции, которые только и занимались земледелием — жителей Элиды, Фессалии и Беотии»²⁸⁰. С этим утверждением не могут согласиться большинство антиковедов, в частности, с ним не соглашался М. Финли²⁸¹. Подход, обозначенный И.Я. Кулишером согласуется с современными ему аграрной и индустриальной моделями экономики (с преимуществами последней). М. Финли же указывал на ошибочность подобного перенесения современных экономических реалий на Античность, подчеркивая особенность землепользования в древности. О достаточно строгом различии экономики современной с тем, что можно назвать «древней экономикой», писал и М. Остин²⁸², выделяя при этом проблему отсутствия надёжных статистических источников по античной истории в целом, что не позволяет использовать ни один из статистических подходов к изучению проблемы экономики. Особую роль аграрного производства отмечает И.Е. Суриков²⁸³. По его мнению, независимо от степени развития ремесленного производства и торгового обмена основой экономики любого полиса оставалось сельское

²⁷⁹ «Вторая — это Беотия, простирающаяся наподобие ленты с востока на запад, от Евбейского моря к морю у Крисейского залива; по длине она приблизительно равна Аттике или немного меньше; однако в отношении плодородия почвы сильно ее превосходит.» Пер. Г.А. Стратановского.

²⁸⁰ Кулишер И.М. Очерк экономической истории Греции. Л.: Изд. «Сеятель», 1925. С. 68.

²⁸¹ Finley M. The Ancient Economy. Berkeley: University of California Press, 1999. P.22-26

²⁸² Austin M. and P. Vidal-Naquet. Economic and Social History of Ancient Greece: An Introduction. Berkeley: University of California Press, 1977. P. 15-28.

²⁸³ Суриков И.Е., Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций / Отв. ред. В.В. Дементьева, И.Е. Суриков. М.: Рукский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 15-16.

хозяйство. Основная же часть населения полиса состояла из обрабатывающих землю рядовых граждан, а не ремесленников или торговцев. Исходя из этого, можно говорить об отсталости Беотии в плане торговли и ремесла только из-за ее географического положения: с запада и востока область ограничена морскими просторами, с севера и юга расположены горные хребты. Торговые пути в Элладе пролегали по морю вследствие быстроты и дешевизны такого вида перевозок. Сухопутные маршруты представлялись целесообразными лишь на небольших расстояниях (внутри конкретной области или на границе областей). В Беотии мы не встречаем значимых портов, можем отметить только Авлиду, Делий и Сифы, но нет информации о их торговом значении. Для осуществления торговли по суше необходима сеть дорог, которую мы можем проследить между Аттикой и Беотией. Три магистрали соединяли две области: дорога из Элевсина в Платеи, из Афин в Фивы и из Афин к пограничному с Беотией Оропу. Стоит отметить, что Платеи определяются здесь как перевалочный пункт между западной Аттикой и южной Беотией «Ἀθηναίοις δὲ ἡ Βοιωτία καὶ κατὰ ἄλλα τῆς Ἀττικῆς ἐστὶν ὄμιρος, πρὸς δὲ Ἐλευθερῶν οἱ Πλαταιεῖς.<...>»²⁸⁴ (Paus. IX. I. 1). Вполне очевидной предстаёт поставка беотийским населением продуктов сельского хозяйства для продажи в других полисах. Это положение выглядит спорным в свете обозначенного выше тезиса о сельском хозяйстве как основе экономики любого полиса. Исходя из этого, целью продовольственных поставок должен был быть город с недостатком собственной продукции аграрного сектора. Ближайшим таким полисом к Беотии являлись Афины. Действительно, подтверждение торговых контактов Афин с беотийскими полисами мы находим у Аристофана в комедии «Мир»:

«Беотийцев увидеть позволь нам опять

С куропатками, с кряквами, с гусем, с овцой,

²⁸⁴ «Среди тех мест, где Беотия граничит с землей афинян, находятся Платеи, с которыми афиняне соприкасаются в Элевтерах.» Пер. С.П. Кондратьева.

Пусть в корзинках притащат копейских угрей»²⁸⁵

(Aristophan. Pax. 1003-1005), а также в «Ахарнях» (Aristophan. Acharn. 873-876; 901-902). Кроме того, мы отмечаем и категории товаров, привозимых из Беотии: это продукты сельского хозяйства, животноводства, рыболовства и гончарного дела. Археологические данные²⁸⁶ подтверждают наличие центров производства керамики, в частности – Платеи. Особенностью беотийской керамики являлась имитация более качественной продукции соседних полисов – Коринфа и Афин. На основе этих сведений можно сделать вывод о наличии гончарного производства в беотийских городах. Сельскохозяйственная продукция, как нам кажется, не требует комментариев, но важно отметить отсутствие серьезной заинтересованности в беотийских товарах на общегреческом рынке (но на аттическом — вполне вероятно).

Необходимо подчеркнуть, что в интересующий нас временной отрезок беотийские полисы были объединены в союз, который возглавляли Фивы. Структура этой федерации полисов известна, как было отмечено, из найденного в начале XX в. и опубликованного в V томе «Оксиринхских папирусов» сочинения неизвестного историка. При этом автор пишет о союзе, который существовал в регионе в IV в. до н.э. Однако имеются основания предполагать, что упоминаемые в сочинении органы союзного управления сформировались значительно раньше и функционировали еще в VI в. до н.э. Таким образом, можно говорить о наличии единого беотийского экономического пространства, с наличием в этом пространстве единой монетной системы (в рамках союза монеты чеканились по единому образцу). Некоторые города Беотии сохранили свое право чеканить собственные монеты до Греко-персидских войн, но и в этом случае они были обязаны помещать на своих монетах герб Беотии – «беотийский щит».

²⁸⁵ Пер. А.И. Пиотровского.

²⁸⁶ Konecny A., Aravantinos V., Marchesi R. Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis. Wien: Österreichisches Archäologisches Institut, 2013. S. 329-345.

Особенно интересно экономическое положение (в контексте дискуссионного политического) беотийского полиса Платеи. Как известно, оставаясь частью культурного и религиозного пространства Беотии, полис политически тяготел к Афинам. Тем не менее, с точки зрения территориальной принадлежности, Платеи находились на беотийской земле, соответственно, мы и должны рассматривать этот полис как часть экономической жизни данной области.

На основе археологического материала Платей исследователями сделан вывод о наличии гончарной мастерской в городе²⁸⁷, которая производила как оригинальные изделия, так и применяла имитацию, но исключительно коринфской керамики. Следы аттической керамики, как и имитации её, практически отсутствуют, в то время как прослеживается большое количество сосудов, произведённых непосредственно в Коринфе. Также присутствует материал из критских полисов и Киренаики, но он относится, скорее всего, к VI в. до н.э., в связи с чем хронологически выходит за рамки данного исследования. К сожалению, нумизматический материал не представлен широко, к тому же сохранность монет оставляет желать лучшего²⁸⁸. Однако есть несколько интересных нумизматических экземпляров, датированных началом IV в. (387-372 гг. до н.э.). один из них приведён в Приложении Б, рис.5. Можно с уверенностью определить Платеи как место чеканки, но политические обстоятельства этого процесса неясны. Вероятнее всего, монета была выпущена непосредственно в Платеях, после роспуска Союза, согласно условиям Анталкидова мира (387 г. до н.э.). Именно тогда бывшие союзные города получили независимость и, видимо, право самостоятельно чеканить монету. Также посредством геофизического исследования были обнаружены остатки частных жилищ очень впечатляющих размеров, предположительно эллинистического периода.

²⁸⁷ Konecny A., Aravantinos V., Marchesi R. Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis. Wien: Österreichisches Archäologisches Institut, 2013. S. 241-286.

²⁸⁸ Fossey J.M. Topography and population of ancient Boiotia. Vol. 1. Chicago: Ares Publishers, 1988. P. 110.

Исследователи Австрийского института археологии определяют их как места проживания некоторого количества богатых платейских семей²⁸⁹. Однако нельзя сделать вывод о занятиях этих семей, хотя наиболее логичным в беотийских условиях выглядит землевладение и сдача участков в аренду менее имущим согражданам.

Кроме анализа археологического материала, следует дать краткий исторический обзор событий, в которых принимал участие Платейский полис, и постараться отметить влияние этих событий на экономику.

В период, предшествовавший Греко-персидским войнам, Платеи являлись ничем не примечательным поселением: «Πλαταιεῦσι δὲ πρὸ μὲν τῆς μάχης, ἣν Ἀθηναῖοι Μαραθῶνι ἐμαχέσαντο, οὐδὲν ὑπῆρχεν ἐς δόξαν: <...>»²⁹⁰ (Paus. IX. I. 3). Укрепления в городе отсутствовали, он выполнял ряд религиозных функций и, скорее всего, являлся посредником в торговле между Беотией и Аттикой (вследствие своего положения). Поскольку город располагался на склонах горы Киферон, то имеет смысл усматривать пастбищное животноводство как основную сельскохозяйственную специализацию города²⁹¹. С долей осторожности предположим, что из/через Платеи шли поставки тяглового скота в Аттику, поскольку источники всё же не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть подобное предположение. В 480 г. до н.э. город был уничтожен армией персов, что не могло положительно сказаться на его экономическом развитии, учитывая эвакуацию населения сначала в Афины, затем – в Пелопоннес. Восстановление города начинается после победы при нём же (479 г. до н.э.). Тогда Платеи получают первые стены и становятся фактическим антагонистом Фив в регионе. Естественно, это должно было повлиять и на экономическую жизнь города, однако

²⁸⁹ Konecny A., Aravantinos V., Marchesi R. Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis. Wien: Österreichisches Archäologisches Institut, 2013. S. 347.

²⁹⁰ «До той битвы, которую афиняне выдержали на Марафонском поле, платейцы не были ничем известны.» Пер. С.П. Кондратьева.

²⁹¹ Особую роль скотоводства и коневодства в регионе отмечал А.Ю. Можайский: Можайский А.Ю. Внешнеполитический курс Фиванского полиса в Классический период: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М.: 2007. С. 38.

информации о Платеях периода Пентеконтаэтии катастрофически мало. Уже упомянутая группа авторов из Австрийского археологического института²⁹² пишет, что единственные сведения о территории города в это время – расширение влияния Платей на всю Парасопию. Можем предположить, что политический разрыв с Фивами не являлся разрывом экономическим, и город процветал благодаря сохранению старых экономических связей и использованию благосклонности Афин. Тем не менее, такое положение дел не могло поменять производственную ориентацию полиса. Вместе с тем, очень странным видится отсутствие археологических свидетельств (в первую очередь керамики), подтверждающих связь с Афинами. Возможно, политические изменения в гораздо меньшей степени повлияли на Платеи, чем можно было бы предположить, и основными торговыми партнёрами остались соседние полисы Беотии. Когда начинают разворачиваться события Пелопоннесской войны, город снова эвакуируется, оставляя исключительно военный гарнизон и незначительное количество населения, поскольку Платеи отличались стратегически важным положением на границе Беотии и Аттики²⁹³. Город был осаждён, после продолжительной осады взят (427 г. до н.э.) и отдан беженцам из Мегар и платейцам – сторонникам Фив. На следующий год после этих событий город был вновь эвакуирован и сожжён по приказу спартанцев. Из оставшихся руин фиванцами был построен Катагогеон – своеобразный постоялый двор для паломников к святилищу Геры. Земли Платей использовались фиванскими гражданами, платейцы же находились в изгнании в Афинах, где получили афинское гражданство, а часть их в 421 г. до н.э. была отправлена в Скиону в качестве клеруков. Однако, даже находясь в другом полисе, граждане не освобождаются от повседневных нужд, а, значит, испытывают необходимость в получении средств к существованию. Непосредственные сведения о механизмах

²⁹² Konecny A., Aravantinos V., Marchesi R. Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis. Wien: Österreichisches Archäologisches Institut, 2013. S. 28-29.

²⁹³ Можайский А.Ю. Внешнеполитический курс Фиванского полиса в Классический период: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М.: 2007. С. 39.

заработка платейцев в изгнании отсутствуют в источниках, однако косвенные подтверждения всё же обнаруживаются. Аграрная специализация, возможно, так и осталась доминирующей, о чем кратко упоминает Лисий (Lys. 23.6)²⁹⁴. Местом встречи платейцев в Аттике был т. н. «торг молодым сыром», то есть сырный или молочный рынок. Логично предположить, что место выбрано не случайно и не только по причине (допустим) пристрастия к данному продукту. Занятием упомянутого выше Панклеона была работа с текстилем²⁹⁵ (Lys. 23.2), соответственно и в ремесленном производстве могли быть заняты платейские переселенцы. Другое свидетельство о занятости платейцев — их служба на кораблях афинского флота. В источниках упоминается, что во время Греко-персидских войн (а именно в 480 г. до н.э.) граждане Платей принимали участие в сражении при Артемисии (Hdt. VIII. 1. 1), (Thuc. III. 54. 4), (Paus. IX. I. 3). Не будем сейчас подробно рассматривать этот сюжет, лишь отметим, что в теории служба на кораблях афинского флота могла представляться одной из возможностей для заработка платейским изгнанникам. Более подробно этот сюжет мы рассмотрим в следующей главе. Ничего более конкретного, чем уже обозначенные моменты, об экономической деятельности платейцев источниками не сообщается. При отсутствии единения политической общины и городской территории сложно говорить об экономике полиса в этот период. Единственной информацией для нас служит использование приобретённых земель фиванцами²⁹⁶ (Thuc. III. 68. 3), то есть создаётся преимущество аграрного использования указанной территории. Вернуть себе город граждане Платей смогли лишь в 386 г. до н.э. при помощи спартанцев. Полис стал ограниченно независимым, поскольку в

²⁹⁴ «<...> ἀκριβέστατα ἂν ἔφασάν με πωθέσθαι ἐλθόντα εἰς τὸν χλωρὸν τυρὸν τῇ ἔνῃ καὶ νέᾳ: ταύτῃ γὰρ τῇ ἡμέρᾳ τοῦ μηνὸς ἐκάστου ἐκεῖσε συλλέγεσθαι τοὺς Πλαταιέας»; «если приду в последний день месяца туда, где торгуют молодым сыром, потому что в этот день ежемесячно там собираются все платейцы.» Перевод С.И. Соболевского.

²⁹⁵ Лисий сообщает, что Панклеон работал в «τὸ γυαφεῖον», суконной или валяльной мастерской.

²⁹⁶ «<...> τὴν δὲ γῆν δημοσιώσαντες ἀπεμίσθωσαν ἐπὶ δέκα ἔτη, καὶ ἐνέμοντο Θηαῖοι»; «Платейскую область они сделали общественной собственностью и на 10 лет отдали в аренду. Право пользования землей получили фиванцы.» Пер. Г.А. Стратановского.

то же самое время находился в вынужденном союзе со Спартой. Когда Фивы восстановили Беотийский союз (в 375/374 г. до н.э.) они потребовали от Платей войти в него, на что получили отказ. В 372 г. до н.э. внезапной атакой фиванцы вновь захватывают город и платейцы бегут в Афины. Город в очередной раз был уничтожен (при сохранности святынь) и возродился лишь в последней трети IV в. до н.э. Остаётся не совсем ясным источник дохода жителей Платей во время пребывания в Афинах, как в указанном, так и предыдущих случаях. Наиболее вероятным кажется участие в ремесленной деятельности, что подтверждается Плутархом. Он сообщает, что во времена Солона права граждан давались тем, кто был навсегда изгнан из своего отечества и тем, кто поселился со своей семьёй для занятия ремеслом²⁹⁷ (Plut. Sol. XXIV). Естественно, платейцы могли получить гражданство по причине собственного изгнания, но это не противоречит и возможности получить его за ремесленничество (занятию которым должна была способствовать нужда). В дальнейшем город был восстановлен лишь в эпоху Македонских завоеваний. В 338 г. до н.э. Филипп II постановил заново основать город Платей, а непосредственно восстановлен он был и укреплён ещё большими, в сравнении с прошлыми, стенами уже Александром в 335-334 гг. до н.э. при сопутствующих событиях разрушения Фив. В связи с этим Платей могут считаться новым политическим и экономическим центром Беотии, с чем соглашаются археологи²⁹⁸, добавляя, что завершить проект восстановления города и возведения стен, скорее всего, помогла богатая добыча, полученная при Гавгамелах. Именно в этот период город расцвёл как центр экономического притяжения в регионе, но вряд ли можно его сравнивать с торговыми гегемонами – Коринфом и Афинами. Скорее всего, аграрный сектор экономики продолжал играть важную роль, но в то же самое время

²⁹⁷ «ὅτι γενέσθαι πολίταις οὐ δίδωσι πλὴν τοῖς φεύγουσιν ἀειφυγίᾳ τὴν ἑαυτῶν ἢ πανεστίοις Ἀθήναζε μετοικιζομένοις ἐπὶ τέχνῃ.»; « <...> он предоставляет права гражданства только тем, кто изгнан навсегда из родного города или переселился в Афины со всем домом для занятия ремеслом.» Пер. С. И. Соболевского.

²⁹⁸ Konecny A., Aravantinos V., Marchesi R. Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis. Wien: Österreichisches Archäologisches Institut, 2013. S. 32-26.

происходит привлечение ремесленных специалистов в город (и усиление позиций уже имеющихся, из числа работавших в Афинах) в связи с новым, «столичным» статусом. К этому же периоду относится и одна из наиболее вероятных датировок упомянутых ранее «поместий» платейский семей.

В целом, на характер экономики Беотийского региона оказал влияние природно-географический фактор: наличие холмистых равнин, окружённых горными хребтами и морским побережьем. Сельское хозяйство, будучи основой производства, не смогло дать серьёзный импульс для внешней торговли, в то же самое время составляя прочный базис экономического взаимодействия в пределах региона. Беотия, по нашему мнению, являлась самодостаточным (в экономическом плане) регионом, который не мог завоевать какой-либо из общегреческих рынков (положение, аналогичное положению Аркадии). Платей, как часть Беотии, были, в первую очередь, ориентированы на региональный рынок и на обеспечение самого полиса. При этом город в определённой мере являлся потребителем товаров других полисов – это видно на примере археологии. Место города в структуре экономики области не было передовым, скорее рядовым – как одного из производителей, и, возможно, посредническим. Кроме этого, многократные опустошения города привели к ещё большему отставанию экономического развития Платей от других полисов. Своеобразное преодоление этого отставания произошло только в последней трети IV в. до н.э. во многом благодаря внешним финансовым вливаниям, а не собственным производительным силам полиса.

1.3. Статус платейских граждан в Афинском государстве

Кроме особенностей участия Платейского полиса и его граждан в политических и военных событиях общегреческого масштаба и экономической жизни своей общины, необходимо отметить один максимально нетривиальный момент из политической истории полиса Платей. Таковым

является переселение гражданской общины города на территорию Афинского полиса и предоставление переселенцам гражданских прав. Это стало возможным после заключения союза с Афинами в конце VI в. до н.э. (Hdt. VI. 108. 2-6). Само же переселение имело место после разрушения города войсками персов в 480 г. до н.э. (Hdt. VIII. 50. 2). О наделении платейцев (практически) равными правами с афинянами упоминает Аристофан в «Лягушках» (Aristophan. Ran. 688-694), подробно сообщает Демосфен в речи против Нееры (Dem. LIX. 103–5), где также подтверждает возобновление прав в период Пелопоннесской войны, о чем говорит и Исократ в Панафинейской речи (Isoc. XII. 94). Таким образом, кроме констатации наличия особенных отношений между двумя политическими общинами, необходимо подчеркнуть, что статус граждан Платей непосредственно в Афинах был максимально приближённым к положению самих афинян. Платейцы (согласно Демосфену, цитирующему «Ψήφισμα περὶ Πλαταιέων») имели полные гражданские права, разделяя все привилегии, как гражданские, так и религиозные, вместе с афинянами, кроме права на жреческие и религиозные должности (принадлежавшие определённым семьям Афин). Платейские беженцы также не могли быть допущены к должности любого из девяти архонтов, в то время как их потомки (вероятно, подразумевались родившиеся на афинской земле) могли претендовать на должность, при условии, что их матери родились в Аттике и находились в законном браке. Жители Платей были распределены по аттическим демам и трибам, а после распределения становилось незаконным признание платейца афинянином, кроме как в случае наделения его таким статусом народом Афин (судя по всему, подразумевались те беотийцы, которые не присутствовали на территории Аттики после эвакуации и, соответственно, при принятии псефизмы). Предварительно каждый, претендующий на это гражданство, был обязан пройти дознание в суде, чтобы доказать изначальную принадлежность к Платеям и дружественность к Афинскому полису. Это было необходимо для того, чтобы другие люди не могли назваться платейцем и претендовать на

афинское гражданство (ср. со случаем, изложенным у Лисия в речи «Против Панклеона»). Более того, имена прошедших отмеченную проверку были нанесены на мраморную колонну, которую установили на Акрополе рядом с храмом богини (Парфеноном) и, таким образом, оказанная им милость обещана была быть сохранена для их же потомков, и каждый из них смог бы доказать своё родство с получателем гражданской привилегии. Отметим, что это весьма широкий список привилегий, возвышавший их обладателя над метеками. Тем не менее, даже такое положение платейцев не помогало им найти средства к существованию во время вынужденного переселения. Допускаем, что именно это могло способствовать принятию участия некоторой части беженцев в колонизации Скионы в 421 г. до н.э. (Thuc. V. 32. 1). Возможно, что люди таким способом пытались начать свою жизнь «с начала» как клерухи, надеясь так вырваться из бедности. Однако, ориентировочно в 405 г. до н.э., после успехов Лисандра в качестве командующего флотом Пелопоннесского союза, поселившимся в Скионе пришлось возвратиться в Афины, а, следовательно, нельзя назвать эту вторую попытку переселения успешной. Хотя ранее мы отметили, какой характер могла иметь экономическая деятельность переселенцев (аграрный сектор, ремесленное производство и служба на флоте) сомнительным представляется сохранение уровня жизни граждан Платей после изгнания из Беотии (и, тем более, после возвращения из Скионы в конце Пелопоннесской войны). Подтверждение тому находим в другой речи Исократ, Платейской:

«τίνας γὰρ ἂν ἡμῶν εὖροι τις δυστυχεστέρους, οἵτινες καὶ πόλεως καὶ χώρας καὶ χρημάτων ἐν μιᾷ στερηθέντες ἡμέρα, πάντων τῶν ἀναγκαίων ὁμοίως ἐνδεεῖς ὄντες ἀλῆται καὶ πτωχοὶ καθέσταμεν, ἀποροῦντες ὅποι τραπώμεθα, καὶ πάσας τὰς οἰκίσεις δυσχεραίνοντες: ἦν τε γὰρ δυστυχοῦντας καταλάβωμεν, ἀλγοῦμεν ἀναγκαζόμενοι πρὸς τοῖς οἰκείοις κακοῖς καὶ τῶν ἀλλοτρίων κοινωνεῖν: ἦν θ' ὥς εὖ πράττοντας ἔλθωμεν, ἔτι χαλεπώτερον ἔχομεν, οὐ ταῖς ἐκείνων φθονοῦντες εὐπορίαις, ἀλλὰ μᾶλλον ἐν τοῖς τῶν πέλας ἀγαθοῖς τὰς ἡμετέρας αὐτῶν συμφορὰς καθορῶντες, ἐφ' αἷς ἡμεῖς οὐδεμίαν ἡμέραν ἀδακρυτὶ διάγομεν ἀλλὰ πενθοῦντες

τὴν πατρίδα καὶ θρηνοῦντες τὴν μεταβολὴν τὴν γεγεννημένην ἅπαντα τὸν χρόνον διατελοῦμεν. Τίνα γὰρ ἡμᾶς οἴεσθε γνώμην ἔχειν ὀρῶντας καὶ τοὺς γονέας αὐτῶν ἀναξίως γηροτροφούμενους καὶ τοὺς παῖδας οὐκ ἐπὶ ταῖς ἐλπίσιν αἷς ἐποησάμεθα παιδευομένους, ἀλλὰ πολλοὺς μὲν μικρῶν ἔνεκα συμβολαίων δουλεύοντας, ἄλλους δ' ἐπὶ θητείαν ἰόντας, τοὺς δ' ὅπως ἕκαστοι δύνανται τὰ καθ' ἡμέραν ποριζομένους, ἀπρεπῶς καὶ τοῖς τῶν προγόνων ἔργοις καὶ ταῖς αὐτῶν ἡλικίαις καὶ τοῖς φρονήμασι τοῖς ἡμετέροις; ὁ δὲ πάντων ἄλγιστον, ὅταν τις ἴδῃ χωριζομένους ἀπ' ἀλλήλων μὴ μόνον πολίτας ἀπὸ πολιτῶν ἀλλὰ καὶ γυναῖκας ἀπ' ἀνδρῶν καὶ θυγατέρας ἀπὸ μητέρων καὶ πᾶσαν τὴν συγγένειαν διαλυομένην, ὃ πολλοῖς τῶν ἡμετέρων πολιτῶν διὰ τὴν ἀπορίαν συμβέβηκεν: ὁ γὰρ κοινὸς βίος ἀπολωλὼς ἰδίας τὰς ἐλπίδας ἕκαστον ἡμῶν ἔχειν πεποίηκεν. Οἶμαι δ' ὑμᾶς οὐδὲ τὰς ἄλλας αἰσχύνας ἀγνοεῖν τὰς διὰ πενίαν καὶ φυγὴν γιγνομένας, ἃς ἡμεῖς τῇ μὲν διανοίᾳ χαλεπώτερον τῶν ἄλλων φέρομεν, τῷ δὲ λόγῳ παραλείπομεν, αἰσχυνόμενοι λίαν ἀκριβῶς τὰς ἡμετέρας αὐτῶν ἀτυχίας ἐξετάζειν»²⁹⁹ (Isoc. 14. 46-50).

Естественно, невозможно игнорировать сведения о столь бедственном положении плательцев, находившихся в изгнании, однако есть и другие свидетельства, которые в некотором роде сглаживают столь мрачную картину

²⁹⁹ «И кто может оказаться теперь несчастнее нас: ведь мы, в один день лишившись и города, и земли, и всего достояния, терпя полную нужду во всем необходимом, стали бродягами и нищими, не знающими, куда нам обратиться, и всякое место жительства нам несносно? Если мы встречаем других несчастных и сближаемся с ними, то мы вынуждены страдать не только от своих бед, но и от чужих; а если мы приходим к счастливым, нам становится еще тяжелее, и не потому, что мы завидуем их благосостоянию, а потому, что благоденствие соседей заставляет нас яснее видеть наши бедствия, из-за которых не проходит дня без слез, ибо все время мы скорбим об отечестве и оплакиваем превратности судьбы. Подумайте, какие чувства владеют нами, когда мы видим, что наши родители довольствуются пищей, не соответствующей их старости, а дети воспитываются без надежд на будущее, на которое мы полагались; многие из-за мелких долгов доходят до рабства, а другие ходят на поденщину, иные по мере возможности добывают себе ежедневное пропитание способом, недостойным деяний предков, их возраста и нашей гордости? А всего печальнее, когда приходится видеть, что разлучаются не только граждане друг с другом, но и жены с мужьями, и дочери с матерями и все родственные связи разрушаются; вот что случилось со многими из наших граждан из-за бедности, так как гибель общих средств для жизни привела к тому, что каждый из нас стал строить только свои личные планы. Полагаю, что вам небезызвестны и прочие постыдные явления, вызванные бедностью и изгнанием. Мы их переживаем тяжелее прочего, но в речи умолчали о них, стыдясь слишком подробно перечислять наши беды.» Пер. Н.Н. Залесского.

(особенно в том случае, если в тексте речи намеренно «сгущаются краски» в качестве риторического приёма). Здесь мы имеем в виду так называемую «Платейскую клятву», текст которой отражает, собственно, клятву, которую принесли представители греческих полисов перед битвой при Платеях в 479 г. до н.э. Текст надписи (см. Приложение А, фрагмент 14) нанесён на мраморную стелу и состоит из двух частей: верхнюю часть занимает клятва афинских юношей; за ней следует непосредственно Платейская клятва. Эту клятву (см. изображение стелы: Приложение Б, рис. 6.), согласно античным авторам (Lic. In Leocr. 81; Diod. Sic. IX. 10. 5), приносили воины общегреческого войска непосредственно перед началом боевых действий в южной Беотии, на территории полиса Платеи. Греческое войско под командованием Павсания и Аристиды противостояло войску персидского сатрапа Мардония, что стало завершающим событием персидского вторжения на территорию материковой Эллады. Стела была найдена в 1932 г. при раскопках агоры в аттическом деме Ахарны, являлась посвящением святилищу Ареса и Афины Аррей³⁰⁰. Создание инскрипции датируется IV в. до н.э.³⁰¹ (335-325 до н.э.)³⁰², что отстоит от событий, произошедших в Парасопии практически на полтора столетия. Тем не менее, в историографии имеются точки зрения, объясняющие подобный хронологический промежуток между фактом произнесения клятвы и созданием эпиграфического памятника по его мотивам³⁰³. В частности, очень хорошее сравнение текста клятвы с сохранившимися упоминаниями в нарративных

³⁰⁰ Kellogg D. L. The Place of publication of the Ephebic oath and the «Oath of Plataia»? // *Hesperia*. 2013. Vol. 82. P. 267-269.

³⁰¹ Суриков И.Е. Платейская клятва: О необходимости точного перевода античных эпиграфических (и иных) текстов // *Античная Греция: Межгосударственные и междоцивилизационные отношения (Opuscula selecta IV)*. М.: «Альма Матер», 2025. С. 179.

³⁰² Attic Inscriptions online (AIO). Dedication from Acharnai with military oaths (RO 88). URL: <http://www.atticinscriptions.com/inscription/RO/88/> (Accessed: 26.02.2026).

³⁰³ Рунг Э.В. «Платейская клятва» в нарративной традиции и эпиграфике: Проблема интерпретации текста // *Вопросы эпиграфики*. 2009. Вып.3. С.89-91.; Суриков И.Е. Платейская клятва: О необходимости точного перевода античных эпиграфических (и иных) текстов // *Античная Греция: Межгосударственные и междоцивилизационные отношения (Opuscula selecta IV)*. М.: «Альма Матер», 2025. С.179-182.

источниках (у Ликурга и Диодора Сицилийского) приводил Э.В. Рунг³⁰⁴, сделав переводы на русский язык. Свой комментарий даёт и И.Е. Суриков, в целом соглашаясь с трактовкой коллеги, при этом отмечая необходимость определенных корректировок перевода³⁰⁵. Появление надписи, скорее всего, связано с необходимостью адаптации текста к реалиям афинской политики IV в. до н.э. и сохранением наследия Греко-персидских войн, что предполагает определённые изменения в первоначальном тексте клятвы (который всё же неизвестен)³⁰⁶. Однако существует ещё одна трактовка содержания данного эпиграфического памятника. Питер Крентц указывает, что интересующий нас текст со стелы из Ахарн является клятвой греческих воинов, но произнесённой гораздо раньше³⁰⁷. По мнению специалиста, на стеле отражен текст иной клятвы, которую приносили воины, но перед сражением при Марафоне (в 490 г. до н.э.) Чем же он аргументирует свою позицию?

Прежде всего, отмечает Крентц, в 479 г. до н.э. наивно было со стороны афинян, которые находились и среди прочих поклявшихся при Платеях, предполагать невозможность разрушения Афин, поскольку город уже был сожжен дважды (Ксерксом и Мардоном). Соответственно, надежда на то, что городские центры клятводержателей останутся в сохранности, по мнению исследователя, имеет смысл только до времени первого сожжения Афин в 480 г. до н.э. Далее он обращает внимание на то, что только три полиса (Афины, Спарта и Платеи), отмечены в тексте памятника. Этому противопоставляются сведения об инскрипции с Платейского трипода в Дельфах (т. н. Змеиной колонны, Приложение Б, рис.7-8; фотография 1), который союзники по антиперсидской коалиции посвятили Аполлону после

³⁰⁴ Рунг Э.В. «Платейская клятва» в нарративной традиции и эпиграфике: Проблема интерпретации текста // Вопросы эпиграфики. 2009. Вып. 3. С.85-88.

³⁰⁵ Суриков И.Е. Платейская клятва: О необходимости точного перевода античных эпиграфических (и иных) текстов // Античная Греция: Межгосударственные и междоцивилизационные отношения (Opuscula selecta IV). М.: «Альма Матер», 2025. С. 182-191.

³⁰⁶ Krentz P. M. The oath of Marathon, not Plataia? // Hesperia. 2007. Vol. 76. P. 731-733.

³⁰⁷ Ibid. P. 736.

сражения: в ней перечислены все участники союза, причем первые три – это спартанцы, афиняне и коринфяне, Платеи находятся на 14 позиции³⁰⁸. Таким же образом, сведения об участниках сражения отмечаются в посвящении Зевсу Олимпийскому. Поэтому, пишет Крентц, наиболее логичным было бы перечисление всех союзных сил и в тексте клятвы, либо в ней вообще не должны упоминаться отдельные общины. Выделение указанных трех городов свидетельствует, скорее, о том, что изначальная «клятва» имела место в случае, когда только воинские контингенты Спарты, Афин и Платей должны были выступить общим фронтом, не будучи уверенными в поддержке иных сил. Таким случаем представляется как раз Марафонское сражение (с оговоркой, что спартанское войско непосредственно к сражению не прибыло). Отчасти такой подход подтверждается порядком перечисления общин: «<...> Ἀθήνας οὐδὲ Σπάρτην οὐδὲ Πλαταιὰς <...>». В аргументации Крентца здесь подчеркивается ключевая роль именно Афинского полиса (что несомненно в контексте событий 490 г. до н.э.), в то время как при Платеях командование номинально осуществлялось спартанцем Павсанием. Однако тут исследователь противоречит собственной логике. Ключевая роль Афин отмечается, в числе прочего, и территорией, на которой происходило сражение — Марафон часть афинской хоры. Но нам известно, что платейцы в 479 г. до н.э. передали территорию своего полиса под власть афинян: «ὅπως δὲ μηδὲν ἐλλίπες ἔχη πρὸς τὴν ἐλπίδα τῆς νίκης ὁ χρησμός, ἔδοξε τοῖς Πλαταιεῦσιν, Ἀριμνήστου γνώμην εἰπόντος, ἀνελεῖν τὰ πρὸς τὴν Ἀττικὴν ὅρια τῆς Πλαταιίδος καὶ τὴν χώραν ἐπιδοῦναι τοῖς Ἀθηναίοις ὑπὲρ τῆς Ἑλλάδος ἐν οἰκείᾳ κατὰ τὸν χρησμὸν ἐναγωνίσασθαι»³⁰⁹ (Plut. Arist. 11. 8), в связи с чем данный аргумент не может рассматриваться среди основных. Ещё одним доводом в пользу

³⁰⁸ Krentz P. M. The oath of Marathon, not Plataia? // *Hesperia*. 2007. Vol. 76. P. 736.

³⁰⁹ «А чтобы всякое слово оракула исполнилось, укрепляя надежды на победу, платейцы, следуя предложению Аримнеста, постановили уничтожить границу между Аттикой и платейскими владениями и передать всю землю афинянам: тогда те смогут сражаться за Грецию в своих собственных пределах.» Пер. С.П. Маркиша. Укажем, что в оригинале речь идёт не о полной передаче, а о вверении: «передавать в распоряжение, вручать» от гл. «ἐπιδίδωμι».

«марафонского» происхождения клятвы является обещание «похоронить павших там, где они погибли», поскольку афинская традиция предполагала захоронение павших граждан в Афинах, исключением из правила как раз и стало Марафонское сражение³¹⁰. Дополнительно особой трактовке подвергается термин «συμμαχεσάμενων», который обычно переводится как «(погибшие) сражавшиеся вместе, оказавшие помощь». Понятно, что речь идёт о союзных контингентах, но Крентц настаивает, что в случае с союзниками имел бы место термин «συμμαχοί», а здесь подразумеваются «товарищи из родного сообщества», т. е. освобожденные афинские рабы наряду с платейцами (которых тоже можно отнести к ближайшим соратникам афинян), погибшие в Марафонском сражении и похороненные совместно с ними: «<...>τάφος δὲ ἐν τῷ πεδίῳ Ἀθηναίων ἐστίν, ἐπὶ δὲ αὐτῷ στήλαι τὰ ὀνόματα τῶν ἀποθανόντων κατὰ φυλὰς ἐκάστων ἔχουσαι, καὶ ἕτερος Πλαταιεῦσι Βοιωτῶν καὶ δούλοις:<...>»³¹¹ (Paus. I. XXXII. 3). Другой термин, присутствие которого смущает Крентца, это «ταξίαρχος». Поскольку также в надписи упоминаются эномотархи (младшие командиры в спартанской армии), то логичным было бы в паре с ними упомянуть лохагов (как командующих схожей армейской единицей), однако в тексте речь о них не ведется «...τὸν ταξίαρχον οὐδὲ τὸν ἐνωμοτάρχην...». Ученый предполагает, что до 490 г. афинские вооруженные силы не делились на лохи, почему и упомянуты именно таксиархи, что в очередной раз отсылает к более ранним событиям, к которым, по мнению специалиста, относится текст клятвы³¹². Также приводятся ещё несколько аргументов: история непростых отношений Фиванского и Афинского полисов, использование нарратива свободы в тексте клятвы и т. д., но, на наш взгляд, они гораздо менее принципиальны, чем уже отмеченные, в т.ч. для отражения позиции исследователя.

³¹⁰ Krentz P. M. The oath of Marathon, not Plataia? // Hesperia. 2007. Vol. 76. P. 737.

³¹¹ «На равнине есть могила афинян, а на ней стелы, на которых написаны имена погибших и название филы каждого из них; есть и другая могила для беотийских платейцев и для рабов:» Пер. С.П. Кондратьева.

³¹² Krentz P. M. The oath of Marathon, not Plataia? // Hesperia. 2007. Vol. 76. P.737.

В целом, мы видим определённые перспективы в подобном, новом подходе к трактовке происхождения текста клятвы из Ахарны, но не можем не отметить, что это лишь интересный взгляд на эпиграфический памятник, не позволяющий полностью «перевернуть картину» трактовки. Тем не менее, хотя ряд положений представляет для нас безусловный интерес, определённый пласт вопросов остался без внимания исследователей. К ним относится связь дема Ахарны с Платеями и Беотией как таковой. Непосредственно в этом деме была найдена стела с клятвой, которая и вызывает исследовательский интерес. Сам объект, как уже было отмечено, представляет собой посвящение святилищу Ареса и Афины Ареи, что обусловлено военным происхождением текста (независимо от трактовки). Однако, в пользу именно «марафонских» истоков надписи говорит то, что Платеи стали ещё одним центром культа Афины Ареи после Марафонской битвы. Из части добычи, которую выделили платейцам афиняне, беотийцы построили храм, посвященный Афине Арее, о чём сообщает Павсаний: «Πλαταιεῦσι δὲ Ἀθηνᾶς ἐπὶ κλησὶν Ἀρείας ἐστὶν ἱερόν: ὠκοδομήθη δὲ ἀπὸ λαφύρων ἃ τῆς μάχης σφίσιν Ἀθηναῖοι τῆς Μαραθῶνι ἀπένευμαν» ³¹³ (Paus. IX. IV. 1). Другой немаловажный момент, это наделение платейцев правами афинских граждан и распределение их в демы и трибы Аттики (Lys. XXIII. 2–3). На основании речи Лисия «Против Панклеона», как и речи Демосфена «Против Нееры» (Dem. LIX. 103–4), невозможно сказать точно, в какие вообще демы и трибы расселили беженцев. Однако, у Лисия находим упоминание дема Декелея и филы Гиппофонтиды. Нельзя утверждать, что все платейские изгнанники проживали именно в этих территориальных единицах, но их часть – несомненно. Соответственно, часть платейцев могла обитать в других демах и филах, в частности — в деме Ахарны, филы Ойнеид. Тем более, что географически они расположены достаточно близко

³¹³ «У платейцев есть святилище Афины, именуемой Ареей. Оно выстроено на ту добычу, которую им выделили афиняне после победы на Марафонском поле». Пер. С.П. Кондратьева

(между ними около 4 километров). По этой причине представляется логичным предположение, что такое расположение памятника вызвано не только причинами идеологического характера, как пишут исследователи, но и народной памятью, возможно даже участников событий или их потомков. Допустимо также считать, что некоторые из платейских переселенцев могли осесть в Аттике, поскольку только «платейским» и «марафонским» опытом взаимодействие двух общин не ограничивалось³¹⁴, а потомки платейцев могли проживать в Афинах на протяжении нескольких поколений (см. выше о Панафинейской и Платейской речах Исократа). Ко всему прочему, хотелось бы высказать ещё одно предположение. Столь затруднительное положение некоторой части (остаётся вопрос — какой?) платейской диаспоры может быть объяснено причинами субъективного характера. Под ними подразумеваем, в первую очередь, отношение к «пришлым» как к обособленной категории населения, даже несмотря на кажущуюся гражданскую «близость» платейцев. Это видно в речи «против Панклеона» Лисия, прослеживается в отдельных моментах у Исократа, особенно в «Платейской» речи. Если такое восприятие существовало, а источники всё же отражают позицию не только авторов, но и тех или иных социальных групп, то в чём могла быть его причина? На наш взгляд, корни подобной $\xi\epsilon\nu\acute{\iota}\alpha$ (со знаком минус) могут находиться в бытовавшем предубеждении по отношению к населению Беотии. Предвзятость это была или предрассудок, сказать сложно, но на протяжении нескольких столетий представление о жителях Беотии (к которым однозначно относим и платейцев) как о некультурных, не слишком образованных и искушённых жителей сельской местности не могло не оказывать влияния на восприятие представителей этого региона. Тем более, что таким образом происходило противопоставление беотийцев жителям других регионов греческого мира.

³¹⁴ Кореньяк В.С. Участие Платей в битве при Артемисии // Всероссийская научная конференция «XXIII Сергеевские чтения». Сборник тезисов / Ред. И.А. Ладынин, А.В. Сафронов. М.: Гаудеамус, 2025. С. 49.

Действительно, следы подобного отношения видим и в начале V в. до н.э., и в I в. до н.э. Пиндар отсылает нас как раз к проявлению подобного отношения (Pind. Ol. 6. 90), причём сам он, творческий человек, не мог относиться к такой характеристике своих соотечественников (а родом он был из Киноскефал в Беотии) кроме как презрительно, может, даже с долей иронии. Тем не менее, «беотийских свиней» он зафиксировал. Много десятилетий спустя, Корнелий Непот напишет о том, что «все беотийцы, скорее, сильны телом, чем умом» (Nep. Alc. 11. 3). В связи с этим мы делаем допущение, что определённый налёт подобного отношения имел место среди афинских граждан по отношению к проживавшей с ними платейской общине³¹⁵. В каких именно проявлениях мы сказать не берёмся, но и силу предубеждения и предрассудков однозначно приходится принимать во внимание. Даже и с правами гражданина Афин платеец, живущий в аттическом полисе, мог и оставаться для «коренного» населения беотийцем, не способным окончательно приобщиться к местной культуре и политическим традициям, что могло возводить преграды для обустройства его быта как изгнанника.

Таким перед нами предстаёт положение платейских граждан в Афинском полисе. Наделение гражданскими правами, действительно, выглядит весьма солидным поощрением за союзную помощь во время Греко-персидских войн и Пелопоннесской войны. Однако, несмотря на проявленную щедрость, положение платейцев не может рассматриваться как обеспеченное. Мирная жизнь в Афинах всё же не могла восстановить потерянное имущество, разрушенное или отнятое Фиванским полисом и переданное иным лицам. Таким образом, гражданские права Афин дались платейцам достаточно дорогой ценой. Тем не менее, часть беженцев вполне могла адаптироваться к новым условиям, найти источник средств к существованию в столь непростых обстоятельствах и даже относительно

³¹⁵ Подобный взгляд в определённой мере согласуется с тенденцией специфического восприятия и граждан Фиванской общины, см.: Можайский А.Ю. Образ фиванцев в сочинениях Ксенофонта // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. №13.2. С. 580-595.

успешно осесть в аттических демах и трибах, в связи с чем даже допустимо говорить о родстве некоторой части Афинского и Платейского гражданских коллективов, несмотря на вероятное предубеждение относительно последнего.

1.4. Религиозная жизнь платейцев.

Дедалы – панбеотийское празднество

Теперь следует осветить ранее не затронутый аспект повседневности граждан Платей – религиозную сферу. Действительно, в жизни всех общин Древней Греции важными событиями считались общегреческие празднества, такие как Панафиней, Олимпийские и Дельфийские игры, состязания в Немее и на Истме. Крупным беотийским святилищем выступал храм Аполлона Птойского, при котором имелся оракул. Однако и более локальные, не панэллинские, праздники представляют значительный исследовательский интерес. Мы рассмотрим специфику и особенности религиозной жизни городской и политической общины полиса Платеи. Геродот сообщает о наличии в городе культа, посвящённого Гере: «<...> ἐς μὲν τὸν χῶρον ἐς τὸν συνέκειτο οὐκ ἐν νόῳ ἔχοντες, οἱ δὲ ὡς ἐκινήθησαν ἔφευγον ἄσμενοι τὴν ἵππον πρὸς τὴν Πλαταιέων πόλιν, φεύγοντες δὲ ἀπικνέονται ἐπὶ τὸ Ἦραιον: τὸ δὲ πρὸ τῆς πόλιος ἐστὶ τῆς Πλαταιέων, εἴκοσι σταδίους ἀπὸ τῆς κρήνης τῆς Γαργαφίης ἀπέχον: ἀπικόμενοι δὲ ἔθεντο πρὸ τοῦ ἱεροῦ τὰ ὄπλα.»³¹⁶ (Hrd. IX. 52. 1); «<...> ἀποβλέψαντα τὸν Πausανίην πρὸς τὸ Ἦραιον τὸ Πλαταιέων ἐπικαλέσασθαι τὴν θεόν,»³¹⁷ (Hrd. IX. 61. 3). Геродот, как видим, говорит о наличии святилища Геры (и, судя по всему, культа) во времена Греко-персидских войн.

³¹⁶ «Ибо едва эллины двинулись, как на радостях, что ускользнули от вражеской конницы, побежали к городу платейцев, пока не добрались до святилища Геры. Святилище же находится непосредственно перед городом платейцев, в 20 стадиях от источника Гаргафии. Прибыв туда, они остановились перед святилищем и стали разбивать стан.» Пер. Г.А. Стратановского.

³¹⁷ «Тогда Павсаний обратил взоры на святилище Геры у Платей и стал взывать к богине, умоляя ее не обмануть упований спартанцев.» Пер. Г.А. Стратановского.

Допустимо предположить и более раннее существование святилища. Более того, Геродот называет и другое сакральное пространство: «καὶ τότε ἕτερον συνέπεσε γενόμενον, Δήμητρος τεμένεα Ἐλευσινίης παρὰ ἀμφοτέρας τὰς συμβολὰς εἶναι: καὶ γὰρ δὴ ἐν τῇ Πλαταιίδι παρ' αὐτὸ τὸ Δημήτριον ἐγίνετο, ὥς καὶ πρότερόν μοι εἴρηται, ἡ μάχη, καὶ ἐν Μυκάλῃ ἔμελλε ὡσαύτως ἔσεσθαι.»³¹⁸ (Hrd. IX. 101. 1). Следовательно, особо почиталась в Платеях не только Гера, но и Деметра. О святилище Деметры подобно пишет Плутарх: «<...> οἱ μὲν γὰρ ἥρωες, οἷς ἐκέλευε θύειν, ἀρχηγέται Πλαταιέων ἦσαν, καὶ τὸ τῶν Σφραγιτίδων νυμφῶν ἄντρον ἐν μιᾷ κορυφῇ τοῦ Κιθαιρῶνός ἐστιν, εἰς δυσμὰς ἡλίου θερινὰς τετραμμένον, ἐν ᾧ καὶ μαντεῖον ἦν πρότερον, ὥς φασι, καὶ πολλοὶ κατείχοντο τῶν ἐπιχωρίων, οὓς νυμφολήπτους προσηγόρευον. τὸ δὲ τῆς Ἐλευσινίας Δήμητρος πεδίον, καὶ τὸ τὴν μάχην ἐν ἰδίᾳ χώρᾳ ποιουμένοις τοῖς Ἀθηναίοις νίκην δίδοσθαι, πάλιν εἰς τὴν Ἀττικὴν ἀνεκαλεῖτο καὶ μεθίστη τὸν πόλεμον. ἔνθα τῶν Πλαταιέων ὁ στρατηγὸς Ἀρίμνηστος ἔδοξε κατὰ τοὺς ὕπνους ὑπὸ τοῦ Διὸς τοῦ Σωτῆρος ἐπερωτώμενον αὐτόν, ὃ τι δὴ πράττειν δέδοκται τοῖς Ἑλλησιν, εἶπεῖν, 'αὔριον εἰς Ἐλευσῖνα τὴν στρατιὰν ἀπάξομεν, ᾧ δέσποτα, καὶ διαμαχοῦμεθα τοῖς βαρβάροις ἐκεῖ κατὰ τὸ πυθόχρηστον <...> τὸν οὖν θεὸν φάναι διαμαρτάνειν αὐτοὺς τοῦ παντός: αὐτόθι γὰρ εἶναι περὶ τὴν Πλαταιϊκὴν τὰ πυθόχρηστα καὶ ζητοῦντας ἀνευρήσειν. τούτων ἐναργῶς τῷ Ἀριμνήστῳ φανέντων ἐξεγρόμενος τάχιστα μετεπέμψατ τοὺς ἐμπειροτάτους καὶ πρεσβυτάτους τῶν πολιτῶν, μεθ' ὧν διαλεγόμενος καὶ συνδιαπορῶν εὗρεν, ὅτι τῶν Ὑσιῶν πλησίον ὑπὸ τὸν Κιθαιρῶνα ναὸς ἐστὶν ἀρχαῖος πάνυ Δήμητρος Ἐλευσινίας καὶ Κόρης προσαγορευόμενος.»³¹⁹

³¹⁸ «Случайно совпало еще и другое, именно вот что: поблизости от обоих полей битвы находятся священные участки Деметры Элевсинской. И действительно, битва при Платеях разыгралась, как я уже сказал раньше, у самого храма Деметры, и при Микале теперь битва должна была произойти точно так же [у самого святилища Деметры].» Пер. Г.А. Стратановского.

³¹⁹ «Ведь герои, которым бог велел принести жертвы, были родоначальниками платейцев, и пещера сфрагдийских нимф находится на одной из вершин Киферона и обращена в ту сторону, где летом заходит солнце (рассказывают, что когда-то там было и прорицалище, и что многие из местных жителей обладали даром пророчества и потому про них говорили, что они «одержимы нимфами»). Упоминание о равнине же Элевсинской Деметры и о том, что лишь битва на собственной земле дарует афинянам победу, вновь заставляли думать о переносе военных действий в Аттику. Как раз в это время командующему платейцев

(Plut. Arist. XI.4-6). Павсаний дополняет сведения: «ἔστι δὲ καὶ Δήμητρος ἐπὶ κλησὶν Ἐλευσινίας ἱερὸν ἐν Πλαταιαῖς καὶ Ληΐτου μνῆμα: τῶν δὲ ἡγεμόνων, οἱ Βοιωτοὺς ἐς Τροίαν ἡγάγον, μόνος ἀνέστρεψεν οἴκαδε οὗτος ὁ Λήϊτος»³²⁰ (Paus. IX. IV. 3). Ранее уже мы встречали сведения о храме Деметры в Платеях, а Геродот пишет и о том, что платейцы участвовали в походе на Трою. Другие боги упоминаются только как объекты посвящения votивных предметов после победы³²¹, но не как имеющие храмы в Платеях. Победа же в битве у города обусловлена, по словам автора, божественным провидением – вероятно, защитой божества места поклонения. В отличие от Геродота, Павсаний отмечает ещё одно святилище в границах города: «Πλαταιεῦσι δὲ Ἀθηνᾶς ἐπὶ κλησὶν Ἀρείας ἐστὶν ἱερὸν: ᾧ κοδομήθη δὲ ἀπὸ λαφύρων ἃ τῆς μάχης σφίσιν Ἀθηναῖοι τῆς Μαραθῶνι ἀπένειμαν <...> Φειδίας δὲ καὶ Πλαταιεῦσιν ἣν ὁ τῆς Ἀθηνᾶς τὸ ἄγαλμα ποιήσας»³²² (Paus. IX. IV. 1). Собственно, Афине храм был посвящён, поскольку платейцы хотели отметить важную роль, которую для них играли союзники афиняне, к тому же выразив таким образом почтение Афине как покровительнице союзного полиса и Аттики, в границах которой произошло сражение. Также напомним, что позже, в 479 г. до н.э., граждане Платей передавали свою землю во владение афинянам (непосредственно перед битвой при Платеях), соответственно, в этот период Афина являлась покровительницей и Платейской области. Об этом храме рассказывает и Плутарх: «<...> οὕτω δὲ διαλλαγέστες ἐξεῖλον ὀγδοήκοντα

Аримнесту приснилось, будто Зевс Спаситель спрашивает его, какое решение приняли греки, а он отвечает: «завтра поведём войско к Элевсину, владыка, и там сразимся с варварами, повинуюсь пифийскому оракулу». Тогда бог объявил, что они глубочайшим образом заблуждаются: то, о чём вещала Пифия, – здесь во владениях платейцев, пусть поищут и найдут. Всё это привиделось Аримнесту вполне отчётливо, и, пробудившись, он тут же послал за самыми многоопытными и старыми из сограждан и, беседуя с ними, выяснил, что близ Гисий у подножья Киферона есть очень древний храм, посвящённый Деметре Элевсинской и Персефоне.» Пер. С.П. Маркиша.

³²⁰ «Есть в Платеях еще храм Деметры, так называемой Элевсинии, и памятник Леита: из всех вождей, которые водили беотийцев под Трою, только один вернулся домой, и это был Леит.» Пер. С.П. Кондратьева.

³²¹ Hrd. IX. 81. 1: названы посвящения Дельфийскому, Олимпийскому и Истмийскому божествам (Аполлону, Зевсу и Посейдону соответственно).

³²² Перевод был представлен ранее.

τάλαντα τοῖς Πλαταιεῦσιν, ἀφ' ὧν τὸ τῆς Ἀθηνᾶς ἀνωκοδόμησαν ἱερὸν καὶ τὸ ἔδος ἔστησαν καὶ γραφαῖς τὸν νεὼν διεκόσμησαν, αἱ μέχρι νῦν ἀκμάζουσαι διαμένουσιν <...>³²³ (Plut. Arist. 20. 3). Вполне вероятно, что Павсаний был осведомлен об этом при написании своего труда.

Плутарх тоже упоминает один местный культ: «<...> τρέπεται πρὸς τὸ Ἦραιον τῇ ὄψει δεδακρυμένος, καὶ τὰς χεῖρας ἀνασχὼν εὖξάτο Κιθαιρωνία Ἦρα καὶ θεοῖς ἄλλοις, οἱ Πλαταιῖδα γῆν ἔχουσιν <...>»³²⁴ (Plut. Arist. 18. 1). Можно соотнести названный ранее храм Геры и отмеченный Плутархом культ Геры Киферонской. Павсаний подтверждает, посредством мифологических сюжетов, связь между Герой и легендарным царём Кифероном. Однако с таким эпитетом платейский культ Геры не назывался в других источниках, исследованных нами. К тому же, не совсем понятно, о каком святилище Геры и связанном с ним культом (культы?) пишут более поздние авторы, чем современники событий V в. до н.э., поскольку после завершения осады Платей в 427 г. до н.э. город был разрушен, передан представителям фиванского полиса, которыми был возведён храм Геры и катагогейон (гостевой дом для паломников). Скорее всего, и Плутарх, и Павсаний имеют в виду именно фиванское святилище. Тем не менее, сведения о мифологических предпосылках культа Геры тоже имеются: «Ἦραν ἐφ' ὅτῳ δὴ πρὸς τὸν Δία ὀργισμένην ἐς Εὐβοίαν φασιν ἀναχωρῆσαι, Δία δέ, ὡς οὐκ ἔπειθεν αὐτήν, παρὰ Κιθαιρῶνα λέγουσιν ἐλθεῖν δυναστεύοντα ἐν Πλαταιαῖς τότε: εἶναι γὰρ τὸν Κιθαιρῶνα οὐδενὸς σοφίαν ὕστερον. οὗτος οὖν κελεύει τὸν Δία ἄγαλμα ξύλου ποιησάμενον ἄγειν ἐπὶ βοῶν ζεύγους ἐγκεκαλυμμένον, λέγειν δὲ ὡς ἄγοιτο γυναικα Πλάταιαν τὴν Ἀσωποῦ»³²⁵ (Paus. IX. III. 1).

³²³ «Договорившись таким образом, они передали платейцам из общей добычи восемьдесят талантов, на которые те построили святилище Афины, поставили изображение богини и украсили храм картинами (они в целости сохранились вплоть до наших дней.» Пер. С.П. Маркиша.

³²⁴ «Обратил залитое слезами лицо к святилищу Геры и, воздев руки, взмолился Киферонской Гере и прочим богам-хранителям платейской земли.» Пер. С.П. Маркиша.

³²⁵ «Говорят, что Гера, рассердившись за что-то на Зевса, удалилась в Эвбею. Так как Зевс никак не мог убедить ее вернуться, он, говорят, обратился за помощью к Киферону, бывшему тогда царем в Платеях <...> И вот он велел Зевсу сделать деревянное

Ещё одним важным святилищем (и связанным с ним празднеством) являлся алтарь Зевса Освободителя. Павсаний отмечает: «κατὰ δὲ τὴν ἔσοδον μάλιστα τὴν ἐς Πλάταιαν τάφοι τῶν πρὸς Μήδους μαχεσαμένων εἰσί. τοῖς μὲν οὖν λοιποῖς ἐστὶν Ἑλλήσι μνῆμα κοινόν: Λακεδαιμονίων δὲ καὶ Ἀθηναίων τοῖς πεσοῦσιν ἰδίᾳ τέ εἰσιν οἱ τάφοι καὶ ἐλεγείᾳ ἐστὶ Σιμωνίδου γεγραμμένα ἐπ' αὐτοῖς. οὐ πόρρω δὲ ἀπὸ τοῦ κοινοῦ τῶν Ἑλλήνων Διὸς ἐστὶν Ἐλευθερίου βωμὸς τοῦτον μὲν δὴ χαλκοῦ, τοῦ Διὸς δὲ τόν τε βωμὸν καὶ τὸ ἄγαλμα ἐποίησεν λευκοῦ λίθου»³²⁶ (Paus. IX. II. 5). Сразу несколько моментов мы хотели бы выделить. Прежде всего, наличие погребений павших в Платейской битве. В некотором роде, расположение афинян и лакедемонян отдельно от остальных эллинов коррелирует с погребениями у Марафона, где платейцы и рабы похоронены отдельно от афинских граждан. Далее мы обращаем внимание на сведения о существовании как жертвенника, так и статуи Зевса Освободителя. О празднике в честь Зевса сообщается Плутархом: «<...> κατὰ δὲ Βοιωτοῦς τετράδι τοῦ Πανέμου φθίνοντος, ἥ καὶ νῦν ἔτι τὸ Ἑλληνικὸν ἐν Πλαταιαῖς ἀθροίζεται συνέδριον καὶ θύουσι τῷ ἐλευθερίῳ Διὶ Πλαταιεῖς ὑπὲρ τῆς νίκης. <...>»³²⁷ (Plut. Arist. 19. 7). Информировать о празднике и Павсаний: «ἄγουσι δὲ καὶ νῦν ἔτι ἀγῶνα διὰ ἔτους πέμπτου τὰ δὲ Ἐλευθέρια, ἐν ᾧ μέγιστα γέρα πρόκειται δρόμου: θέουσι δὲ ὀπλισμένοι πρὸ τοῦ βωμοῦ. Τρόπαιον δέ, ὃ τῆς μάχης τῆς Πλαταιᾶσιν ἀνέθεσαν οἱ Ἕλληνες, πεντεκαίδεκα σταδίοις μάλιστα ἔστηκεν ἀπωτέρω τῆς πόλεως»³²⁸ (Paus. IX. II. 6), а также Диодор (Diod.

изображение и, закрыв его одеждой и покрывалом, везти на паре быков и говорить, будто он везет себе в жены Платею, дочь Асопа». Пер. С.П. Кондратьева.

³²⁶ «У самого входа в Платеи находятся могилы сражавшихся с мидянами. Для всех остальных эллинов есть одна общая могила, для лакедемонян же и афинян, павших в этом бою, есть специальные могилы и на них надписи, составленные Симонидом в эгегическом размере. Недалеко от общей могилы эллинов стоит жертвенник Зевса Элевтерия (Освободителя). (И его же статуя; стоит там также и статуя Киферона, а этот Киферон дал имя священной горе Зевса Киферония). Изображение этого Киферона сделано из меди, а алтарь и статуя Зевса изваяны из белого мрамора.» Пер. С.П. Кондратьева.

³²⁷ «До сих пор в этот день в Платеях собираются представители греческих городов, и платейцы приносят жертвы Зевсу Освободителю в благодарность за победу.» Пер. С.П. Маркиша.

³²⁸ «Еще и доныне здесь совершаются каждые четыре года на пятый Элевтерии (Праздник освобождения), на которых дают большие награды за победу в беге. Бегут во всем

Sic. XI. 29. 1). Отдельный интерес представляет информация о программе состязаний при проведении Элевтерий. Упоминается гоплитодромия – состязание по бегу в полном вооружении, входившее в программу Олимпийских и Панафинейских игр. Однако характер этого вида соревнований в местном празднике отличался, как снаряжением атлета, так и дистанцией³²⁹. Тем примечательнее, что по Геродоту: «ἀπὸ ταύτης γάρ σφι τῆς μάχης, Ἀθηναίων θυσίας ἀναγόντων ἐς τὰς πανηγύριαις τὰς ἐν τῇσι πεντετηρίσι γινομένης, κατεύχεται ὁ κῆρυξ ὁ Ἀθηναῖος ἅμα τε Ἀθηναίοισι λέγων γίνεσθαι τὰ ἀγαθὰ καὶ Πλαταιεῦσι»³³⁰ (Hdt. VI. 111. 2). При учёте факта получения платейцами афинского гражданства допустимо считать, что и в Панафинейях могли принимать участие жители Платей, а определенно принимали те, кто родился на территории Аттики (см. предыдущий параграф данной главы). По Плутарху, проводить Элевтерии предлагает Аристид: «ἐκ τούτου γενομένης ἐκκλησίας κοινῆς τῶν Ἑλλήνων ἔγραψεν Ἀριστείδης ψήφισμα συνιέναι μὲν εἰς Πλαταιὰς καθ' ἕκαστον ἐνιαυτὸν ἀπὸ τῆς Ἑλλάδος προβούλους καὶ θεωροὺς, ἄγεσθαι δὲ πενταετηρικὸν ἀγῶνα τῶν Ἑλευθερίων. εἶναι δὲ σύνταξιν Ἑλληνικὴν μυρίας μὲν ἀσπίδας, χιλίους δὲ ἵππους, ναῦς δ' ἑκατὸν ἐπὶ τὸν πρὸς βαρβάρους πόλεμον, Πλαταιεῖς δ' ἀσύλους καὶ ἱεροὺς ἀφεῖσθαι τῷ θεῷ θύοντας ὑπὲρ τῆς Ἑλλάδος»³³¹ (Plut. Arist. 21. 1). По Фукидиду же это совершает Павсаний. В

вооружении перед жертвенником. Трофей, который эллины поставили в память битвы при Платеях, стоит приблизительно стадиях в 15-ти от города.» Пер. С.П. Кондратьева.

³²⁹ Подробнее о Элевтериях см. Albanidis E., Vouzanidou E. The Eleutheria (Liberation games) of Plataea in Ancient Greece // Studies in physical culture and tourism. 2008. Vol. 1(15). P. 49-52; Гвоздева Т.Б. Гоплитодромос — категория древнегреческой атлетики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. №3. С. 318-329.

³³⁰ «Со времени этой битвы у афинян вошло в обычай, чтобы в Панафинейский праздник, справляемый каждый пятый год, при жертвоприношении афинский глашатай произносил молитву о даровании благ платейцам и афинянам». Пер. Г.А. Стратановского.

³³¹ «После этого на собрании всех греков Аристид внёс предложение, чтобы ежегодно в Платеи приезжали из разных концов Греции послы для участия в священнодействии, а каждые пять лет устраивались Элевфери — «Игры Освобождения», чтобы греческое войско в десять тысяч пехотинцев и тысячу всадников и сто кораблей были всегда наготове для борьбы с варварами, и чтобы платейцы пользовались неприкосновенностью и приносили жертвы богу за Грецию.» Пер. С.П. Маркиша.

остальном Плутарх и Павсаний сообщают, в целом, одинаково об этих игрищах.

Однако самым главным и самым ценным для платейцев (и других общин Беотии) был праздник Дедалы. Появление этого торжества Павсаний связывает с мифологическим сюжетом: «Ἦραν ἐφ' ὅτῳ δὴ πρὸς τὸν Δία ὠργισμένην ἐς Εὐβοίαν φασιν ἀναχωρῆσαι, Δία δέ, ὡς οὐκ ἔπειθεν αὐτήν, παρὰ Κιθαιρῶνα λέγουσιν ἐλθεῖν δυναστεύοντα ἐν Πλαταιαῖς τότε: εἶναι γὰρ τὸν Κιθαιρῶνα οὐδενὸς σοφίαν ὕστερον. οὗτος οὖν κελεύει τὸν Δία ἄγαλμα ξύλου ποιησάμενον ἄγειν ἐπὶ βοῶν ζεύγους ἐγκεκαλυμμένον, λέγειν δὲ ὡς ἄγοιτο γυναῖκα Πλάταιαν τὴν Ἀσωποῦ»³³² (Paus. IX. III. 1). Ясно прослеживается синкретизм местных мифологических фабул с общеэллинскими. Более того, в основе празднества лежит беотийский культ Геры, наличие которого подтверждает как археология³³³, так и письменные источники. О ритуальных практиках религиозного события Павсаний сообщает: «Δαίδαλα οὖν ἄγουσιν οἱ Πλαταιεῖς ἐορτὴν δι' ἔτους ἐβδόμου μὲν, ὡς ἔφασκεν ὁ τῶν ἐπιχωρίων ἐξηγητής, ἀληθεῖ μέντοι λόγῳ δι' ἐλάσσονος καὶ οὐ τοσούτου χρόνου: <...>»³³⁴ (Paus. IX. III. 3); «ταύτην μὲν ἰδίᾳ οἱ Πλαταιεῖς ἐορτὴν ἄγουσι, Δαίδαλα μικρὰ ὀνομάζοντες: Δαιδάλων δὲ ἐορτὴν τῶν μεγάλων καὶ Βοιωτοὶ σφισι συνεορτάζουσι, δι' ἐξηκοστοῦ δὲ ἄγουσιν ἔτους: ἐκλιπεῖν γὰρ τοσοῦτον χρόνον τὴν ἐορτὴν φασιν, ἥνικα οἱ Πλαταιεῖς ἔφευγον. ξόανα δὲ τεσσαρεσκαίδεκα ἔτοιμά σφισὶν ἐστι κατ' ἐνιαυτὸν ἕκαστον παρασκευασθέντα ἐν

³³² «Говорят, что Гера, рассердившись за что-то на Зевса, удалилась в Эвбею. Так как Зевс никак не мог убедить ее вернуться, он, говорят, обратился за помощью к Киферону, бывшему тогда царем в Платеях <...> И вот он велел Зевсу сделать деревянное изображение и, закрыв его одеждой и покрывалом, везти на паре быков и говорить, будто он везет себе в жены Платею, дочь Асопа». Пер. С.П. Кондратьева.

³³³ Waldstein C., Washington H.S., Irving-Hunt W. Discoveries at Plataia in 1890 // American Journal of Archaeology. 1890. Vol. 6. P. 445-475.; Konecny A., Aravantinos V., Marchese R.T. Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis. Wien: Österreichisches Archäologisches Institut. 2013. 494 p.

³³⁴ «Этот праздник – Дедалы – платейцы справляют каждый седьмой год, как рассказывал мне один местный, но в действительности празднования совершаются в более короткие сроки.» Пер. С.П. Кондратьева.

Δαιδάλοις τοῖς μικροῖς»³³⁵ (Paus. IX. III. 5). В сообщении можно с уверенностью выделить две фазы торжеств: 1. Малые Дедалы, справлявшиеся исключительно гражданами Платейского полиса; 2. Великие Дедалы, которые были непосредственно панбеотийском торжеством, которое проводилось раз в 60 лет. Однако если о ритуальной составляющей Дедалов Павсаний предоставляет конкретные сведения, то в рассказе о начале данного культового мероприятия он отсылает лишь к мифологическому сюжету. Это ставит перед исследователем проблему – каким историческим отрезком допустимо датировать празднование Дедалов. В самом тексте труда Павсания есть фрагмент, дающий представление о времени появления празднества в греческой истории: «ταῦτα ἀναίρουσιν κλήρω Πλαταιεῖς Κορωναῖοι Θεσπιδεῖς Ταναγραῖοι Χαίρωνεῖς Ὀρχομένιοι Λεβαδεῖς Θηβαῖοι: διαλλαγῆναι γὰρ καὶ οὗτοι Πλαταιεῦσιν ἡξίωσαν καὶ συλλόγου μετασχεῖν κοινῷ καὶ ἐς Δαίδαλα θυσίαν ἀποστέλλειν, ὅτε Κάσσανδρος ὁ Ἀντιπάτρου τὰς Θήβας ἀνέγκισε <...>»³³⁶ (Paus. IX. III. 6). Следовательно, к моменту восстановления Фив Кассандром (315 г. до н.э.) Дедалы уже справлялись на протяжении некоторого времени. Однако более ранние авторы ничего не сообщают о подобном праздновании. Дополнительным аргументом в пользу существования культа Геры в предшествовавшие годы, а также совмещения сведений Геродота и Павсания, служат данные нумизматики: найденная в Платеях серебряная монета с изображением Геры, которая датируется 387-372 гг. до н.э. Соответственно, в конце IV в. до н.э. имело место не учреждение праздника, но восстановление прав фиванских граждан принимать в нём участие. Лишение же города и

³³⁵ Этот праздник, который они называют Малыми Дедалами, платейцы справляют только одни. Праздник же Великих Дедалов вместе с ними справляют и все беотийцы. Они бывают один раз в шестьдесят лет. Говорят, что этот праздник не справлялся столько лет, сколько платейцы были в изгнании. (К этому времени) у них бывает готово четырнадцать ксоанов, изготавливаемых из года в год во время Малых Дедалов.» Пер. С.П. Кондратьева.

³³⁶ «<...> распределяются между платейцами, коронейцами, феспидеями, жителями Танагры, Херонеи, Орхомена, Лебадии и Фив; эти последние сочли нужным примириться с платейцами и принять участие в общем собрании; они тоже отправляют посольства для принесения жертв во время Дедалов. Все это они делают с того времени, как Кассандр, сын Антипатра, восстановил Фивы.» Пер. С.П. Кондратьева.

жителей этих прав, наиболее вероятно, имело место в 335 г. до н.э. при разрушении города Александром Великим. Таким образом, можно допустить, что Дедалы проводились на протяжении всего классического и эллинистического периодов греческой истории.

На основании сведений источников можно сделать вывод о том, что Малые Дедалы, исключительно платейский праздник, являлись систематической подготовкой к празднованию Великих Дедалов – события панбеотийского масштаба. С определённой осторожностью отметим, что указанные празднования могли служить религиозным воплощением единства Беотийского союза. Кроме того, допустимо предположить наличие определённой связи между Дедалами и Элевтериями (играми в честь Зевса)³³⁷, которые были учреждены сразу после Греко-персидских войн. В таком качестве праздники могут быть представлены как отражения женского (Гера) и мужского (Зевс) начал, объединённых олимпийским браком. Будучи же опосредованно связаны с политической сферой жизни эллинов, Дедалы могут быть охарактеризованы как один из рычагов влияния на ситуацию в беотийском регионе.

Подводя итог характеристике Беотийского региона и полиса Платеи, отметим, что Беотия предстаёт ареной локального политического противоборства на протяжении почти всего классического периода греческой истории. Область оказывается вовлеченной как в борьбу за региональную гегемонию, так и в общегреческие политические процессы. Беотийская земля сыграла значительную роль в крупнейших конфликтах V в. до н.э. – Греко-персидских войнах и Пелопоннесской войне. Полисы региона принимали непосредственное участие в Коринфской и Беотийской войнах, а Фивы даже смогли на непродолжительное время утвердиться в качестве гегемона всей Эллады. На территории региона было создано первое надполисное объединение Греции – Беотийский союз, представлявший собой

³³⁷ Albanidis E., Vouzanidou E. The Eleutheria (Liberation games) of Plataea in Ancient Greece. // Studies in physical culture and tourism. 2008. Vol. 1(15). P. 49-52.

региональную конфедерацию общин. Непосредственным участником связанных с регионом событий предстаёт и беотийский полис Платеи. Эта небольшая община ещё с конца VI в. до н.э. выступала противником Фив³³⁸, центрального полиса региона, старалась выбирать собственный вектор политического развития и политического же участия в общегреческих делах. В Греко-персидских войнах полис выступил на стороне антиперсидской коалиции (в противовес большинству общин Беотии под властью Фив), в Пелопоннесской войне территория полиса стала местом одного из драматических событий — осады Платей и их разрушения. Политическая община сохранилась, получила права граждан в Афинах и была расселена по аттическим демам и трибам, но территория полиса оказалась под Фиванской гегемонией. При этом полисные институты развивались, скорее, в соответствии с локальной беотийской традицией, чем с демократическими паттернами союзных Афин. Экономически Платеи оставались типичным малым полисом Беотии, не выделяясь из общих сельскохозяйственных тенденций региона, но настоящим экономическим испытанием стала потеря родных земель и переселение гражданского коллектива в Аттику, где, несмотря на получение ряда гражданских привилегий, беотийцы столкнулись со сложностями интеграции в аттическое экономическое пространство и с негативными социальными предрассудками. Религиозная жизнь общины испытала на себе влияние как беотийских, так и аттических традиций: полис предстаёт центром культов Геры, Афины, Деметры, Зевса. Важным элементом платейской идентичности являлся праздник Малых Дедалов, связывавший общину с прочими политическими единицами Беотии через региональный праздник Великих Дедалов. Кроме того, городской центр Платей выступал местом проведения общегреческого праздника Элевтерий, проводившегося в честь избавления от персидской угрозы.

³³⁸ Можайский А.Ю. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в Беотии: становление Фиванского полиса // Списание «ЕПОХИ». 2023. Т. 31. №1. С. 30.

Глава II.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ПЛАТЕЙ

V-IV вв. до н.э.

2.1. Полис в период Греко-персидских войн. Битва при Платеях

Значимой стороной истории Платей классического периода являлось участие полиса в военных действиях и формирование воинских контингентов. Основными военными конфликтами, в которых принимала участие Платейская община, были Греко-персидские войны и Пелопоннесская война.

Собственно, последовательность событий Греко-персидских войн хорошо известна историкам³³⁹. Однако, определённая характеристика конфликта, его хода необходима для создания общего представления о ситуации, в рамках которой мы рассматриваем место полиса Платеи. После подавления Ионийского восстания (499-493 гг. до н.э.) стало понятно, что взор Дария приковала к себе материковая Греция, некоторые ее полисы поддерживали восставших. К тому же, перспектива покорения разрозненных греческих городов прельщала царя. В связи с этим начинается подготовка к походу против непокорных греков. В 492 г. до н.э. имела место экспедиция Мардония, в ее результате власти Ахеменидов были подчинены Фракия и Македония. В следующем году в города-государства Эллады были отправлены персидские

³³⁹ О военных действиях подробнее: Grundy G.B. *The Great Persian War and its Preliminaries: A Study of the Evidence, Literary and Topographical*. New York: Charles Scribner's Sons, 1901. 591 p.; Olmstead A.T. *Persia and the Greek Frontier Problem* // *Classical Philology*. 1939. Vol. 39. № 4. P. 305-322.; Hammond N.G.L. *The Campaign and the Battle of Marathon* // *Journal of Hellenic Studies*. 1968. Vol. 88. P. 13-57; Lazenby J. *The Defence of Greece, 490-479 BC*. Warminster: Aris and Phillips, 1993. 294 p.; Туманс Х. *Военная организация греков в архаическую эпоху (Афины VIII-VI вв. до н.э.)* // *Античное общество: Проблемы политической истории*. 1997. С. 6-19.; Нефедкин А.К. *Основные этапы формирования фаланги гоплитов: военный аспект проблемы* // *ВДИ*. 2002. №1. С.87-96.; Sekunda N. *Marathon 490 BC. The First Persian Invasion of Greece*. London: Osprey, 2002. 96 p.; De Souza Ph. *The Greeks and Persian Wars, 499-386 BC*. London: Osprey, 2003. 95 p.; Cawkwell G.L. *The Greek Wars. The Failure of Persia*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 316 p.; Коннолли П. *Греция и Рим. Эволюция военного искусства на протяжении двенадцати веков*. М.: ЭКСМО-Пресс, 2009. 312 с.

послы с требованием признать власть царя (знаменитая формулировка «γῆ καὶ ὕδωρ»). Согласно Геродоту, многие материковые общины и все островные выполнили требования послов (Hdt. VI. 48-49). Здесь необходимо отметить, что среди подчинившихся полисов были беотийские Фивы, также, следовательно, и иные города Беотии – участники Беотийского союза, в то время как Платеи соблюли свой союз с Афинами и не признали власть Дария I: «τῶν δὲ δόντων ταῦτα ἐγένοντο οἷδε, Θεσσαλοὶ Δόλοπες Ἐνιῆνες Περραιβοὶ Λοκροὶ Μάγνητες Μηλιέες Ἀχαιοὶ οἱ Φθιώται καὶ Θηβαῖοι καὶ οἱ ἄλλοι Βοιωτοὶ πλὴν Θεσπιέων τε καὶ Πλαταιέων»³⁴⁰ (Hdt. VII. 132. 1). Определённо нельзя обвинить платейцев в той или иной форме мидизма³⁴¹, с другой стороны, – такое отношение могло быть вызвано позицией Афинского полиса, к которой платейцы всё же прислушивались (см. Thuc. II. 73.1-2³⁴²).

Далее наступает 490 г. до н.э. и начинается новый персидский поход. Флот под командованием Датиса и Артаферна подчиняет греческие общины Эгеиды (в частности, Наксос и Киклады), после чего высаживает войска на острове Эвбея, где была разграблена Эретрия, уничтожены святилища и поработаны местные граждане. Затем флот перебрасывает воинские контингенты в Аттику, бросив якоря у Марафона. Именно сюда поспешило афинское ополчение граждан, с целью отразить вражеское вторжение, а на помощь своим союзникам пришёл и контингент Платей: «ὕπερβάντες δὲ οἱ Ἀθηναῖοι τοὺς οἱ Κορίνθιοι ἔθηκον Πλαταιεῦσι εἶναι οὐρούς, τοὺτους ὕπερβάντες

³⁴⁰ «В числе же племен, которые дали землю и воду, были следующие: фессалийцы, долопы, эниены, перребы, локры, магнеты, малийцы, фтиотийские ахейцы, фиванцы и остальные беотийцы, кроме феспийцев и платейцев.» Пер. Г.А. Стратановского. На наш взгляд, все-таки корректнее будет передать «фтиотийцы», а не «фтиотийские ахейцы».

³⁴¹ О мидизме подробно см.: Рунг Э.В. Феномен мидизма в политической жизни классической Греции // Вестник древней истории. 2005. №3. С. 14–35; Рунг Э.В. Мидизм в период Греко-персидских войн: К вопросу о наказании сторонников персов в Греции в 480-479 гг. до н.э. // Antiquitas Aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. 2007. Вып. 2. С. 256-272; Рунг Э.В. Панэллинизм и мидизм в истории Фив классического периода // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12. Из истории античности и Нового времени. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2013. С. 81-98.

³⁴² Речь идёт о том, что на предложение Архидамы платейцы не могли ответить самостоятельно, им было необходимо предварительно получить афинское мнение по вопросу.

τὸν Ἀσωπὸν αὐτὸν ἐποιήσαντο οὗρον Θηβαίοισι πρὸς Πλαταιέας εἶναι καὶ Ὑσιᾶς. ἔδοσαν μὲν δὴ οἱ Πλαταιέες σφέας αὐτοὺς Ἀθηναίοισι τρόπῳ τῷ εἰρημένῳ, ἦκον δὲ τότε ἐς Μαραθῶνα βοηθέοντες»³⁴³ (Hdt. VI. 108. 6). При этом платейцы были единственными, пришедшими на помощь: “Нос in tempore nulla civitas Atheniensibus auxilio fuit praeter Plataeenses. ea mille misit militum.” (Nep. Milt. 5. 1)³⁴⁴, контингент их насчитывал, как видим, 1000 человек, что составляло всё возможное войско города (Hdt. VII. 108. 1). Расположены платейские воины были на левом крыле войска: «τελευταῖοι δὲ ἐτάσσοντο ἔχοντες τὸ εὐώνυμον κέρας Πλαταιέες.» (Hdt. VII. 111. 1), таким образом, их успех на левом фланге (как и успех полемарха Каллимаха на правом) позволил греческому войску реализовать план Мильтиада и добыть победу: «τὸ δὲ κέρας ἐκάτερον ἐνίκων Ἀθηναῖοί τε καὶ Πλαταιέες»³⁴⁵ (Hdt. VI. 113. 1). После сражения погибшие воины были похоронены в двух гробницах: в одну поместили павших афинян, в другую платейцев и рабов: «<...> καὶ ἕτερος Πλαταιεῦσι Βοιωτῶν καὶ δούλοις: <...>»³⁴⁶ (Paus. I. XXXII. 3). Такое сочетание, вероятно, подразумевает равенство статусов платейцев и рабов (завоевавших себе свободу посредством участия в сражении). Крупный специалист по античной археологии Спиридон Маринатос проводил раскопки гробниц в Марафоне, он сделал вывод о том, что меньшая гробница и есть то самое место упокоения платейцев, однако многие свидетельства говорят о неправильной интерпретации С. Маринатоса³⁴⁷. Соответственно, упомянутая в источниках «ὁ

³⁴³ «Тогда афиняне перешли границы, установленные коринфянами для платейцев, и объявили реку Асоп и Гисии границей Фиванской и Платейской областей. Таким образом, платейцы отделились под защиту афинян, а теперь прибыли на помощь к Марафону.» Пер. Г.А. Стратановского. Мы считаем, что ближе к оригиналу будет не «отделились под защиту», а «отдали себя [во власть]».

³⁴⁴ «В это время ни один город не оказал помощи Афинам — только Платеи, приславшие тысячу воинов.» Пер. Н.Н. Трухиной.

³⁴⁵ «Однако на обоих крыльях одерживали верх афиняне и платейцы.» Пер. Г.А. Стратановского.

³⁴⁶ «Для беотийских платейцев и для рабов.»

³⁴⁷ Petrakos B. Marathon. Archeological guide. / Ed. by. K. Ninou, English translation by A. Doumas. Athens: The Archeological society at Athens, 1996. P. 65-67.

τάφος ἕτερος³⁴⁸» как место захоронения платейских граждан, не найдена. Дополнительными, хотя и косвенными, свидетельствами о повышении статуса граждан Платей выступают следующие сведения: получение части Марафонской добычи, с помощью которой в городе будет построено святилище Афины Арееи (а статую для этого комплекса изваял Фидий): «Πλαταιεῦσι δὲ Ἀθηνᾶς ἐπικλήσιν Ἀρείας ἐστὶν ἱερόν: ὠκοδομήθη δὲ ἀπὸ λαφύρων ἃ τῆς μάχης σφίσιν Ἀθηναῖοι τῆς Μαραθῶνι ἀπένειμαν <...> Φειδίας δὲ καὶ Πλαταιεῦσιν ἦν ὁ τῆς Ἀθηνᾶς τὸ ἄγαλμα ποιήσας»³⁴⁹ (Paus. IX. IV. 1); чествование платейцев в рамках Панафинеев: «ἀπὸ ταύτης γάρ σφι τῆς μάχης, Ἀθηναίων θυσίας ἀναγόντων ἐς τὰς πανηγύριαις τὰς ἐν τῇσι πεντετηρίσι γινομένης, κατεύχεται ὁ κῆρυξ ὁ Ἀθηναῖος ἅμα τε Ἀθηναίοισι λέγων γίνεσθαι τὰ ἀγαθὰ καὶ Πλαταιεῦσι»³⁵⁰ (Hdt. VI. 111. 2). Нельзя не отметить, что участие платейцев в Марафонском сражении зафиксировано и в изобразительных источниках. В афинском Пёстром портке находилась картина, изображавшая ход Марафонского сражения (авторство доподлинно не установлено)³⁵¹. Несмотря на то, что само изображение не сохранилось до наших дней, кратко сюжет произведения (как и динамизм изображённого действия) описывается Павсанием, который упоминает наличие на картине «беотийских платейцев» (Paus. I. XV. 3). Демосфен же более конкретен по поводу изображения, он указывает на элемент их доспеха: «οἱ τὰς κυνᾶς τὰς Βοιωτίας ἔχοντες»³⁵² (Dem. 59. 94) В качестве визуализации этих сведений, на наш взгляд, можно рассматривать реконструкцию «Марафонской битвы» (Микона, Панея или Полигнота) Карлом Робертом (см. рис. 9 в Приложении Б).

³⁴⁸ «другая могила/вторая из двух»

³⁴⁹ «У платейцев есть святилище Афины, именуемой Ареей. Оно выстроено на ту добычу, которую им выделили афиняне после победы на Марафонском поле <...> Фидий и для платейцев сделал изображение Афины<...>». Пер. С.П. Кондратьева.

³⁵⁰ «Со времени этой битвы у афинян вошло в обычай, чтобы в Панафинейский праздник, справляемый каждый пятый год, при жертвоприношении афинский глашатай произносил молитву о даровании благ платейцам и афинянам.» Пер. Г.А. Стратановского

³⁵¹ Налимова Н.А. Классические Афины до «эпохи Перикла»: утраченные архитектурные и живописные памятники // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 2. / Под ред. А.В. Захаровой. СПб.: НП-Принт, 2012. С. 24-28.

³⁵² «[Они], беотийские шлемы имеющие».

После этого Платеи не отмечены в событиях военного конфликта вплоть до 480 г. до н.э., когда они названы в контексте морского сражения у мыса Артемисий. Оно происходило в течение трёх дней и явилось первым столкновением персидских и греческих сил на море в рамках Греко-персидских войн. Это сражение не стало ключевым для участников конфликта (по крайней мере, в той степени, какими стали Саламин и Микале), хотя и позволило греческому флоту отсрочить продвижение персидского флота в направлении центральной Греции и Аттики. Тем не менее, оно способствовало приобретению необходимого опыта недавно сформированными экипажами греческих судов, что можно считать основой для последующих морских побед эллинов. Среди участников сражения, подробно перечисленных Геродотом, можно выделить граждан беотийских Платей. Жители этого полиса, согласно автору «Истории», не отличались познаниями в мореплавании, и всё же составляли экипажи афинских трирем при Артемисии: «<...> Ἀθηναῖοι μὲν νέας παρεχόμενοι ἑκατὸν καὶ εἴκοσι καὶ ἑπτὰ: ὑπὸ δὲ ἀρετῆς τε καὶ προθυμίας Πλαταιέες ἄπειροι τῆς ναυτικῆς ἔόντες συνεπλήρουν τοῖσι Ἀθηναίοισι τὰς νέας»³⁵³ (Hdt. VIII. 1. 1). Это связано с особенностями взаимоотношений двух полисов. Отметим, что в переводе Г.А.Стратановского указаны воины и матросы, а в оригинальном тексте вообще не употребляются термины, связанные с родом занятий на корабле (ἐπιβάται, ναῦται). Там лишь сообщается, что платейцы «συνεπλήρουν» (совместно наполнили, т.е. помогли наполнить) корабли афинян, а значит, могли сделать это в любом качестве. Ранее платейцы – также совместно с афинянами – сражались при Марафоне, поддерживая заключённый в конце VI в. до н.э. союз³⁵⁴. Поскольку Геродот отмечает, что среди всех участников сражения при Артемисии только лишь для платейцев мореходство было чуждым, возникает вопрос о непосредственной роли, которую они могли играть в составе флота. Также это свидетельствует и о том,

³⁵³ «Воинами и матросами на этих кораблях вместе с афинянами служили не опытные, правда, в мореплавании, но доблестные и отважные платейцы». Пер. Г.А. Стратановского.

³⁵⁴ Wijk, van. R. Athens, Thebes and Plataia and the end of the sixth century BCE // Journal of Ancient History. 2017. Vol. 5 (2). P. 3.

что непосредственно снаряжать корабли жителям Парасопии было бы проблематично. Соответственно, единственно возможной формой выполнения любых союзных обязательств на военном поприще представляется «поставка» живой силы, как было при Марафоне. В дальнейшем же античный автор отмечает, что граждане Платей не принимали участия в последующих морских сражениях: «<...> ἐν Σαλαμῖνι γὰρ οὐ συνεναυμάχησαν Πλαταιέες Ἀθηναίοισι διὰ τοιόνδε τι πρῆγμα: ἀπαλλασσομένων τῶν Ἑλλήνων ἀπὸ τοῦ Ἀρτεμισίου, ὡς ἐγίνοντο κατὰ Χαλκίδα, οἱ Πλαταιέες ἀποβάντες ἐς τὴν περαιὶν τῆς Βοιωτίας χώρας πρὸς ἐκκομιδὴν ἐτράποντο τῶν οἰκετέων. οὗτοι μὲν νυν τούτους σώζοντες ἐλείφθησαν»³⁵⁵ (Hdt. VIII. 44. 1). Таким образом, после сражения платейцы вернулись в родной город и, вероятно, эвакуировались в направлении Аттики (при этом не смогли успеть к Саламинскому сражению, но и как жертвы персидского вторжения на афинские земли не отмечаются). Непосредственно же к роли платейской общины в комплектовании экипажей афинского флота Геродот не возвращается, как не обращается и Фукидид, который просто констатирует факт службы платейцев на афинских кораблях: «<...> τε ὄντες ἐναυμάχησαμεν ἐπ' Ἀρτεμισίῳ <...>»³⁵⁶ (Thuc. III. 54. 4). Наиболее обширная монография, посвящённая афинскому флоту (“The Athenian Navy in the Classical Period”) содержит весьма скудную информацию о платейцах, лишь отмечая их как лучников на афинских судах³⁵⁷ (на наш взгляд, – не аргументированно). Такое предположение допустимо, поскольку в связи с Платеями лучники упоминаются (Thuc. III. 24. 2), однако в сражениях при Марафоне (Hdt. VI. 108. 6) и Платеях (Hrd. IX. 28. 6) контингент города

³⁵⁵ «Ведь при Саламине платейцы не сражались на афинских кораблях вот почему. Когда эллины возвратились от Артемисия и прибыли в Халкиду, платейцы высадились на противоположный берег Беотии, чтобы перевезти свои семьи и челядь в безопасное место. И вот платейцы, спасая своих близких, не могли своевременно прибыть [на помощь].» Пер. Г.А. Стратановского. Речь не совсем о семьях и челяди, скорее, о «домашних», т.е. тех, кто дома, с кем ты живёшь. «ὁ οἰκέτης» это одновременно и домочадец, и раб, соответственно не следует их здесь разделять.

³⁵⁶ «Мы, присутствующие, сразились на море при Артемисии».

³⁵⁷ Jordan B. The Athenian Navy in the Classical Period. A study of Athenian Naval Administration and Military Organization in the Fifth and Fourth Centuries B.C. Berkeley: University of California Press, 1975. P. 203.

представлял собой ополчение гоплитов (которое, предположительно, могло иметь менее дорогое вооружение, чем афинские союзники, вследствие как размера, так и характера экономической деятельности Платейского полиса), а не легковооружённую пехоту, поэтому резкая смена военной специализации выглядит неправдоподобно. Отметим, что до этого момента платейцы не принимали участия в морских сражениях, знакомство с морскими просторами ограничивалось для подавляющего большинства граждан лишь редкими визитами на побережье Беотии, возможно – Аттики и Мегариды. Открытым остаётся вопрос, насколько боеспособен житель равнин и холмов при нахождении на палубе корабля в рамках боевых действий. С другой стороны, в теоретическом плане можно представить платейских граждан как гребцов на афинских судах. Эту точку зрения можно косвенно подтвердить данными из «Географии» Страбона. Автор пишет, что платейцы, скорее всего, получили название от весла³⁵⁸, то есть платейцы – те, кто зарабатывают вёслами (греблей), однако теперь их занятия не соответствуют имени, поскольку проживают далеко от озера (Strab. IX. 2. 17). О вёслах (αἱ πλάται) упоминал и Аристофан (Aristoph. Thesm. 771-773), вне сюжетов о платейских гражданах. Таким образом, согласно представлениям рубежа I в. до н.э. – I в. н.э., платейцы исторически имели определённый опыт судоходства, пусть уже и не актуальный в период римского владычества. Вопрос, конечно, состоит в том, насколько эти сведения соотносятся с исторической действительностью, поскольку другие авторы подобных моментов в истории Платейской общины не фиксируют. Тем не менее, в контексте данного свидетельства платейцы-гребцы на афинских кораблях уже не представляются чем-то чуждым. Как известно, граждане Платей получили те же права, что и афинские граждане (Thuc. III. 55. 3.; 63. 2), к тому же дважды спасались от враждебных войск за афинскими стенами: во время Греко-персидских войн и Пелопоннесской войны (второй случай рассмотрим ниже). Одним из наиболее логичных и простых способов заработка для беженцев нам видится служба в афинском

³⁵⁸ ἡ πλάτη – плоскость, лопасть

флоте, как в качестве гребцов, матросов, так, возможно, и в качестве эпибатов, что согласуется с мнением историков, в т.ч. И.В. Вострикова, о том, что в силу своего слабого имущественного положения феты (низшая категория афинских граждан) использовали службу на флоте как источник дохода³⁵⁹. Платейцы же, как мы уже отмечали, могли столкнуться с финансовыми проблемами во время жизни в Аттике. Таким образом, оба варианта использования платейского контингента в рамках боевых действий на море могли иметь место. Но если обратиться непосредственно к обстоятельствам сражения и его завершения, то наиболее вероятной нам представляется роль платейцев как морской пехоты. Поскольку в дальнейшем они покинули флот, то, будучи до этого гребцами, они бы в известной мере снизили скорость флота, что выглядит не совсем логичным. Однако с этим не согласен Джон Хейл, который буквально одной строкой пишет о том, что жители Платей были вынужденным решением для флота, поскольку афиняне снарядили кораблей гораздо больше, чем могли обеспечить гребцами³⁶⁰. Это утверждение мы не имеем возможности ни подтвердить, ни опровергнуть. Наиболее предпочтительным, на наш взгляд, выглядит продолжение участия (независимо от формы этого участия) платейских граждан в комплектовании афинского флота в эпоху классики (в том числе на фоне изменения места проживания платейцев), но сведения источников не предоставляют серьёзной опоры в данном вопросе. Так или иначе, городской центр Платей был разрушен: «ὁ γὰρ διὰ Βοιωτῶν τραπόμενος στρατὸς ἅμα Ξέρξῃ, ἐμπρήσας Θεσπιέων τὴν πόλιν, αὐτῶν ἐκλελοιπότων ἐς Πελοπόννησον, καὶ τὴν Πλαταιέων ὡσαύτως»³⁶¹ (Hdt. VIII. 50. 2; Diod. Sic. XI. 14. 5), а значит, и быт платейцев был в это время связан с бытом Афинской общины (эвакуация на Саламин или Пелопоннес). Допустимо предположить

³⁵⁹ Востриков И.В. Военная организация Афин (338–146 гг. до н.э.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Казань, 2014. С. 73-75.

³⁶⁰ Хейл Дж. Властелины моря / Под ред. Н.И. Никитенко, пер. Анастасьев Н.А. М.: АСТ, 2014. С. 49.

³⁶¹ «Ксеркс с войском прошёл Беотию, предав огню Феспии (феспийцы покинули свой город и бежали в Пелопоннес). Так же поступил он и с Платеями...» Пер. Г.А. Стратановского.

факт флотской службы беженцев в дальнейшем, в ходе Пелопоннесской войны, пусть и при молчании источников. Однако вопрос характера службы беотийцев, как и их роли в комплектовании экипажей судов, остаётся открытым.

Затем представители Платейской общины встречаются при упоминании афинского посольства в Спарту, отправленного с целью склонить лаконцев к активным действиям против персов (Hrd. IX. 7. 1). Беотийцы, совместно с жителями Мегар увещевают спартанцев (не без использования хитрости) присоединиться к делу защиты Эллады от мидян, пока ещё не стало слишком поздно. Результатом явилось начало похода спартанского войска под командованием Павсания. Примерно в это же время, командующий персов Мардоний принимает решение переместиться из Аттики в Беотию, разорив по пути Мегариду. Лагерь он разбивает на территории Платейского полиса³⁶² (Hrd. IX. 15. 3), на которую подойдёт и общегреческое войско (Hrd. IX. 25). Отмечается присутствие платейского контингента в размере 600 гоплитов, расположенного на левом фланге, который замыкали афинские силы (Hrd. IX. 28. 6). Кроме того, жители Платей противопоставляются всему остальному населению Беотии (Hrd. VIII. 66. 2; Hrd. IX. 31. 5). Отличие в численности беотийцев (в сравнении с Марафоном) вызваны, безусловно, разорением родной страны и необходимостью поддержки эмигрировавшей общины. В случае с Марафонской битвой, как уже было отмечено, полис предоставил максимально возможное количество ополченцев, в то время как к моменту Платейской битвы не было потребности (а может, и возможности) выставлять максимальное число воинов. При этом, жители Платей представлены большей частью (60%) собственных вооружённых сил. Ещё одним моментом, требующим внимания, является отсутствие упоминания погибших платейцев в результате этого сражения. Если за 11 лет до этого при Марафоне отмечается захоронение платейских граждан, то после Платейской битвы Геродот отмечает только павших представителей Спарты, Тегеи, Афин,

³⁶² В Платаиде, Платейской области.

Мегар и Флиунта (Hrd. IX. 85. 1-2). В этом ему противоречит Плутарх, утверждавший, что победа была общей заслугой всех присутствующих полисов, а потери составили 1360 человек (Plut. Arist. 19. 4-5). Нельзя обойти вниманием и откровенно мифологический пассаж, который описывает находки платейцев после сражения (Hrd. IX. 83. 2). Кости человека-гиганта, части скелета, представляющие собой одну сросшуюся воедино кость – отражение неких мифологических сюжетов, введённых, вероятно, для развлечения читателя. В честь победы союзного войска был учреждён праздник Элевтерий; в Дельфы, Олимпию и Истм были направлены посвящения культовым центрам. Отметим, что посвящение Аполлону Пифийскому представляло собой золотой треножник, находившийся на бронзовой колонне в форме трёх переплетённых змей, отлитой из оставленного проигравшими оружия. Несмотря на историю перемещений этого объекта, достойную отдельного исследования, мы лишь укажем, что на колонне имеются надписи, называющие те общины греков, которые «сражались в войне» (против персов). На 8 витке колонны находим платейцев (см.: Приложение Б, рис.8.).

Мы намеренно не стали приводить целый ряд упоминаний Платейского полиса и сражения³⁶³, поскольку они отражают только лишь временную характеристику, веку, хронологическую отметку, не несут другой информации, – при таком их характере кажется допустимым не рассматривать их в рамках нашей работы. Отдельно отметим, что, согласно античной традиции, в тот же день, что и Платейское сражение, произошла битва при мысе Микале (Diod. Sic. XI. 34. 1; 35. 3), в которой объединённая армия греков разбила персидское войско в Азии. Это позволило освободить полисы Малой Азии от власти персидского царя. В том сражении, на наш взгляд, совершенно точно не могли принимать участие представители полиса Платеи, поскольку значительная часть вооружённых сил общины стала участником Платейской битвы, оставшийся контингент (скорее всего) был занят гарнизонной службой

³⁶³ Например: Hrd. IX. 38. 1; 39. 1; 41. 1; 51. 1; 65. 1; 72. 1-2; 76. 1; 78. 1; 86. 1; 88. 1; 89. 1; 90. 1.

в Аттике, Пелопоннесе и на Саламине. Более того, допустимо предполагать, что 600 воинов – это было всё возможное ополчение города, поскольку имелись потери при Марафоне, скорее всего какая-то часть потерь флота при Артемисии тоже была представлена жителями Парасопии. Наконец, могли иметь место выбывшие по естественным причинам. В таком же ключе следует рассматривать и последующие события Греко-персидских войн: осады Сеста, Византия и Эйона, сражение при Эвримедонте, Египетская и Кипрская экспедиции не включали в числе собственных участников платейцев. Однако исключительно математическая вероятность участия гражданина Платей в этих событиях присутствует, хоть и является непроверяемой.

Беотийский полис Платей в рамках событий Греко-персидских войн являлся союзником Афин, а его жители отметились в основных событиях этого конфликта – битвах при Марафоне, Артемисии и Платеях. При этом сам городской центр был разрушен персидскими войсками, а община переместилась в изгнание (первый раз за V в. до н.э.). Представители полиса приобрели опыт как сухопутных, так и морских боевых действий. Отмеченный воинский контингент, выставленный гражданским коллективом, составлял максимально 1000 человек, потери же в ходе военных действий неопределённые (тезис об 11 платейцах, погибших при Марафоне, мы отвергаем). После победы в сражении при родном городе основным занятием населения представляется восстановление населённого пункта и святилища. В дальнейших событиях Греко-персидских войн ни полис, ни его граждане участия (по крайней мере – значимого) не принимали.

2.2. Платей в Пелопоннесской войне. Осада города

Непосредственное участие Платейской общины в Пелопоннесской войне³⁶⁴ прослеживается в ряде событий, схожих с таковыми в рамках Греко-

³⁶⁴ Подробнее о Пелопоннесской войне: Ленцман Я.А. Пелопоннесская война // Древняя Греция / Отв. ред. В.В. Струве и Д.П. Каллистов. М.: Академия наук СССР, 1956. С. 267-

персидских войн. Если в первой половине V до н. э. полис однозначно принимал участие в Марафонском, Платейском сражениях, навахии при Артемисии (предположения о прочих ситуациях участия/неучастия в событиях конфликта были отмечены ранее), то во второй половине столетия можно говорить об участии гражданской общины в следующих событиях: фиванской попытке захвата Платей, непосредственно осаде города, Мегарском походе, возможно – в Сицилийской экспедиции и деятельности Афинского флота на Самосе. Между двумя крупными военными конфликтами присутствие платейцев упоминается лишь в контексте восстания илотов в 464 г. до н.э., об этом 37 лет спустя говорит платейский гражданин после падения Платей (Thuc. III. 54. 5)³⁶⁵.

Следует подробно рассмотреть каждое из событий Пелопоннесской войны, где упоминаются граждане Платейского полиса.

Фукидид сообщает: «<...> ἐς Πλάταιαν τῆς Βοιωτίας οὖσαν Ἀθηναίων ἑνμαχίδα.» (Thuc. II. 2. 1)³⁶⁶. Особенно важно тут именование Платей союзником Афин, а не каким-либо другим понятием. И если факт союза предстаёт неоспоримым событием, то характер этого союза из пассажа неясен. В частности, согласно упоминанию характера отношений полисов у Геродота, платейцы отделились под защиту (или даже под власть) афинян (Hdt. VI. 108. 1), что, в любом случае, в определённой степени подразумевает неравенство

348.; Kagan D. The outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca: Cornell University Press. 1969. 440 p.; Ste Croix G.E. M. The Origins of the Peloponnesian War. Cornell University Press: Ithaca, 1972. 444 p.; Kagan D. The Archidamian War. Ithaca: Cornell University Press, 1974. 400 p.; Kagan D. The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition. Ithaca: Cornell University Press, 1981. 400 p.; Kagan D. The Fall of the Athenian Empire. Ithaca: Cornell University Press, 1987. 480 p.; Строецкий В.М. Особенности внешней политики Спарты и Афин в начальный период первой Пелопоннесской войны (460–455 гг. до н. э.) // ВДИ. 1987. №2. С. 37-50.; Lazenby J.F. The Peloponnesian War: A Military Study. London: Routledge, 2004. 336 p.; Tritle L.A. The Peloponnesian War (Greenwood Guides to Historic Events of the Ancient World). Westport: Greenwood Press, 2004. 232 p.; Строецкий В.М. Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V веке до н. э. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 291 с.; Tritle L.A. The New History of the Peloponnesian War. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. 314 p.

³⁶⁵ Третью часть гражданского коллектива (около 300-350 воинов) платейцы отправили на помощь спартамцам в составе контингента Афинской экспедиции.

³⁶⁶ Г.А. Стратановский переводил так: «В город Платеи, союзный Афинам...».

защитников и защищаемых. Само же сообщение Фукидида информирует о начале боевых действий между Платеями и Фивами, когда силы последних (чуть более 300) во главе с беотархами Пифангелом и Диепором предприняли попытку захвата исторически противостоящей им общины. Этот заговор (а не нападение, потому что заговорщики имели поддержку в среде платейцев и проникли в город беспрепятственно, их впустил Науклид, гражданин города – Thuc. II. 2. 2) был организован фиванцем Эвримахом сыном Леонтиада. Попытка эта не возымела успеха, призыв к мирному присоединению к Беотийскому союзу не был воспринят жителями города (Thuc. II. 2. 4), поскольку они не хотели восставать против Афин. Используя хитрость (притворное согласие на возобновление своего участия в союзе), они окружили фиванцев и несколько раз атаковали их. Несмотря на то, что атаки были отражены, фиванский корпус решил отступать из города, сражаясь с сопротивляющимися этому платейцами (среди которых были женщины и домашние рабы). Тем не менее, большинство путей из города уже было перекрыто, и отступление превратилось в охоту на отступающих. В итоге значительная часть нападавших были перебиты или разбились, спрыгивая со стен, а оставшиеся сдались на милость граждан Платей, под угрозой неминуемой расправы (Thuc. II. 4. 7-8).

Более крупный фиванский отряд, который должен был поддержать заговор, прибыл слишком поздно, вследствие разлива реки Асоп, и только тогда стала понятна неудача заговорщиков, смерть и сдача в плен большей части изначального отряда. В связи с этим, а также при наличии угроз казни пленных платейцами в случае неповиновения, второй фиванский отряд был вынужден отступить на территорию родного полиса, оставляя в плену 180 соотечественников (тех, кто был схвачен в городе) (Thuc. II. 5. 6-7). Фукидид, однако, отмечает, что это фиванский взгляд на данное событие, поскольку платейцы позже отвергали не только факт угрозы немедленной расправы над пленниками, но и обещание передать их позже (фиванским) союзникам. Так или иначе, не дожидаясь никаких переговоров или советов от союзных общин

(Афин), жители Платей казнили пленных фиванских инсургентов, а в промежутке между началом сражения на улицах города и подходом нового отряда постарались эвакуировать в город с близлежащей хоры всех, там находившихся, и скот. Среди казнённых Фукидид называет Эвримаха (изначального автора заговора). Новость о столкновении достигла Афин, где приняли решение, чтобы все беотийцы, находившиеся в Аттике, были $\xi\upsilon\nu\acute{\epsilon}\lambda\alpha\beta\omicron\nu$ ³⁶⁷, а в Платеи отправить вестника с указанием не совершать с пленниками ничего, что могло бы пересечь черту в отношениях с Фивами, но было уже поздно. Когда же общая ситуация стала известна в Аттике, гражданский коллектив принял решение отправить в беотийский город гарнизон с запасом провизии (Diod. Sic XII. 42. 2), на обратном пути эвакуируя женщин, детей и «<...> τῶν τε ἀνθρώπων τοὺς ἀχρειωτάτους <...>»³⁶⁸ (Thuc. II. 6. 4). Собственно, с этого момента (т.е. неудавшегося заговора) и до возвращения Платей в фиванскую сферу влияния древние отмечали начало Пелопоннесской войны³⁶⁹ (Thuc. II. 7. 1-3). Те платейцы, кто оказался после отмеченных событий в Афинах, не смогут долгое время вернуться в родной город (это произойдет не ранее, чем в 387 г. до н.э., 44 года спустя). Мы подразумеваем здесь всех городских некомбатантов, то есть около четырёх тысяч человек (см. гл. I), но М.Г. Хансен писал о меньшем количестве жителей самого городского центра на начало войны³⁷⁰, около двух тысяч человек. Более того, теперь судьба платейской гражданской общины будет неразрывно связана с гражданским коллективом Афин³⁷¹. Остаётся, однако, невыясненным, сколько ополченцев осталось в городе. Позднее,

³⁶⁷ Схвачены, задержаны, взяты в качестве заложников.

³⁶⁸ «Наименее пригодных/способных мужчин»; подразумеваются те, кто не мог участвовать в военных действиях.

³⁶⁹ 431 г. до н.э.

³⁷⁰ Hansen M.H., Nielsen T.H. An Inventory of archaic and classical Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 450.

³⁷¹ Следует учесть и эпидемию в Афинах, о влиянии которой на население полиса см.: Можайский А.Ю. «Чума» Фукидида и ее влияние на пайдейю // *Нуроткекаі*. 2022. №6. С. 129-144.

непосредственно при начале осады Платей (мы рассмотрим её отдельно), историк называет следующее количество оказавшихся осаждёнными: 400 граждан Платей, 80 афинян, 110 женщин, готовящих пищу (Thuc. II. 78. 3). Однако, как мы отмечали ранее, военные силы платейского полиса максимально составляли тысячу воинов. Число изначально направленных в город афинских сил не называется. Нам представляется, что контингент города мог быть большим, но объяснить отсутствие как минимум 200 платейских гоплитов (600 человек составлял контингент полиса в 479 г. до н.э. в Платейской битве) затруднительно. Допускаем, что прочие военные силы города могли быть задействованы в упомянутой эвакуации (кроме людей, могло эвакуироваться имущество, в частности скот, который увели в город); нести службу в местах дислокации на платейской хоре; войти в состав экипажей на судах Делосского союза (возможность последнего также обсуждалась нами). Но в свете мнения М.Г. Хансена о населении города, четыре сотни ополченцев представляются единственно возможной оценкой для его вооруженных сил в 431 г. до н.э. В таком случае гораздо проще объяснить столь большую разницу в сведениях древних авторов о контингенте Платей в разные периоды истории. Если упоминаемая Фукидидом эвакуация охватывала только сам городской центр и находившихся неподалёку граждан, то значительная часть коллектива не была в курсе происходящего, поскольку проживала в селениях по всей хоре, за пределами города³⁷². Соответственно, часть этих людей (примем общее их количество как $5500 - 2000 = 3500$, где из средней оценки всего населения полиса вычтем число жителей города по Хансену) могла оказаться принужденной к покорности фиванцами; некоторое их количество могло попытаться провести эвакуацию самостоятельно; особо консервативные элементы могли дистанцироваться от конфликта и просто остаться в местах проживания (это сомнительно, поскольку с очень большой вероятностью было бы отмечено в источниках); наконец, часть платейцев была

³⁷² Konecny A., Aravantinos V., Marchese R. Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis. Wien: Österreichisches Archäologisches Institut, 2013. S. 28.

не против перехода под власть фиванцев в рамках Беотийского союза. Таким образом, население платейской хоры могло выставить воинский контингент ориентировочно в 600-750 человек максимум. Можно, следовательно, сказать, что «пропавшие» платейские воины «найжены». Отметим, что точные сведения не сообщаются источниками, а наше предположение исключительно умозрительное, однако оценка М.Г. Хансена представляется вполне реальной. Так или иначе, подавляющая часть гоплитов из Платей в последующие годы должны были быть задействованы именно на беотийском театре военных действий конфликта (независимо от воюющей стороны), в связи с необходимостью контроля территории самого Платейского полиса.

Два года спустя, в 429 г. до н.э., произошло новое событие, выделившее место полиса Платей в общем ходе войны. Войско Пелопоннесского союза под командованием царя Спарты Архидама вместо очередного вторжения в Аттику вступило на беотийские земли с целью разорить область Платей. Тем не менее, источник сообщает о попытке переговоров (Thuc. II. 71. 2 – 72. 1). Платейцы апеллировали к постановлениям Павсания после Платейской битвы о сохранении всеми союзниками в борьбе против персов независимости полиса. Соответственно, вторгаясь и намереваясь разорить Платаиду, Архидам нарушал установления спартанского же царя, тем более что фактически он помогал сделать это злейшим врагам платейцев – фиванцам (которые при Платеях сражались против объединённого эллинского войска), в нарушение принципа платейской независимости. Сам Архидам отмечал, прервав речь горожан, что их слова справедливы лишь в случае соблюдения всех тех установлений самими платейцами. Но теперь они сами подчинены афинянами, потому и необходимо восстановить независимость (от Афинского полиса) (Diod. Sic. XII. 47. 1). Соответственно, от Платей требуется быть нейтральными в конфликте, не вставать ни на чью сторону, тогда действительно община будет обладать свободой и независимостью. Непосредственно войску же нужно всего лишь передать «*πόλιν μὲν καὶ*

οἰκίας»³⁷³, указать границы области (Платейской), сосчитать и передать сведения обо всём, что необходимо (упоминаются плодоносящие деревья, соответственно, всё остальное – что может обеспечить войско припасами) и выйти из любых союзных отношений в рамках войны (Thuc. II. 72. 3). Жители города обязаны будут эвакуироваться, а после войны всё имущество и использованные войском припасы будут возмещены. Платейцами было отмечено, что подобные условия не могут быть приняты или отвергнуты ими без предварительной консультации с Афинским полисом (как в силу союзнических обязательств, так и нахождения в нём значительного числа платейских беженцев); Архидам согласился на отправку беотийцами посольства, а до его прибытия он обещал соблюдать перемирие и не разорять область полиса.

Посольство в течение нескольких дней успело вернуться и передать слова афинян о том, что никогда Платеи не предавали союзников, независимо от угрозы, грозившей общине, и надеются на это и впредь. Жители города решили не обманывать афинских ожиданий и соблюсти союз. В связи с этим ответ Архидаму о том, что его требования не могут быть выполнены, был дан не посредством переговоров, а «ἀπὸ τοῦ τεύχους»³⁷⁴, то есть платейцы понимали, какие действия последуют за отвергнутым ультиматумом. Посчитав, что жители таким образом сами не соблюдают клятв 479 г. до н.э. (Thuc. II. 74. 2), Архидам начинает боевые действия. Вокруг городской стены возводится ограда из вырубленных в платейской округе деревьев, чтобы никто не мог больше покинуть город незамеченным; на следующий день начинается возведение земляного вала, укрепленного решётчатыми конструкциями из деревьев, срубленных на склоне Киферона, дополнительно используется весь материал, который можно было найти в округе. Работы велись на протяжении семидесяти дней, в том числе ночью (Thuc. II. 75. 3), посменно. Наблюдая всё это, городской гарнизон начинает осуществлять контрмеры. На участке

³⁷³ «Город и дома», то есть отдать всё недвижимое имущество, как и сам городской центр.

³⁷⁴ «со стены»

городской стены, напротив которой насыпался вал, платейцы надстроили деревянную стену, встроив в неё кирпичи из близлежащих домов. Конструкция скреплялась брёвнами для устойчивости (вследствие её высоты), а также покрывалась шкурами и кожами для защиты древесины от источников огня и строителей от обстрелов. В итоге оказалось, что, когда новый уровень стены был закончен, то создание вала не продвинулось сколь-либо значительно, в связи с чем платейцы разобрали нижнюю (каменную) часть стены в месте, где вал примыкал к ней, и стали выносить землю на территорию города, чтобы вал не увеличивался. Это было обнаружено, и тогда осаждающие попытались предотвратить дальнейший разбор вала осаждёнными, обмазали тростниковые плетни глиной и бросили их в образовавшийся провал, чтобы укрепить насыпь и лишить противника возможности ее раскапывать и выносить, как обычную землю (Thuc. II. 76. 1.). В ответ на это жители города прокопали подземный ход из города под вал и стали разрушать его так же, как и раньше. Параллельно этой работе за фрагментом стены (точнее сказать, уже башни), находившейся перед насыпью, они начали строить ещё одну стену, чтобы – в случае захвата внешнего укрепления – можно было отступить, и враг оказался в ещё менее выгодном положении. В таких условиях пелопонесское войско начало приступ с использованием осадных машин, который отражался платейцами с различной степенью успешности. В результате, понимая, что ни механизмы, ни вал не могут способствовать захвату города, (вероятно) Архидамом принимается решение о полноценной блокаде города с обведением его стеной (Thuc. II. 77. 1; Diod. Sic. XII. 56. 1). Тем не менее, была предпринята попытка решить вопрос недружественного городского центра без затрат на проведение длительной осады: собственно, сжечь город. Осуществить это планировалось с помощью вязанок хвороста, бросаемых в пространство между валом и стеной, а затем уже и в сам город, за стену. После поджога этой древесины, по сообщению Фукидида, пожар разросся до таких размеров, что мог действительно уничтожить город (навигация в котором между частями стала невозможна), если бы не чудо природы. Отмечается, что «<...> ὅδωρ [ἐξ

οὐρανοῦ] πολὺ καὶ βροντὰς γενομένας³⁷⁵», что спасло Платеи от полного разрушения. В результате, поскольку все попытки покорить город не удались, войско пелопоннессцев построило вокруг полиса стены, распределив участки для гарнизонов отдельных общин союза, а затем разделилось. Доля (μέρος) контингента осталась для поддержания осады на построенных вокруг стенах, остальная же часть войска была распущена, кроме прочих беотийцев (во главе с фиванцами), которые составили половину необходимого для поддержания осады гарнизона (Thuc. II. 78. 2). Внутри кольца осады остались 590 человек (как уже упоминалось ранее). Именно так и начались события осады Платей, которая продлится два года и приведёт к опустошению города.

В рамках боевых действий на других театрах конфликта мы не находим упоминаний платейских граждан. Вступая на зыбкую почву предположений, допустим, что некоторая часть эвакуировавшихся могла затем входить в афинские воинские и флотские контингенты или нести гарнизонную службу в Аттике, пока сами афиняне воюют за пределами родного города. Однако подобных сведений в источниках мы не находим. Более того, учитывая факт эвакуации в Афины тех, кто не мог составлять воинский контингент города, можно предположить, что та небольшая часть взрослых трудоспособных мужчин Платей, которые оказались в эвакуации, могли заниматься организацией быта общины на территории союзного полиса, экономической деятельностью по обеспечению необходимым женщин, стариков и детей. Однако это может быть оспорено тем, что именно в этот период жизни (чуть позже, после 428 г. до н.э.) платейцы, находившиеся в Аттике, получают права граждан и будут распределены в местные демы и трибы (сведения об этом находим у Демосфена, Исократы и Лисия, их мы рассмотрели и прокомментировали в гл. I). Поэтому заботиться об их относительном благосостоянии могли и афинские граждане. Тем не менее, сложно говорить определённо о жизни общины в этот период, как и о том, чем занимались осаждённые в городе.

³⁷⁵ «Прошёл обильный дождь (с неба) и гроза.»

В следующий раз Платеи упоминаются в событиях 428 г. до н.э. Контингент, оставшийся в городе после эвакуации, приходит к пониманию безнадёжности своего текущего положения (в том числе в связи с истощением запасов провизии) и начинает формировать план по прорыву пелопонесской блокады. Были изготовлены лестницы, которые позволили бы подняться на внутреннюю стену, возведённую осаждавшими, и покинуть осаждённый полис. Дождливой ночью была предпринята попытка прорыва, в которой участвовало 220 человек (Thuc. III. 20. 2). По лестницам удалось взобраться на стены до того, как осаждающие подняли тревогу. Затем, в одно время с отвлекающей вылазкой оставшихся в городе с противоположной стороны городских стен, вступая в противоборства и стычки, платейцы минуют пространство между стенами (превращённое в подобие жилых помещений), спускаются со второй стены к внешнему рву, где отражают контратаку отряда в три сотни человек, используя недостаток видимости ночью. После этого прорвавшиеся двигаются в направлении Фив, чтобы обмануть потенциальных преследователей, и через шесть-семь стадиев поворачивают в сторону Эрифр и Гисий, в итоге достигнув Афин. Этим способом спаслось двести двенадцать человек (Thuc. III. 24. 2). Один лучник был захвачен в плен, уже оказавшись снаружи внешней стены, остальные вернулись в Платеи, когда не смогли пересечь стены. Таким образом, в самом городе осталось триста семьдесят семь человек. Источники не сообщают этнический или гендерный состав отряда прорыва, поэтому предположим, что все женщины остались в городе (поскольку они вообще не упоминаются в этом эпизоде), как и часть афинского гарнизона. Большую часть, должно быть, составляли платейцы. Соответственно, внутри Платей остались двести шестьдесят семь вооружённых воинов. Эта оценка максимальная, поскольку Фукидидом отмечаются тяжелые условия проживания в осаде, но не упоминаются погибшие за первый год осады, хотя таковые могли быть. В любом случае, судьба оставшихся для защиты Платей (независимо от их количества) окажется незавидной.

В следующем году (427 г. до н.э.) по причине исчерпания припасов осаждённые в городе принимают решение о сдаче. В свою очередь, пелопоннесцы пообещали справедливый суд для осаждённых и то, что наказаны будут только провинившиеся. Защитники отвечают согласием, и военные действия прекращаются, а сдавшихся несколько дней будут откармливать (настолько велика была степень истощения). Затем прибывают пятеро судей из Лакедемона³⁷⁶, которые и должны вершить суд над оставшимися защитниками города (Thuc. III. 52. 3). Однако обвинений никому предъявлено не было, был задан один вопрос: сделали ли они (жители Платей) что-либо хорошего для спартанцев и их союзников во время войны (Thuc. III. 52. 5; Diod. Sic. XII. 56. 5)? Ответить на вопрос вызвались Астимах, сын Асополая и Лакон, сын Аимнеста (бывший прокшеном лаконцев в городе), однако, несмотря на аргументы о несогласии с привлечением фиванцев к участию в суде (вследствие известных проявлений мидизма), о долгом союзническом взаимодействии со Спартой, как и месте общины в общегреческой борьбе за свободу, их речь была встречена речью фиванских представителей, которые обвинили граждан Платей в излишней приверженности Афинам – аттиризме (?) в противовес мидизму; нарушении различных договорённостей; участии в агрессивной захватнической политике Афин; несправедливой казни сдавшихся фиванцев (см. события попытки переворота в городе). После этого коллегия судей стала вызывать всех пленников по одному и задавать им тот же справедливый (по мнению спартанцев) вопрос. Получив отрицательный ответ (а так, согласно источнику, ответил каждый), пленника убивали (Thuc. III. 68. 1), каждого, без исключения, а женщины были обращены в рабство. Количество убитых платейцев Фукидид отмечает как «οὐκ ἐλάσσοις διακοσίων»³⁷⁷, к ним прибавляя двадцать пять афинян. Таким образом, на момент завершения осады в городе оставалось всего 335 человек, что, в целом, может быть соотнесено с результатом нашего

³⁷⁶ «<...> οἱ ἐκ τῆς Λακεδαίμονος δικάσταί πέντε ἄνδρες ἀφίκοντο.»

³⁷⁷ «не менее двухсот»

подсчёта в 377 человек, оставшихся после прорыва блокады. Остальная часть гражданской общины платейцев находилась в Аттике, в то время как территория города была отдана поселенцам из Мегар и платейцам, которые изначально выступили в поддержку Фив. Через год город был разрушен, землю же отдали в аренду фиванцам сроком на десять лет, а из городских руин было построено святилище в честь Геры. Таким образом, закончилось существование Платей как городского центра, спустя 93 года после того, как они вступили в союз с Афинами (Thus. III. 68. 5), что даёт дату начала союза 520-519 гг. до н.э. (см. гл. I), которую оспаривает Р. ван Вийк³⁷⁸.

Говоря об этом союзе, необходимо определить характер отношений между Афинами и Платеями. В своё время В.П. Бузескул отмечал, что участников этого союза можно разделить на автономные и неавтономные³⁷⁹. Первые являлись полностью самостоятельными во внутренней политике и должны были лишь поставлять определённый контингент флота. Вторые были подчинены – посредством двусторонних договоров – власти Афин и вынуждены были платить «ὁ φόρος», взнос в общесоюзную казну. Следовательно, если бы Платейский полис находился в составе союза на правах подчиненной общины, то название города непременно можно было бы встретить в списках полисов, вносивших необходимые суммы в общий фонд. Однако в таких списках (IG I³ 259 – IG I³ 291) Платеи не обнаруживаются, они лишь упоминаются Фукидидом в ряду плательщиков (Thus. II. 9. 4). При этом в числе автономных, самостоятельных союзников Афин интересующая нас община тоже отсутствует. В.П. Бузескул полагал, что к середине V в. до н.э. независимых членов союза было всего три – Лесбос, Самос и Хиос³⁸⁰. Платеи же, согласно нарративной традиции, к этому времени имели продолжительный опыт тёплых отношений с юго-восточными соседями (Hdt. VI. 108. 1-6).

³⁷⁸ Wijk, van. R. Athens, Thebes and Plataia and the end of the sixth century BCE // Journal of Ancient History. 2017. Vol. 5 (2). P. 21.

³⁷⁹ Бузескул В.П. История Афинской демократии / Науч. редакц. Э.Д. Фролова, М.М. Холода. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. С. 243.

³⁸⁰ Там же.

Соответственно, множественные свидетельства дружественных отношений Платей и Афин не дают однозначного ответа об участии первых в надполисном объединении вторых. Древние авторы в интересующем нас плане немногословны, однако сообщают достаточно интересную информацию. Встречаются сообщения о союзе Платей и Афин (Thuc. II. 2. 2; Diod. Sic. XV. 46. 4); при этом упоминается и характер этого союза – Диодор говорит о Платеях как о союзнике Афин, имевшем автономию (Diod. Sic. XII. 41. 2). Кроме того, Ксенофонт прямо отмечает самостоятельность Платей до Пелопоннесской войны (Xen. Hell. VI. 3. 5). Выделенные два противоречащих друг другу пассажа (наряду с фрагментом «Истории» Фукидида) не позволяют сделать однозначный вывод. Однако дополнительным уточнением могут служить сведения Геродота (Hdt. VIII. 1. 1) и Фукидида (Thuc. II. 54. 4) о службе граждан Платей на афинских кораблях (этот вопрос был нами рассмотрен)³⁸¹. Приняв тезис В.П. Бузескула о том, что автономные полисы-союзники Афин обязаны были поставлять воинский контингент в состав союзного флота, и, учитывая сведения письменных источников, мы можем предположить, что Платеи являлись именно таким независимым участником симмахии. Тем не менее, не снимается противоречие в сведениях нарративных источников, не позволяющее однозначно ответить на вопрос о степени вовлеченности Платей в Делосский союз. Таким образом, на основании имеющихся сведений нельзя строго определить уровень инкорпорации Платейской общины в первый Афинский морской союз. Письменные источники, к которым мы обращаемся, чтобы внести некоторую ясность в обозначенную проблему, лишь в ограниченном объёме дают возможность конкретизации платейского статуса. Наиболее вероятным является предположение об автономности Платей в рамках Афинского союза, что подтверждается фактом военной службы платейских граждан в афинском

³⁸¹ Кореньяк В.С. Участие Платей в битве при Артемисии // Всероссийская научная конференция «XXIII Сергеевские чтения». Сборник тезисов / Ред. И.А. Ладынин, А.В. Сафронов. М.: Гаудеамус, 2025. С. 49.

флоте и отсутствием полиса в списках плательщиков союзных взносов. Отметим, что возможно одно единственное допущение в этом вопросе: Платей могли являться самостоятельной общиной, проводившей проафинскую политику вследствие двустороннего межполисного договора. Этим можно объяснить противоречия относительно статуса полиса в источниках, однако такой договор нам не известен.

В последующих событиях, тем не менее, мы встречаемся с упоминанием платейского контингента. Во время афинского похода против Мегар (423 г. до н.э.) в вооружённых силах афинян имелись легковооружённые платейцы (Πλαταιῆς τε ψιλοὶ – Thuc. IV. 67. 2), сражавшиеся совместно с афинскими периполами³⁸² при захвате гавани Мегар. Участие в прочих военных событиях этого периода в источниках не отмечается, однако характер упоминания, скорее, позволяет говорить о гарнизонной службе платейцев в Аттике, с привлечением их к операциям локального характера.

Продолжая тему участия платейцев в событиях Пелопоннесской войны, нельзя не упомянуть заселение Скионы афинскими колонистами. В 420 г. до н.э., когда город был взят и подвергнут, можно сказать, «платейской судьбе»³⁸³ (Thuc. V. 32. 1), в него были направлены граждане Платей (Diod. Sic. XII. 76. 3) из числа тех, кто проживал в Аттике. Об их жизни в Скионе неизвестно ничего, кроме того, что после поражения афинян при Эгоспотамах (405 г. до н.э.) платейцы-поселенцы должны были снова вернуться в Афины. Возможно, именно этим фактом объясняется следующее по времени упоминание граждан Платей.

Последнее упоминание воинов платейского полиса встречается на завершающем этапе войны. Во время Сицилийской экспедиции (415-413 гг. до н.э.) в перечислении общин, участвовавших в конфликте, названы платейцы (Thuc. VII. 57. 5). В данном фрагменте говорится о том, что среди афинских

³⁸² Востриков И.В. Военная организация Афин (338–146 гг. до н.э.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Казань, 2014. С. 34.

³⁸³ «Мужчины были убиты, женщины и дети обращены в рабство.»

сил были эолийские общины Мифимны, Тенедоса и Энеи. Они были подчинены Афинам в рамках Делосского союза, причём первые снаряжали корабли для союза, вторые и третьи выплачивали форос. Согласно тексту источника, эти эолийцы воевали со своими ктистами³⁸⁴ по принуждению, в то время как платейцы сражались с остальными беотийцами из ненависти к ним. Вот здесь возникает сложность: невозможно понять, приводятся ли граждане Платей как риторический пример противостояния с представителями собственного этноса без принуждения или они входили в состав афинской экспедиции. На наш взгляд, всё-таки можно допустить участие в заморских военных действиях платейского контингента, поскольку на завершающем этапе войны Афины испытывали определённую нехватку людских ресурсов. Тем более, что такое участие (и потери в его рамках) подтверждается Павсанием (Paus. I. XXIX. 12). Спорно (в силу рассмотренного ранее союзного взаимодействия Афин и Платей) упоминание общины рядом с подвластными гегемону Делосского союза участниками объединения. Хотя Фукидид и во второй книге «Истории» отмечает Платейский полис среди тех, кто платил взнос в казну (Thuc. II. 9. 4), мы уже подчеркивали, что никакими другими источниками это не подтверждается, тем более что с момента получения платейцами афинского гражданства юридически некорректно относиться к ним как к отдельной общине и требовать подтверждения их участия в союзе теми или иными взносами. Впрочем, использование союзных общин для пользы Афин подчеркивал С.Я. Лурье³⁸⁵.

Более никаким образом Платеи не упоминаются в рамках событий Пелопоннесской войны³⁸⁶. Скорее всего, мы можем поставить знак равенства

³⁸⁴ Основателями, устроителями.

³⁸⁵ Лурье С.Я. Эксплуатация афинских союзников // ВДИ. 1947. № 2. С. 13-27.

³⁸⁶ По вопросам дальнейших конфликтов региона см.: Лурье С.Я. Беотийский союз. СПб.: Сенатская типография, 1914. 762 с.; Buck R. A History of Boeotia. Edmonton: The University of Alberta Press, 1979. 206 p.; Buckler J. The Theban Hegemony, 371-362 BC. Cambridge: Harvard University Press, 1980. 389 p.; Кутергин В.Ф. Беотийский союз в 379–335 гг. до н. э. Саранск: Издательство Мордовского Университета, 1991. 184 с.; Buck R. Boiotia and Boiotian League, 432-371 BC. Edmonton: The University of Alberta Press, 1994. 183 p.; Hammond N.G.L. Political developments in Boeotia // The Classical Quarterly. 2000. Vol. 50.1.

между афинским и платейским гражданским коллективами в последующие годы, в том числе, когда Афинский флот на Самосе не признал олигархического переворота 411 г. до н.э. и сам стал центром политической власти демократических Афин. Мы можем допустить, что среди экипажей судов служили платейские граждане, однако никаких сведений в подтверждение этого факта привести невозможно. Дополнительно можно только отметить, что небольшое количество платейцев могло продолжать участвовать в комплектовании афинских вооружённых сил и флота, а значит, и участвовать в конфликтах в качестве афинских солдат. Именно в таком ключе можно допускать присутствие граждан Платей в тех или иных событиях Коринфской войны (395-387 гг. до н.э.): битвах при Галиарте, Коринфе, Коронее.

Уверенно мы можем сказать то, что платейцы помогали в восстановлении Афин после предыдущего конфликта, например, в реконструкции Длинных стен (Xen. Hell. IV. 8. 10)³⁸⁷. Наиболее важным моментом предстаёт окончание войны, а именно – заключение Анталкидова (Царского) мира. Согласно одному из условий этого договора, все крупные и малые полисы (кроме Лемноса, Имброса и Скироса) должны стать независимыми: «<...> τὰς δὲ ἄλλας Ἑλληνίδας πόλεις καὶ μικρὰς καὶ μεγάλας αὐτονόμους ἀφεῖναι <...>» (Xen. Hell. V. 1. 31). Это привело к возвращению платейской гражданской общины непосредственно в Платеи, где граждане должны были приступить уже к восстановлению собственного городского центра. В этот период становятся дружественными отношения между Спартой

P. 80-93; Beck. H., Ganter A. Boiotia and Boiotian Leagues // Federalism in Greek Antiquity / Ed. by H. Beck and P. Funke. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 132-157; The Dancing Floor of Ares. Local Conflict and Regional Violence in Central Greece // Ancient History Bulletin Supplemental Vol. 1 / Ed by. F. Marchand and H. Beck. 2020. 204 p.; Можайский А. Ю. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в Беотии: становление Фиванского полиса // Списание «ЕПОХИ». 2023. Т. 31. № 1. С. 25-36. Более поздний период, но в общем контексте, затрагивает и Беотию: Холод М.М. Филипп II и Афины после сражения при Херонее (338 г. до н. э.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 1998. Вып. 2. С. 18-21.

³⁸⁷ Речь идёт о добровольцах из Беотии, в число которых могли входить и платейцы, особенно, если учесть навыки строительства укреплений времён осады города.

и Платеями, что привело к размещению в городе спартанского гарнизона «ὁ μὲντοι ἐν τῇ ἀκροπόλει ἀρμοστής ἐπεὶ ᾗσθετο τὸ νυκτερινὸν κήρυγμα, εὐθὺς ἔπεμψεν εἰς Πλαταιὰς καὶ Θεσπιάς ἐπὶ βοήθειαν»³⁸⁸ (Xen. Hell. V. 4. 10) и, вероятно, к участию платейских граждан в военных операциях спартанцев (Isoc. 14. 11-12). Соответственно, такое положение дел имело место до событий Беотийской войны³⁸⁹. В рамках этого конфликта Фиванский полис сможет укрепить своё положение, изгнать спартанские силы из Беотии и воссоздать Беотийский союз, система управления которого известна (Hell. Оху. X, XI; см. Приложение А, фрагмент 1).

Не по своей воле, конечно, но Платеи вошли в состав возобновлённого союза, вероятно, с ограничением собственной самостоятельности как политической общины. В 373 г. до н.э. Фивы, предупреждая заговор в Платеях, организованный с целью вернуться в Афинскую сферу влияния, захватывают город и присоединяют его к собственным владениям (Diod. Sic. XV. 46. 4-6), на этот раз позволяя жителям самостоятельно уйти в изгнание (Paus. IX. 1. 5-8), не проводя казней сторонников независимости. Так платейцы вторично за 54 года оказываются изгнанниками в Аттике, где возобновляются дарованные им права гражданства. Вернуться домой они смогут только во второй половине IV в. до н.э., после событий Македонского завоевания Греции. Стены города будут восстановлены лишь в 331 г. до н.э.³⁹⁰ На этом заканчивается история полиса Платеи как самостоятельной политической единицы, тем самым достигается верхняя хронологическая граница нашего исследования.

Платейский полис значительно отметился в рамках событий Пелопоннесской войны. Город предстаёт перед нами верным афинским союзником, он принимал деятельное участие в первом этапе войны, забирая на

³⁸⁸ «Лакедемонский гармост, находившийся в фиванском акрополе, услышав ночью возгласы глашатаев, немедленно послал за помощью в Платеи и Феспии.» Пер. С.Я. Лурье.

³⁸⁹ 378-362 гг. до н.э.

³⁹⁰ Hansen M.H., Nielsen T.H. An Inventory of archaic and classical Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 451.

себя часть внимания Пелопоннесского союза в Беотии, что не позволяло более активно оказывать давление на население Аттики. Контингенты граждан Платей принимали участие, естественно, в предотвращении олигархического переворота в городе, его осаде, Мегарском походе. Городской центр был вновь (как и во время Греко-персидских войн) захвачен, затем разрушен, а его гражданский коллектив переселился в Афины. При этом мы можем утверждать, что община граждан сократилась в связи с утратой территории, военными потерями, тяжёлыми условиями жизни в другом полисе, а также эпидемией в Афинах. Единственные сведения, сообщаемые источниками о количестве воинского контингента города – это 400 человек, защищавшие городские стены большую часть осады. Из них около 200 были казнены после сдачи города силам Пелопоннесского союза. После потери города упоминания воинов из Платей спорадичны, но предполагают наличие платейцев в составе флотских и воинских контингентов Делосской симмахии.

Военная история полиса Платеи предстаёт перед нами органичной частью общегреческой событийной канвы. Община становится участником главных исторических событий периода Греко-персидских и Пелопоннесской войн. Граждане полиса участвовали в Марафонском и Платейском сражениях, морской битве при Артемисии, осаде Платей, Мегарском походе (и, вероятно, Сицилийской экспедиции). Беотийский регион же выступил как территория протекания крупных, панэллинских, военных конфликтов. В первые двадцать лет V в. до н.э. Беотия стала тем рубежом, который позволил отстоять независимость греческих городов-государств. Пятьюдесятью годами позже застарелый локальный конфликт превратил регион в отправную точку крупнейшего конфликта между гражданскими общинами античной Эллады – Пелопоннесскую войну. В её результате коллектив Платей оказался изгнан с родной земли на сорок лет. Затем город принял участие в Коринфской и Беотийской войнах (с разной степенью вовлечённости в них). С 373 г. до н.э. город и его граждане оказались в полном подчинении Беотийского союза.

Несмотря на географическую периферийность, Платеи стали одной из самых заметных (прежде всего, в символическом плане) общин региона и, в контексте ряда событий, всего греческого мира. Это было вызвано тем, что полис на протяжении более чем сотни лет³⁹¹ принимал активное участие в событиях общегреческой истории. Не последнюю роль в таком положении общины сыграл её двойственный характер: географическая принадлежность к Беотии при наличии ряда противоречий с другими центрами региона, в наибольшей степени – с Фивами; достаточно близкие дипломатические и религиозные отношения с южным соседом, Афинами; столкновение интересов (как следствие перечисленного) других городов-государств именно на территории полиса Платеи. Для раскрытия такого пограничного характера Платейской общины обратимся к некоторым теоретическим подходам к проблеме границы, а также к типологии античных гражданских общин, которые уже существуют в антиковедении.

³⁹¹ С Греко-персидских войн до Беотийской войны.

Глава III.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОБЩЕНИЕ ИСТОРИИ ПЛАТЕЙСКОГО ПОЛИСА КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

3.1. Беотийский подтип классического полиса и Платеи как его представитель (развитие концепции “city-state culture” М.Г. Хансена)

Рассмотрев различные аспекты истории платейского полиса на основе разнообразного источникового материала, отметим, что достаточно чётко прослеживается определённое своеобразие изучаемой общины. Участие в общегреческих событиях, таких как военные конфликты V в. до н.э., внутрибеотийском противостоянии с Фивами, наложило отпечаток на Платеи, который можно охарактеризовать как «фронтирность» или фронтирное положение. Однако для того, чтобы более чётко раскрыть указанный характер политического объединения, обратимся сначала к уже имеющемуся в историографии концепту «полисной культуры».

Известный датский антиковед Могенс Герман Хансен большую часть научной карьеры посвятил исследованиям понятия «полис» во всём его многообразии. Учёный рассматривал полис и как явление Античности, и как своеобразную «универсалию». Среди результатов исследований Хансена можно выделить попытку создания универсального определения понятия «полис» (т. н. “Lex Hafniensis de Civitate”)³⁹², формирование единого Каталога полисов архаического и классического периодов³⁹³. Если в первом случае невозможно бесспорно принять точку зрения исследователя, то во втором мы видим монументальную работу команды Копенгагенского центра по

³⁹² Hansen M. Polis. An introduction to the Ancient Greek City-State. Oxford: University Press. 2006. P. 146.

³⁹³ Hansen M. An Inventory of archaic and classical Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. Oxford: University Press, 2004. 1396 p.

изучению полиса (Copenhagen Polis Centre) в русле сбора и систематизации информации о всех полисных общинах классической Античности.

Собственно, отмеченный «закон» – “*Lex Hafniensis de Civitate*”, сформулирован следующим образом: термин «полис», который встречается в источниках классического и архаического периодов, обозначает городской центр, однако не любой т.н. «город», а такой, который в то же самое время является центром политического сообщества. Иными словами, если при чтении исторических источников обозначенного времени мы встречаем термин «полис», то речь идет не просто о поселении/городе, но и о политической единице. Неоднозначный характер такого подхода нами уже отмечался³⁹⁴. Впоследствии исследователь применил своё определение к конкретному материалу и выделил в общей сложности 37 «культур» городов-государств (“city-state culture”), независимо от времени их существования³⁹⁵. По существу, речь идет о типах общин. В число выделенных Хансеном культур входят и полисы древней Эллады архаического и классического периодов, которым посвящён отдельный труд Копенгагенского центра – Каталог полисов архаического и классического периодов. Культуры городов-государств выделяются на основе определённого набора характеристик. Таких необходимых элементов исследователь приводит пятнадцать, отмечая, что не все они могут одновременно проявляться в той или иной культуре, а значит, и не у каждой отдельной общины, относимой к данной культуре. Наличие сразу всех характеристик – некое «идеальное» проявление культуры, однако конкретного минимального количества их, т.е. элементов, которым должна соответствовать общность для ее отнесения к определенной культуре, автор не называет. Но очевидно, что соответствующей, в частности, полисной

³⁹⁴ Кореньяк В.С. Взгляд на беотийские Платеи в ракурсе «Копенгагенского закона о полисе»// Чтения имени А.С. Дембовецкого. 755-летию Могилева посвящается: сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / М-во образования Респ. Беларусь, М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Белорус.-Рос. ун-т; редкол.: М.Е. Лустенков (гл. ред.) [и др.]. Могилев: Белорус.-Рос. ун-т, 2022. Ч. 1. С. 383-386.

³⁹⁵ Hansen M. Polis. An introduction to the Ancient Greek City-State, Oxford University Press. 2006. P. 17-23.

культуре, можно, скорее, посчитать общину с совпадением 10 из 15 элементов, чем общину с совпадением 3 из 15. По нашему мнению, исследователь осуществляет смешение понятий в рамках собственной концепции и не всегда пользуется сформулированными им характеристиками именно как критериями типологизации (основаниями деления на типы, в его терминологии – на культуры). Сопоставление упомянутых критериев/характеристик с данными о том или ином городском центре позволяет не столько считать этот городской центр представителем одной из 37 культур, сколько дает возможность отнесения того или иного гражданского коллектива к полисной культуре, тем самым противопоставляя его другим формам человеческого общежития. Следовательно, датским ученым производится излишняя генерализация понятия «полис», вследствие чего могут остаться незамеченными те или иные индивидуальные черты развития гражданских общин.

Концепция Хансена критиковалась его коллегами, – так, Пьер Фрёлих³⁹⁶, подвергнув работу Копенгагенского центра наиболее полному разбору, указал на не всегда правильное противопоставление архаического и классического полисов друг другу, на излишнее стремление к подсчётам и статистике, на пренебрежение к эллинистическому полису, в конце концов, на излишне широкую трактовку понятия «полис». И.Е. Суриков отмечал необходимость дополнительных уточнений для определения понятия «полис», а также возможность существования полиса без территории³⁹⁷. В связи с этим нам представляется перспективным рассмотрение элементов предложенной Хансеном типологизации на примере конкретного греческого региона классического периода – Беотии, а также вычленение полиса Платеи как одного из представителей региональной полисной культуры. Он

³⁹⁶ Fröhlich P. L'inventaire du monde des cités grecques. Une somme, une méthode et une conception de l'histoire // *Revue Historique*, 2010. №3 (655). P. 655-661.

³⁹⁷ Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох // *Античный полис: Курс лекций* / Отв. ред. В.В. Дементьева, И.С. Суриков. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 12-13.

интересен своим политическим и географическим положением, своеобразие которого отмечали ряд исследователей: Эрнст Бэдиан рассматривал специфику взаимоотношений полиса Платеи с Афинами и Спартой, при этом указывая на подчинённое положение Платей относительно соседей из Аттики, тем не менее, оставляя незакрытым вопрос о том, считать ли платейскую общину полностью самостоятельным полисом или нет³⁹⁸; Николас Хаммонд³⁹⁹ подчеркивал неоднозначность политического положения Платей относительно именитых соседей, но при этом не отрицал статуса платейского полиса как независимой политической единицы, что, в целом, согласуется и с точкой зрения Хансена⁴⁰⁰; Рой ван Вейк⁴⁰¹ рассматривал истоки упомянутой неоднозначности в межполисных отношениях, анализируя ситуацию на юге Беотии в VI в. до н.э., хотя для него исследовательский интерес представляют не Платеи как таковые, а все общины по берегам реки Асоп. Наиболее же полное на сегодняшний день авторы, исследующие платейский полис, сосредотачиваются преимущественно на археологическом его изучении⁴⁰², в гораздо меньшей степени ориентируясь на типологию датчанина. Принадлежность же Платей к особому типу (подтипу) полисной культуры необходимо рассмотреть подробнее, на основе указанных датским исследователем критериев полиса.

М.Г. Хансен выделял 15 критериев, по которым он разграничивает культуры городов-государств. Рассмотрим их по порядку⁴⁰³. Строго говоря,

³⁹⁸ Badian E. Plataea between Athens and Sparta. In Search of Lost History // From Plataea to Potidea. Studies in the History and Historiography of the Pentacontaetia. Baltimor and London: The John Hopkins University press, 1993. P. 123.

³⁹⁹ Hammond N. Plataea's relations with Thebes, Sparta and Athens // The Journal of Hellenic studies. 1992. Vol. 112. P. 145.

⁴⁰⁰ Hansen M.H. An Inventory of archaic and classical Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. Oxford: University Press. 2004. P. 450.

⁴⁰¹ Wijk, van. R. Athens, Thebes and Plataia and the end of the sixth century BCE // Journal of Ancient History. 2017. Vol. 5 (2). P. 21.

⁴⁰² Konecny A., Aravantinos V., Marchesi R. Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis. Wien: Österreichisches Archäologisches Institut, 2013. S. 347.

⁴⁰³ Порядок их перечисления см.: Hansen M.H. The Concepts of City-State and City-State Culture. A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. An Investigation Conducted by the

это не всегда собственно критерии (основания деления при типологизации), а нередко обобщенные характеристики, относящиеся ко всей совокупности городов-государств мировой истории (что свидетельствует о нечеткости предложенной датским антиковедом методики). Тем более, что у Хансена эти характеристики не только не всегда выполняют функцию критерия отнесения определенной общины к одной из 37 культур, но часто служат именно для отнесения конкретного гражданского коллектива к полисной культуре, вычлняя его из иных культур. При этом, разумеется, мы признаем корректность выделения в качестве отдельной культуры городов-государств (их отдельного типа) полисную культуру, но попытаемся соотнести критерии Хансена со сведениями о конкретном регионе – Беотии и конкретном полисе в нем – Платеях. Это дает возможность понять, как действует общая схема применительно к ее отдельному элементу и в каких дополнениях/уточнениях она нуждается.

1) «Регион населён людьми, говорящими на одном языке и разделяющими общую культуру».

Беотийский диалект древнегреческого языка вполне может выступать здесь в качестве единого языка региона⁴⁰⁴. В религиозном и культурном плане население гражданских общин Беотии имело серьёзный центр притяжения – всебеотийский праздник Дедалов, непосредственное участие в котором принимали и жители Платей⁴⁰⁵.

2) «На протяжении значительного временного отрезка (например, на протяжении нескольких веков) регион разделён на серьёзное количество

Copenhagen Polis Centre. Ed. by Mogens Herman Hansen. Copenhagen: Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, 2000. P. 16-17.

⁴⁰⁴ Te Tiele G.J. Divergences locales dans la phonetique et la morphologie beotiennes // La Béotie antique. 1985. 15. P. 361.; Blumel W. Charakterisierung des boiotischen Dialects // La Béotie antique. 1985. 15. S. 385.

⁴⁰⁵ Кореньяк В.С. Дедалы: панбеотийское празднество // Древние цивилизации: социум и человек. Доклады конференции Российской ассоциации антиковедов с международным участием ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 4-6 октября 2018 г. / отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль: Филигрань, 2018. С. 194.

малых политических сообществ общего типа, который сейчас мы называем “город-государство”».

Беотия соответствует этому критерию; как регион античной Эллады она в определённые периоды истории состояла из отдельных субъектов, которые могли быть различными политическими сообществами, в т.ч. полисами⁴⁰⁶.

3) «С точки зрения геополитики существует два основных типа культур городов-государств: (3а) в некоторых случаях города-государства разбросаны по матерiku и взаимодействуют преимущественно по суше. (3б) В других случаях города расположены на побережье, и взаимодействие между городами-государствами проходит преимущественно по морю. (3в) Некоторые культуры городов-государств смешаны».

В силу своего географического положения, Беотия предстаёт перед нами территорией, общины которой взаимодействуют друг с другом почти исключительно посредством сухопутных маршрутов, что ведёт к соотнесению с типом 3а. Это касается и Платей, через которые проходила одна из дорог, связывающих Беотию с соседней Аттикой⁴⁰⁷, хотя Страбон показывает иную перспективу: «Πλαταιὰς γὰρ ἀπὸ τῆς πλάτης τῶν κωπῶν εἰρήσθαι πιθανὸν καὶ Πλαταιέας τοὺς ἀπὸ κωπηλασίας ζῶντας, ἀλλὰ νῦν ἄπωθεν τῆς λίμνης οἰκοῦντες οὐκέτ' ἂν προσαγορεύοιντο ἐτύμως» (Strab. IX. 2. 17)⁴⁰⁸.

4) «Культуры городов-государств проявляются в виде одного из трёх концептов городов-государств и их культуры следующим образом: (4а) В период демографического и экономического роста урбанизация и формирование государства происходят одновременно или последовательно одно за другим. Периоду города-государства предшествует до-государственный период. Формирование городов-государств происходит

⁴⁰⁶ Hansen M.H. Boiotian Poleis – a Test Case // Sources for the Ancient Greek City-State. Symposium. August 24–27. 1994. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. 2. Copenhagen: Munksgaard, 1995. P. 13.

⁴⁰⁷ Fossey J.M. Topography and population of ancient Boiotia. Vol. 1. Chicago: Ares Publishers, 1988. P. 112.

⁴⁰⁸ «Платеи, вероятно, названы от «лопасти» вёсел, а «платейцы» – те, кто зарабатывал на пропитание греблей; но в настоящее время, поскольку они живут далеко от озера, это имя им в точности более не соответствует». Перевод Г.А. Стратановского.

постепенно и, зачастую, незаметно. (4б) Колонизация региона принимает форму основания некоторого числа городов-государств. (4в) В период упадка урбанизированное макро-государство распадается таким образом, что его главные городские центры становятся городами-государствами».

Поскольку нами рассматривается классический период истории Беотии, то для этого времени беотийские гражданские общины выглядят уже сформировавшимися городами-государствами. Тем не менее, сам датский исследователь писал о неопределённости формирования и исчезновения полисов на территории Беотии⁴⁰⁹, что позволяет отнести культуру местных городских центров к подтипу (4а).

5) «Города-государства в рамках одной культуры сильно различаются размерами, как географически, так и демографически, но ни один из них не силен настолько, что мог бы захватить остальные окончательно и превратить регион в единую политическую единицу. Тем не менее, см. п. 9».

Очевидно, что классические полисы всего греческого мира отличаются друг от друга по разным характеристикам. Известны и примеры V и IV вв. до н.э., когда основные участники общегреческой политики пытались утвердить самих себя в качестве панэллинских гегемонов. Все же, ни один из них в этом не преуспел, пусть и создал в данном процессе надполисные объединения⁴¹⁰. Единой политической единицы создать не получилось.

В этом контексте особенно интересной выглядит возможность применения характеристики 5 к беотийскому региону. Фивы пытались объединить, прежде всего, все беотийские общины, что удавалось сделать на определённых этапах развития региона (гегемонистский союз второй половины V и середины IV вв.). Но единым политическим субъектом, а уж, тем более, государством, эти объединения различных городских и сельских центров региона назвать нельзя. Это же можно сказать и про Платейский

⁴⁰⁹ Hansen M.H. Boiotian Poleis – a Test Case // Sources for the Ancient Greek City-State Symposium. August 24–27. 1994. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. 2. Copenhagen: Munksgaard, 1995. P. 18-34.

⁴¹⁰ Например, два Афинских морских союза, Пелопоннесский и Беотийский союзы.

союз, просуществовавший весьма короткое время и не оставивший после себя серьёзных исторических свидетельств. Тем не менее, что весьма важно, данная характеристика может быть применима не только ко всему полисному пространству периода классики, но и к отдельным регионам греческой Ойкумены. Ведь именно о захвате региона говорит автор, при этом характеристика должна позволять судить о всей полисной культуре.

б) «Война между городами-государствами повсеместна, но в то же самое время всегда существует значительное экономическое, религиозное и культурное взаимодействие, проникающее через все границы».

Естественно, что к формам экономического, религиозного и культурного взаимодействия в полисном типе городов-государств можно отнести межполисную торговлю, единый язык (с оговоркой), панэллинские святилища и праздники и т. д. Однако наряду с общими и сакральными для всех греков религиозными событиями, существовали и празднества регионального характера. В Аттике и Беотии это были Панафиней и Дедалы соответственно. Первые несли в себе то, что можно назвать «аттической идентичностью», поскольку были посвящены покровительнице Афин (и как городского, и как политического центра). Вторые, в свою очередь, объединяли все общины Беотии (Paus. IX. III. 5), даже при наличии весьма холодных отношений друг с другом. Таким образом, можно говорить о существовании конкретных различий внутри обозначенного Хансеном типа полисной культуры классической Греции. Отдельно стоит сказать о роли Платей в религиозных празднествах всего региона⁴¹¹. Кроме участия в Дедалах, на правах беотийской общины, определённую роль жители платейского полиса могли играть и в Панафинях, согласно Геродоту: «ἀπὸ ταύτης γάρ σφι τῆς μάχης, Ἀθηναίων θυσίας ἀναγόντων ἐς τὰς πανηγύριαις τὰς ἐν τῇσι πεντετηρίσι γινομένας, κατεύχεται ὁ κῆρυξ ὁ Ἀθηναῖος ἅμα τε Ἀθηναίοισι

⁴¹¹ Schachter A. Cults of Boiotia: 3 Potnia to Zeus // Bulletin of the Institute of Classical Studies. University of London. Supplement. 1994. Vol. 38.3. P. 139-159.

λέγων γίνεσθαι τὰ ἀγαθὰ καὶ Πλαταιεῦσι»⁴¹² (Hdt. VI. 111. 2). В то же самое время Платеи являлись центром общегреческих Элевтерий⁴¹³.

7) *«В мирное время города-государства политически взаимодействуют через тесные дипломатические отношения, через заключение союзов и через создание лиг и федераций, зачастую гегемонистских».*

Эта характеристика в известной мере повторяет пункт 5, поэтому нет необходимости останавливаться на ней подробно.

8) *«Попытки (миром или завоеванием) создать более крупные политические единицы часто приводят к тому, что меньшие города-государства оказываются поглощены большими. Но гораздо чаще подобные попытки принимают форму гегемонистских лиг или федераций или «мини-империй», состоящих из одного доминирующего города-государства и числа меньших зависимых городов».*

Прекрасно известны примеры создания крупных политических единиц греческими полисами. Как Афины, так и Фивы стали не просто лидерами собственных полисных объединений, но и фактическими безальтернативными доминантами внутри них. Это, безусловно, проявляется и в контексте беотийского материала – постоянных попыток Фиванского полиса утвердиться в качестве регионального гегемона.

9) *«Периодически, когда один город-государство добивается успеха в долгосрочном подчинении остальных, структура города-государства обычно сохраняется, а результатом является то, что крупная “столица” контролирует империю из зависимых городов-государств».*

Не до конца ясно, что имел в виду исследователь под «долгосрочностью» подчинения одних полисов другим. В целом же верным

⁴¹² «Со времени этой битвы у афинян вошло в обычай, чтобы в Панафинейский праздник, справляемый каждый пятый год, при жертвоприношении афинский глашатай произносил молитву о даровании благ платейцам и афинянам.» Пер. Г.А. Стратановского.

⁴¹³ Albanidis E., Vouzanidou E. The Eleutheria (Liberation games) of Plataea in Ancient Greece // Studies in physical culture and tourism. 2008. Vol. 1 (15). P. 49.

выглядит тезис о сохранении полисной структуры в рамках различных межполисных объединений. Наиболее характерным примером здесь выступают Афины (как столица) и Афинский морской союз (как «империя городов-государств»). Однако беотийский регион не может полностью соответствовать этому элементу концепции Хансена. В то же время подчинённость членов Беотийского союза воле фиванской политической элиты не может быть оспорена.

10) «Таким образом, города-государства одной культуры не обязательно являются «равноправными политиями», но могут представлять систему политий с иерархической организацией, в которой некоторые — гегемоны, некоторые — независимы, а некоторые — подчинены.

(11) Зависимые города-государства — это самоуправляющиеся сообщества, но в отношении внешней политики или обороны они или обладают ограниченной независимостью, или не обладают ей совсем, также обычно они обязаны платить дань и собирать войска для повелителя по соседству, или города-гегемона в рамках региона, или же для центрального правительства в тех территориях, где города-государства объединены в федерацию».

Данный тезис особенно интересно выглядят с точки зрения беотийской истории. Именно на примере Беотии Хансен показывает различия между статусами отдельных общин внутри гегемонистского союза⁴¹⁴. Различные полисы, находясь внутри союза, не являются равноправными в союзных делах, могут быть лишены статуса полиса, но при этом оставаться полисом по своей структуре. В частности, именно к последним автор и относит полис Платей.

⁴¹⁴ Hansen M.H. Boiotian Poleis – a Test Case // Sources for the Ancient Greek City-State Symposium. August 24–27. 1994. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. 2. Copenhagen: Munksgaard, 1995. P. 63.

12) «В некоторых городах-государствах центральным аспектом является разграничение между внутренним (гражданами) и внешним (свободными иностранцами и иногда рабами). Граждане ощущали, что являются привилегированной группой, противопоставляясь другим, населявшим город и его территорию. В некоторых культурах городов-государств этот аспект отсутствует, а в тех культурах, для которых археологический отчёт — единственное или главное свидетельство, является непроверяемым».

Допустимо считать, что в большинстве городов-государств гражданский коллектив осознавал себя как отдельную (от не обладающих политическим правами) социальную группу. Однако сложно делать выводы о таком строгом осознании гражданами себя привилегированной группой в рамках беотийской действительности V в. до н.э., поскольку беотийцы воспринимали себя и как граждан родного полиса, и как граждан союза. Корректно ли делать вывод о том, что часть союзных граждан противопоставляла свою идентичность таким же гражданам, но из другой территориальной единицы? Мы считаем, что нет. Другое дело, что в контексте определённых событий такое противопоставление могло иметь место: «τῶν δὲ δόντων ταῦτα ἐγένοντο οἶδε, Θεσσαλοὶ Δόλοπες Ἐνιῆνες Περραιβοὶ Λοκροὶ Μάγνητες Μηλιέες Ἀχαιοὶ οἱ Φθιώται καὶ Θηβαῖοι καὶ οἱ ἄλλοι Βοιωτοὶ πλὴν Θεσπιέων τε καὶ Πλαταιέων»⁴¹⁵ (Hdt. VII. 132. 1), так же и в других книгах Геродота (Hrd. VIII. 66. 2; IX. 31. 5).

13) «Культура городов-государств прекращает существование (13а) или в результате (временного) исчезновения городского центра, что также соотносимо с исчезновением политической структуры городов; (13б) или культура исчезает в результате завоевания близлежащей великой державы: города-государства превращаются в города, порой внезапно, но иногда

⁴¹⁵ «В числе же племен, которые дали землю и воду, были следующие: фессалийцы, долопы, эниены, перребы, локры, магнеты, малийцы, фтиотийские ахейцы, фиванцы и остальные беотийцы, кроме феспийцев и платейцев». Перевод Г.А. Стратановского

городам-государствам разрешают существовать некоторое время, а трансформация в города проходит медленно, практически незаметно».

Наиболее логично отнести беотийские города к варианту характеристики (13б). Отдельные общины прекращали своё существование: «ὁ γὰρ διὰ Βοιωτῶν τραπόμενος στρατὸς ἅμα Ξέρξῃ, ἐμπρήσας Θεσπιέωντὴν πόλιν, αὐτῶν ἐκλελοιπότων ἐς Πελοπόννησον, καὶ τὴν Πλαταιέων ὡσαύτως, τῆκε τε ἐς τὰς Ἀθήνας καὶ πάντα ἐκεῖνα ἐδήϊου. ἐνέπρησε δὲ Θέσπειάν τε καὶ Πλάταιαν πυθόμενος Θηβαίων ὅτι οὐκ ἐμήδιζον»⁴¹⁶ (Hdt. VIII. 50. 2); «ὁρῶ γὰρ οὐκ ἄλλα μὲν ὑμῖν, ἄλλα δὲ ἡμῖν δοκοῦντα, ἀλλ' ὑμᾶς τε ἀχθομένους καὶ ἡμᾶς τῇ Πλαταιῶν καὶ Θεσπιῶν ἀναίρέσει»⁴¹⁷ (Xen. Hell. VI. 3. 5). Изживание (не одномоментное) полисной культуры в Греции вообще и в Беотии в частности начинается после Македонского завоевания (338-337 гг. до н.э.). Точнее все же сказать, это было не исчезновение, а перестройка под новые политические реалии, которая продолжалось вплоть до позднеримского времени.

14) «Культуры городов-государств часто появляются в соседних регионах, в некоторых случаях с допущением можно говорить о кластерах таких культур».

Нам представляется, что именно в этом положении присутствует нераскрытый исследовательский потенциал. Кластером полисных культур можно назвать культуру городов-государств классического периода греческой истории. Иными словами, допустимо выделить подтипы полисной культуры периода классики, т.е. субкультуры городов государств. Встаёт вопрос об основании для выделения подтипов/субкультур но сама возможность их выделения выглядит неоспоримой.

15) «В некоторых случаях регион разбит на города-государства только единожды в своей истории, но существуют примеры регионов,

⁴¹⁶ «Так же поступил он и с Платеями, а затем проник в Аттику и разоряет там все. Феспии и Платеи царь предал огню, узнав от фиванцев, что эти города не на стороне персов.» Перевод Г.А. Стратановского.

⁴¹⁷ «Я вижу, что на этот раз наши взгляды не расходятся — и у нас, и у вас вызывает одинаковое негодование исчезновение, как самостоятельных государств, Платей и Феспий.» Перевод С.Я. Лурье.

которые дважды, а иногда и трижды в мировой истории представляли собой культуру городов-государств».

При рассмотрении греческих полисов нельзя сказать, что данная культура городов-государств то появлялась, то исчезала. Более правдоподобно выглядит её частичное изменение или трансформация в течение веков, с последующим поглощением а) государством б) другим типом политической общины, причём эти процессы разнятся и хронологически, и территориально. Сверх того, создание и существование Беотийского союза позволяют говорить о развитии полисных институтов региона в надполисные, чем могли гордиться далеко не все регионы Эллады. Если же говорить непосредственно о Платеях, то нельзя назвать точный период хотя бы зарождения полисных институтов и традиций, поскольку: «τῶν δὲ βασιλέων ἄλλον μὲν οὐδένα οἱ Πλαταιεῖς ἴσασι, μόνον δὲ Ἀσωπὸν καὶ ἑτιπρότερον Κίθαιρῶνα»⁴¹⁸ (Paus. IX. I. 2), – при этом позже Павсаний противоречит своим словам (Paus. X. V. 4), т.е. даже цари для платейцев являлись скорее частью мифологических сюжетов, чем исторической действительностью. В то же время, платейская гражданская идентичность прослеживается вплоть до II в. до н.э. (“rogatio inde a *Plataeensi Dicaearcho* lata recitataque de societate cum Romanis iungenda nullo contra dicere audente omnium Boeotiae civitatum suffragiis accipitur iubeturque”⁴¹⁹ – Liv. XXXIII. 2. 6), несмотря на фактическое завершение эпохи греческой полисной цивилизации. В связи с этим нельзя проводить чётких границ существования, по крайней мере, греческой полисной культуры.

Отметим, что столь обширный и детализированный список критериев понятен: Копенгагенский центр находит гражданские общины совершенно в разных (и хронологически, и географически) местах. Мы же, в ключе

⁴¹⁸ «Но из своих царей платейцы не знают никого, кроме Асопа и Киферона <...>». Перевод С.П. Кондратьева.

⁴¹⁹ «Потом Дикеарх из Платей внес и прочитал предложение о союзе с римлянами. Поскольку противоречить никто не осмелился, все беотийские общины, проголосовав, постановили принять это предложение и ввести его в силу». Пер. С.А. Иванова

применения указанных элементов к беотийскому полису Платеи (и Беотийскому региону в целом) в классический период истории, сузим исторический период и географические рамки применения подхода.

Теперь, когда вполне обоснованным выглядит утверждение о существовании беотийского подтипа полисной культуры, рассмотрим непосредственно Платеи и их соотношение с критериями такой культуры. Иными словами, в какой степени можно назвать Платейский полис беотийским?

– Прежде всего, согласно упомянутым критериям, важно подчеркнуть культурное и языковое единство региона. Беотийский диалект древнегреческого языка, а также единая культурная компонента региона представляются безусловными. В особенности, на фоне противопоставления беотийского этноса остальным на протяжении достаточно продолжительного времени (ср. Pind. O. 6. 90⁴²⁰ и Nep. Alc. 11. 3⁴²¹).

– Община Платей являлась одним из политических сообществ Беотии на протяжении всего классического периода, несмотря на определенные сложности политического взаимодействия с Фиванской общиной.

– Платеи могут быть отнесены к типу 3а культур-городов государств по М.Г. Хансену (в географическом измерении): взаимодействие с прочими политическими центрами происходит по суше, что сообщается источниками.

– Поскольку все беотийские общины отнесены нами к концепту (подтипу) 4а (по способу формирования), то и Платеи, безусловно, были сформированы в такой же мере постепенно. В интересующий нас период, как прочие городские центры региона, так и непосредственно Платейский полис предстают уже оформившимися политическими центрами.

– Платеи могут быть отнесены к обычной беотийской общине, «маленький город» (Thuc. 2.77.2), с размером гражданского коллектива от 4000 до 5000 человек (согласно подсчетам по методам

⁴²⁰ «Βοιωτίαν ὅν».

⁴²¹ “... omnes enim Boeoti magis firmitati corporis quam ingenii acumini serviunt.”

К. Белоха и М. Хансена)⁴²² без учета не обладавших гражданскими правами, что значительно меньше Фиванского коллектива граждан. Платейский же союз, просуществовавший непродолжительное время, не смог стать центром притяжения антифиванских сил и объединить Беотию.

– Несмотря на значительное количество конфликтов, в которых Платеи принимали участие (в том числе известное противостояние с Фивами), внутрибеотийское культурное и религиозное взаимодействие было весьма широко и играло серьезную роль для платейских граждан. Самым ярким примером является празднование Великих Дедалов.

– Мирные периоды в истории Платей ознаменовались союзническими отношениями с Афинами и даже попыткой создания собственного союза в Южной Беотии.

– Тем не менее, в период подчинения Фивам Платеи являлись зависимой общиной по отношению к региональному гегемону, одной из частей гегемонистского Беотийского союза, которая была подконтрольна «столичным» Фивам.

– Как беотийские города-государства в разные периоды истории меняли свой статус по отношению друг к другу, так и Платеи имели статус и независимой политии, и подчиненной общины. При этом в последнем случае независимость общины небезосновательно ставится под сомнение, особенно в случаях исключения гражданского коллектива Платейского полиса из сферы местной политики.

– Относительно последних критериев сложно выделить специфически платейский материал, однако уже отмеченного достаточно, чтобы отнести полис Платеи к беотийскому подтипу полисной культуры классического и архаического периодов. Допустимо говорить о кластерах полисных культур, согласно воззрениям М.Г. Хансена, которые мы бы предпочли определить как

⁴²² Beloch J. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. Leipzig, 1888. S. 520; Hansen M.H. The Shotgun Method: The Demography of the Ancient Greek City-State Culture. Columbia, University of Missouri Press, 2006. 140 p.

варианты полисной культуры в отдельных регионах Ойкумены. Соответственно, концепцию культур городов-государств можно применить к отмеченным кластерам или даже конкретным общинам (что мы и постарались сделать на примере античных Платей). На основе этого материала выделение новых полисных культур, или лучше сказать «субкультур», представляется актуальной исследовательской задачей. В частности, мы считаем необходимым сосредоточиться именно на Беотийской полисной субкультуре. Это видится возможным, поскольку Беотия, как географический регион, содержащий в себе некоторое количество гражданских общин, точно так же удовлетворяет требованиям к полисной культуре, как и классическая Греция вообще. Соответствие же платейского полиса характеристикам культуры городов-государств приводит нас к следующей гипотезе: в рамках античной полисной цивилизации классического периода можно выделять региональные, а может даже, локальные полисные субкультуры, которые будут представлять собой развитие концепта “city-state culture” в качестве его подуровня и являться элементом системы полисной классификации. При этом важно выделить непосредственно платейскую специфику относительно указанного ранее “*Lex Hafniensis*”. Авторским коллективом Каталога приводится краткий обзор истории Платейского полиса, выделены ссылки на упоминания общины в источниках⁴²³. Согласно им, Платеи упоминаются исключительно как политическая и городская община одновременно. На данном обстоятельстве и хотелось бы заострить внимание, проанализировать, в какой степени «работает» «Копенгагенский закон о полисе» применительно к Платеям.

Как уже отмечалось, согласно тексту закона, слово «полис» в обозначенных источниках обозначает общину городскую и общину политическую (в статье Каталога о Платеях авторы именно так

⁴²³ Hansen M. An Inventory of archaic and classical Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. Oxford: University Press, 2004. P. 449-451.

характеризуют упоминания этой общины). Однако в таком случае возникает ряд неоднозначных трактовок сведений исторических источников, в том числе отмеченных и командой М.Г. Хансена.

В частности, одно из самых ранних упоминаний – 519 г. до н.э., когда Платеи вступили в союзнические отношения с Афинами, при этом граждане беотийского полиса получили права афинских граждан (Thuc. 3.55.3, 3.63.2). Само по себе данное обстоятельство не даёт никаких поводов подвергать сомнению названный нами закон, но вкупе с другими свидетельствами создаёт почву для некоторой критики. Так, платейский полис был уничтожен войсками Ксеркса в 480 г. до н.э. (Hdt. 8. 50. 2), граждане же Платей эвакуировались в Афины. Таким образом, граждане общины (гражданской и политической) оказываются в другой общине (территориальном и политическом субъекте), даже имеют права граждан этой самой второй общины. К какому полису, к какому из коллективов граждан необходимо причислять этих людей? В этом случае Платеи могут упоминаться только как политическая община, поскольку городской общины не существует. Получается, что в рамках одного поселения (Афин) действует два гражданских коллектива, к тому же пересекающихся односторонне? Это маловероятно, к тому же допустимо считать, что полноценными гражданами в Афинах беотийские беженцы станут несколько позже, — когда подаренные гражданские права будут возобновлены в период Пелопоннесской войны (Dem. 59.103–4; Isoc. 12.94) после взятия Платей спартанскими и фиванскими войсками, а часть беженцев даже распределяют в аттические демы и трибы (Lys. 23.2–3). Но в этом случае возникает новый вопрос о принадлежности полиса. Если при персидском вторжении Платеи были уничтожены как городской центр (восстановлены годом позже), то во время межэллинского военного столкновения Платеи как городской центр продолжали существовать, его обитателями стали переселенцы из Мегар, а также некоторое количество платейцев, лояльных Пелопоннесскому союзу (Thuc. 3.68.3). Согласно логике Lex Hafniensis, в отмеченный временной

промежуток должны существовать два (!) полиса Платеи как политических единицы (вопрос с городским центром ясен). Далее ситуация усложняется. После захвата Скионы афинскими войсками, город был передан беженцам-платейцам для поселения (Thuc. 5.32.1) наравне с другими колонистами, однако только некоторая часть беженцев переселилась, большинство осталось в Афинах (Lys. 23.2–3). Таким образом, ойкумена в конце V в. до н.э. содержала в себе три (!) политических общины платейцев (всё же мы не рискнём называть все их Платейскими полисами) и два платейских городских центра! На самом деле первоочередным здесь оказывается вопрос идентичности указанных общин. Если жители Беотии всё-таки полноправно могут считаться полисом Платеи в обоих смыслах, то к переселенцам в Аттику, а тем более в Скиону, подобную атрибуцию применить в полном качестве нельзя. Тем не менее, учитывая то, что «аттические» платейцы в конечном итоге смогут вернуться на родину, можно предположить, что они продолжали культивировать собственные традиции, а возможно даже, и сохранили собственные политические (полисные) институты. Про жителей Скионы однозначных выводов сделать невозможно из-за отсутствия материала, как и о вероятности службы платейцев на афинских военных судах. Известен факт комплектования экипажей афинского флота из граждан Платей во время Греко-персидских войн. Мы считаем вполне допустимым, что некоторые беженцы, оказавшиеся в изгнании, без имущества и средств к существованию вполне могли рассмотреть такую возможность занятости. Тогда можно рискнуть зайти слишком далеко, вспомнив афинский флот, не признавший власть Тридцати тиранов и осуществлявший самоуправление согласно полисным традициям Афин. Но кажется сомнительным, что гипотетические моряки беотийского происхождения в этой флотилии в столь тяжелый исторический момент задумывались о своей платейской идентичности. Таким образом, на первый план выходит вопрос осознания некоторым гражданским коллективом собственной принадлежности к этому

самому коллективу как к политическому сообществу, а не территориальному объединению.

Отдельно нужно упомянуть, что подобное сопоставление можно провести и с другими регионами, на основе чего выделить иные подтипы полисной культуры архаики и классики. Такой формат выходит за рамки нашего исследования, но необходимо ограниченно указать перспективы такого подхода. В частности, допустимо точно так же описать аттический подтип полисной культуры (источники предоставляют значительное количество материала для этого), однако укажем, что по ряду позиций такой подтип будет отличаться от беотийского. Как минимум, речь здесь может идти об отличиях экономических (региональная специализация на торговле и ремесленном производстве), религиозных (другие культовые мероприятия — Панафинеи, Дионисии, Элевсинские мистерии), языковых (аттический диалект в противовес беотийскому) и политических. Используя же материал общины Платей, можно выделить принадлежность сразу к двум подтипам: беотийскому, к которой принадлежало население интересующего нас гражданского коллектива, и аттическому, в котором участники этого же коллектива, вероятно, пытались сохранить собственную идентичность. Именно поэтому и требуется развитие/модернизация подхода М.Г. Хансена, поскольку оригинальный концепт не учитывает в должной мере региональные особенности полисных структур. Тем не менее, глобально концепция *Lex Hafniensis de Civitate* выглядит необходимым методологическим подспорьем в процессе исследования античных гражданских общин.

3.2 Платеи как фронтир между Беотией и Аттикой: применение теории Х. Элтона к территории Средней Греции

Как уже отмечено, Платейский полис следует рассматривать, на наш взгляд, представителем беотийского подтипа греческой полисной культуры

архаического и классического периодов. Тем не менее, на указанную общину можно взглянуть и через призму иной концепции, чтобы наиболее полно рассмотреть особенности платейской общины и охарактеризовать её место в общегреческих политических процессах.

В контексте изучения Античной Греции наиболее естественно говорить об истории отдельных гражданских коллективов — полисов. Тем не менее, нельзя не отметить, что политические и экономические интересы этих общин простирались за пределы территории самого полиса. Наиболее ярко данный процесс проявился в V в. до н.э., в момент столкновения двух крупных надполисных объединений — Афинского и Пелопоннесского союзов. Подобное противостояние на новом, «сверхполисном», уровне может быть охарактеризовано как притязание на гегемонию, поскольку наиболее яркие представители каждого из противостоявших политических союзов — Афины и Спарта — проводили, как отмечал В.М. Строгеецкий, имперскую политику⁴²⁴. Соответственно, расширение таких политических образований естественным образом затрагивало все соседние гражданские общины. В данном отношении ярким примером является беотийский полис Платеи, который политически и географически был окружён двумя крупными субъектами античной межполисной политической системы: Делосским и Беотийским союзами (с VI по IV вв. до н.э.). Причём если относительно первого вполне допустимым считается выделять имперские черты в его политике, то во втором вряд ли можно проследить тенденцию к созданию именно империи (тогда как к гегемонии — вполне). Таким образом, нам кажется обоснованным говорить о территории платейского полиса как о пограничье. Тем не менее, вопрос «пограничности», а также характера этой самой границы далёк от своего закрытия.

В разные периоды истории Платейская область становилась причиной военных и политических конфликтов; статус региона постоянно оспаривался

⁴²⁴ Строгеецкий В. М. Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н.э. (478-431 гг.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 7.

— Афинами, Фивами и Спартой⁴²⁵. Наиболее красноречивым здесь является именно противостояние Платей с ближайшим соседом, Фивами. Этот внутрибеотийский конфликт привел к трём разрушениям Платей (в 480, 427 и 373 гг. до н.э.⁴²⁶) и временному переселению их гражданской общины в Афины. Но так ли верно считать, что исключительно географический фактор сыграл первостепенную роль в отмеченных выше событиях? Возможно, привлечение дополнительного теоретического материала позволит несколько иначе взглянуть на роль платейского полиса в межполисных отношениях классического периода греческой истории.

Интересующий нас полис Платеи был локализован, как известно, в юго-западной части Беотии, в регионе Парасопия. Через общину проходила одна из дорог, соединяющих Беотию и Аттику. Таким образом, географически являясь частью Беотии, Платеи могли иметь близкие политические контакты с Афинами (и, как мы знаем, имели). При этом нельзя исключать и попадание платейской общины в сферу фиванского влияния, особенно в конце V — начале IV вв. до н.э. Можно сказать, что Платейский полис был расположен *на рубеже* двух областей Эллады.

Здесь мы находим возможным применить в адаптированном виде теорию о фронтире Х. Элтона, профессора Трентского университета (Канада), специалиста по римской политической и военной истории⁴²⁷. Изначально теория фронта имела мало общего с античной историей. Её автором являлся Фредерик Джексон Тёрнер, американский историк рубежа XIX-XX в. Через эту идею (фронта, границы) он объяснял своеобразие социальных институтов Соединённых Штатов⁴²⁸. Основной посыл заключался в том, что именно стремление к освоению западного Фронта

⁴²⁵ Подробнее: Wijk, van. R. Athens, Thebes and Plataia and the end of the sixth century BCE // *Journal of Ancient History*. 2017. Vol. 5 (2). P. 1-26.

⁴²⁶ Konecny A., Aravantinos V., Marchesi R. Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis. Wien: Österreichisches Archäologisches Institut, 2013. S. 32.

⁴²⁷ Elton H. *Frontiers of the Roman Empire*. Bloomington: Indiana University Press, 1996. 150 p.

⁴²⁸ Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. М.: Изд-во «Весь мир», 2009. 304 с.

сформировало общество и государственную структуру государство, таким образом, создавая противовес идее их заимствования из Европы. Данный подход оказался раскритикован в 1930-х гг. как придающий чрезмерное значение лишь географическому фактору в процессе общественного развития. Тем не менее, именно Ф. Дж. Тёрнер заложил основу для рассмотрения специфики периферии (а в последствии – «фронтирных» обществ и малых социумов). Как итог, постепенно идея приграничья как особой зоны проникала в различные отрасли исторической науки⁴²⁹, в том числе отечественной⁴³⁰. Х. Элтон же, кроме самого термина «фронтир», не использует идеи исходной теории, раскритикованной ещё в начале XX в. Согласно мнению исследователя, фронтир — это область соприкосновения различных культурных систем и одновременно место сосредоточения военных сил в приграничной зоне, территория перемещения границы, а не исключительно места наличия пограничных укреплений (*limes*), как римский фронтир выглядит в привычной науке форме⁴³¹. Собственно, фронтир в концепции Х. Элтона — это приграничная зона, в которой сосредоточены различные виды политического, социального, этнического, языкового, религиозного, экономического и военного взаимодействия, т. е. смешение границ, создающее фронтир (“mixture of boundaries which together made the frontier”). В этой зоне проживает местное население, римские граждане, а также имеется военное присутствие (с обеих сторон). Отметим, что Х. Элтон применяет данный концепт к римскому пограничью, в частности — к восточной границе с Парфией, африканскому лимесу. Соответственно фронтир может располагаться как между «цивилизацией» и её отсутствием («варварами»), так и между относительно равнозначными политическими

⁴²⁹ Lattimore O. *Studies in Frontier history. Collected papers 1928-1956*. Oxford, New York: University press, 1962. 566 p.; Тойнби А. Дж. *Постижение истории*. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

⁴³⁰ Крупенкин Е.Н. Концепция фронта в современной отечественной литературе: эвристические возможности и пределы применения // Вестник Брянского государственного университета. 2018. №1. С. 87-93.

⁴³¹ Elton H. *Frontiers of the Roman Empire*. Bloomington: Indiana University Press, 1996. P. 3-5.

субъектами. В связи с этим мы полагаем допустимым использовать понятие «фронтир» и применительно к территории в пределах *Rex Graeca*. В силу определённой специфики географического и политического положения, перспективным представляется применение теории фронта именно к беотийскому полису Платеи. На наш взгляд, Платеи вместе с хорой представляли собой не границу (т.е. чёткое географическое выражение соответствующей линии на карте), а фронтир (согласно концепции фронта, выдвинутой Х. Элтоном). Фронтир в данном случае – область соприкосновения различных культурных систем и одновременно с этим место сосредоточения военных сил в приграничной зоне⁴³², территория перемещения границы. Являлись ли Платеи именно фронтиром? В поисках ответа на этот вопрос рассмотрим сведения нарративной традиции.

Достаточно частым является сообщение о порубежном характере Платейского полиса: порядка 13 упоминаний о Платеях как о пограничье находим у Геродота (Hrd. IX. 38. 1; 39. 1; 41. 1; 51. 1; 65. 1; 72. 1-2; 76. 1; 78. 1; 86. 1; 88. 1; 89. 1; 90. 1.); напрямую как рубеж между Аттикой и Беотией Платеи называются Павсанием: «Ἀθηναίοις δὲ ἡ Βοιωτία καὶ κατὰ ἄλλα τῆς Ἀττικῆς ἐστὶν ὁμороς, πρὸς δὲ Ἐλευθερῶν οἱ Πλαταιεῖς»⁴³³ (Paus. IX. I. 1), отчасти о таком же свойстве интересующего нас полиса говорит Страбон: «Πλαταιαὶ δέ, ἃς ἐνικῶς εἶπεν ὁ ποιητής, ὑπὸ τῷ Κιθαιρῶνι εἰσι μετὰ αὐτοῦ καὶ Θηβῶν κατὰ τὴν ὁδὸν τὴν εἰς Ἀθήνας»⁴³⁴ (Strab. IX. 2. 31). Процитированные фрагменты источников отмечают промежуточное положение Платейской области относительно Аттики и основной части Беотии. Эта информация не даёт однозначного основания для вывода о пограничном характере Парасопии и не указывает на Платеи как фронтир. Несколько пассажей содержат сообщения о наличии определённых

⁴³² Elton H. *Frontiers of the Roman Empire*. Bloomington: Indiana University Press, 1996. P. 3-5.

⁴³³ «Среди тех мест, где Беотия граничит с землей афинян, находятся Платеи, с которыми афиняне соприкасаются в Элевтерах.» Перевод С.П. Кондратьева.

⁴³⁴ «Платеи, о которых Гомер говорит в единственном числе, находятся у подошвы Киферона, между ним и Фивами, на дороге в Афины...» Перевод Г.А. Стратановского.

культурных связей с соседними областями: «ὕπερβάντες δὲ οἱ Ἀθηναῖοι τοὺς οἱ Κορίνθιοι ἔθηκαν Πλαταιεῦσι εἶναι οὖρους, τούτους ὑπερβάντες τὸν Ἀσωπὸν αὐτὸν ἐποίησαντο οὖρον Θηβαίοισι πρὸς Πλαταιέας εἶναι καὶ Ὑσιάς. ἔδοσαν μὲν δὴ οἱ Πλαταιέες σφέας αὐτοὺς Ἀθηναίοισι τρόπῳ τῷ εἰρημένῳ, ἦκον δὲ τότε ἐς Μαραθῶνα βοηθέοντες»⁴³⁵ (Hdt. VI. 108. 6), «ὅπως δὲ μηδὲν ἐλλίπες ἔχη πρὸς τὴν ἐλπίδα τῆς νίκης ὁ χρησμός, ἔδοξε τοῖς Πλαταιεῦσιν, Ἀριμνήστου γνώμην εἰπόντος, ἀνελεῖν τὰ πρὸς τὴν Ἀττικὴν ὅρια τῆς Πλαταιίδος καὶ τὴν χώραν ἐπιδοῦναι τοῖς Ἀθηναίοις ὑπὲρ τῆς Ἑλλάδος ἐν οἰκείᾳ κατὰ τὸν χρησμὸν ἐναγωνίσασθαι»⁴³⁶ (Plut. Arist. 11. 8), «ταύτην μὲν ἰδίᾳ οἱ Πλαταιεῖς ἐορτὴν ἄγουσι, Δαίδαλα μικρὰ ὀνομάζοντες: Δαιδάλων δὲ ἐορτὴν τῶν μεγάλων καὶ Βοιωτοὶ σφισι συνεορτάζουσι, δι' ἐξηκοστοῦ δὲ ἄγουσιν ἔτους: ἐκλιπεῖν γὰρ τοσοῦτον χρόνον τὴν ἐορτὴν φασιν, ἥνικα οἱ Πλαταιεῖς ἔφευγον. ξόανα δὲ τεσσαρεσκαίδεκα ἔτοιμά σφισὶν ἐστὶ κατ' ἐνιαυτὸν ἕκαστον παρασκευασθέντα ἐν Δαιδάλοις τοῖς μικροῖς»⁴³⁷ (Paus. IX. III. 5). Причем, связаны жители Платей оказываются как с населением Аттики, так и с жителями Беотии. Таким образом, нарративная традиция даёт основание предполагать наличие соприкосновения двух культур — беотийской и аттической. Отметим, что тем самым один из названных признаков фронта обнаруживается.

Другой признак фронта — военное присутствие в рамках его территории — также можно обнаружить у древних авторов: Афинскую военную поддержку города упоминает Геродот (Hdt. VI. 108. 4); Фукидид

⁴³⁵ «Тогда афиняне перешли границы, установленные коринфянами для платейцев, и объявили реку Асоп и Гисии границей Фиванской и Платейской областей. Таким образом, платейцы отделились под защиту афинян, а теперь прибыли на помощь к Марафону.» Перевод Г.А. Стратановского.

⁴³⁶ «А чтобы всякое слово оракула исполнилось, укрепляя надежды на победу, платейцы, следуя предложению Аримнеста, постановили уничтожить границу между Аттикой и платейскими владениями и передать всю землю афинянам: тогда те смогут сражаться за Грецию в собственных пределах.» Перевод С.П. Маркиша.

⁴³⁷ «Этот праздник, который они называют Малыми Дедалами, платейцы справляют только одни. Праздник же Великих Дедалов вместе с ними справляют и все беотийцы. Они бывают один раз в шестьдесят лет. Говорят, что этот праздник не справлялся столько лет, сколько платейцы были в изгнании. (К этому времени) у них бывает готово четырнадцать ксоанов, изготавливаемых из года в год во время Малых Дедалов.» Перевод С.П. Кондратьева.

непосредственно сообщает о небольшом афинском гарнизоне города во время Пелопоннесской войны; Ксенофонт упоминает о спартанском гарнизоне (Xen. Hell. V. 4. 10). Более того, наличие в Платеях фиванского контингента представляется безусловным после 427 г. до н.э., что связано с подчинением Платейской области Фивам после Пелопоннесской войны, а самих Платей – Фивам после Беотийской войны⁴³⁸. Таким образом, военное присутствие в Платейской области можно считать постоянным, если учесть к тому же и собственные вооружённые силы полиса.

Экономический характер фронта тоже прослеживается на платейском примере. Беотия принадлежит к наиболее плодородным областям Балканской Греции, что отмечалось ещё Фукидидом «μάλιστα δὲ τῆς γῆς ἡ ἀρίστη αἰεὶ τὰς μεταβολὰς τῶν οἰκητόρων εἶχεν, ἥ τε νῦν Θεσσαλία καλουμένη καὶ Βοιωτία <...>»⁴³⁹ (Thuc. I. 2. 3), Страбоном «<...> δευτέρα δ' ἐστὶν ἡ Βοιωτία ἀπὸ τῆς ἑω ἐπὶ δύσιν τεταμένη ταινία τις ἀπὸ τῆς κατ' Εὐβοίαν θαλάττης ἐπὶ θάλατταν τὴν κατὰ τὸν Κρῖσαϊον κόλπον, ἰσομήκης πῶς τῇ Ἀττικῇ ἢ καὶ ἐλάττων κατὰ μῆκος: ἀρετὴ μὲντοι τῆς χώρας πάμπαν διαφέρει.»⁴⁴⁰ (Strab. IX. 2. 1). Земледелие, в частности, хлебопашество, составляло главную основу ее экономической жизни на всем протяжении классического периода греческой истории. В этом плане регион практически не выделялся среди прочих областей Эллады. По мнению И.Е. Сурикова основой экономики любой античной общины являлось сельское хозяйство⁴⁴¹, причём вне зависимости от степени развития иных форм экономической деятельности. Именно люди, занятые в обработке земли, составляли основу гражданского коллектива каждого полиса.

⁴³⁸ 378-362 гг. до н.э.

⁴³⁹ «Всегда перемене населения подвергались преимущественно наилучшие земли Эллады, именно области, называемые теперь Фессалией и Беотией, <...>» Пер. Ф.Г. Мищенко.

⁴⁴⁰ «<...> Вторая — это Беотия, простирающаяся наподобие ленты с востока на запад, от Евбейского моря к морю у Крисейского залива; по длине она приблизительно равна Аттике или немного меньше; однако в отношении плодородия почвы сильно ее превосходит.» Пер. Г.А. Стратановского.

⁴⁴¹ Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций / Отв. ред. В.В. Дементьева, И.С. Суриков. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 15.

Соответственно, в качестве особенности Беотии можем отметить некоторую отсталость региона в отношении развития ремесла и торговли, но причины этого кроются не в пассивности местного населения, а в географическом положении. Область с четырёх сторон ограничена природными барьерами: горными хребтами и морями соответственно. Наличие выходов к Эгейскому и Ионическому морям может представляться дополнительным стимулом к занятию торговлей, однако в Беотии не отмечаются крупные портовые центры, специализировавшиеся на торговых операциях, т.е. наличие побережья не включает регион в межполисную торговлю автоматически. С другой стороны, в ограниченном объёме торговля может быть представлена сделками в рамках региона или через границу с соседними областями по суше. При учёте трёх магистралей, соединявших Беотию и Аттику, допустимо предполагать наличие сухопутных торговых контактов между двумя регионами. В таком случае, Платеи видятся нам как один из пунктов, через которые осуществлялась сухопутная торговля с Афинами. Скорее всего, Платейский полис выступал не только как перевалочный пункт, но и поставщик сельскохозяйственной продукции, в том числе животноводческого характера и непосредственно скота. Кроме того, данные археологии говорят о Платеях и как о центре ремесленного (керамического) производства⁴⁴², но масштаб импорта и экспорта керамики выглядит небольшим. Отметим, что экономика общины была, в первую очередь, направлена на удовлетворение собственных потребностей, в то время как торговое взаимодействие с соседними городскими центрами носило побочный характер. С точки зрения межполисной торговли городской центр выступал как потребитель продукции других полисов, хотя нельзя отметить возможность торговли с Афинами, где никогда не было переизбытка местного зерна, как и выючных животных.

⁴⁴² Konecny A., Aravantinos V., Marchesi R. Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis. Wien: Österreichisches Archäologisches Institut, 2013. S. 286-288.

На основании отмеченного закономерно сделать вывод, что Платеи допустимо считать фронтиром в предложенном Х. Элтоном значении данного понятия. Однако, это лишь одна сторона рассматриваемого вопроса. При сосредоточении исследовательского внимания на Беотийском и Афинском союзах становится очевидным, что Платейская область является своеобразным буфером между двумя крупными надполисными государственными образованиями. Соответственно, независимо от политической принадлежности Платей к одному или другому объединению, их положение можно рассматривать как пограничье каждого из них. Учитывая стратегически выгодное географическое положение Платейской области, мы считаем естественным рассмотреть ее как окраину Фиванского гегемониального объединения и Афинской симмахии соответственно. Платеи были расположены на окраине пространства, контролируемого каждым из этих политических объединений древней Эллады. Тем не менее, всё ещё остаётся вопрос о необходимости использования такого понятия исследовательского категориального аппарата как «фронтир». Поскольку противостояние Беотийского и Афинского союзов имеет под собой гораздо более широкую подоплёку, нежели борьба за первенство в одной из беотийских общин, то и адекватность применения понятия «фронтир» может быть оспорена.

Указанный характер объединения беотийских общин под предводительством Фив как гегемонистского (а также длительное противостояние Фив и Платей) заставляет рассматривать Парасопию исключительно географическим пограничьем. Пограничье политическое не может быть определено территорией Платей, поскольку эта область, скорее, являлась ещё одним политическим центром Беотии, одним из центров «оппозиции фиванскому владычеству», если допустимо так сказать (при учете создания интересующим нас полисом Платейского союза для противостояния Фивам). Иначе говоря, окраиной Беотийского союза Платеи считаться могут исключительно при нахождении в его составе. Однако на

примере событий 427 г. до н.э., связанных с перемещением платейской общины граждан в Афины и подчинением территории города Фиванской гегемонии, полис не может считаться ни частью Беотийского союза, ни окраиной этого же союза, поскольку «полис – городская гражданская община, конституирующая себя как государство»⁴⁴³. В таком случае релевантным выглядит вывод об отнесении Платей к окраине Афинской симмахии. Но и здесь возникает определённое противоречие. Нахождение платейцев на территории Аттики не исключает их беотийскую (или платейскую) идентичность, даже после дарования им прав афинского гражданства, что отчасти наблюдаем у Лисия в речи против Панклеона (Lys. 23): беженцы всё же воспринимаются как обособленная категория населения. Независимо от политической конъюнктуры того или иного исторического момента культурные связи платейских граждан с остальными беотийцами оставались прочными. Это подтверждается уже упомянутым фрагментом Павсания о праздновании Великих и Малых Дедалов. При отсутствии в Беотии платейцев (в связи с их изгнанием) панбеотийское празднество Дедалов не проводилось. Конечно, можно допустить, что Павсаний может упускать какой-либо контекст взаимоотношений и неправильно интерпретировать отсутствие празднования в годы платейского изгнания, но более поздними сведениями подтверждается именно такая точка зрения — граждане Платей после возвращения на родину преподнесли все недостававшие с их стороны ксоаны (деревянные изображения), т. е. праздновали Дедалы, даже не находясь в Беотии. Таким образом, мнение о Платеях как о простой окраине того или иного союза полисов выглядит серьёзным упрощением. В это же самое время концепция Х. Элтона позволяет учесть сразу географический, военно-политический и культурный факторы. Таким образом, рассмотрение

⁴⁴³ Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций / Отв. ред. В.В. Дементьева, И.С. Суриков. М. Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 16.

Платейского полиса представляется наиболее продуктивным именно при использовании концепции фронта.

Примеры фронтальных территорий обнаруживаются и в других областях античного мира. Например, в Ионии, поскольку ее полисы тоже несли на себе определённый отпечаток пограничности. Географически они располагались на территории Малой Азии, входя при этом в непосредственный контакт с державами Востока: Лидией, затем Персидским царством. Дипломатические отношения с ними, безусловно, привели к определённой форме культурного и религиозного обмена. После же вхождения общин в состав империи Ахеменидов происходила их адаптация к политической системе государства, соответственно, можно подчеркнуть и влияние восточного соседа на политическую сферу жизни полисов (посредством использования тиранов как фактических «ставленников» центральной власти)⁴⁴⁴. Таким образом, в иной форме, отличающейся от платейского случая, политические центры Ионии могут считаться находившимися на границе между *Rex Hellenica* и Востоком, они явились своеобразным фронтом между двумя типами гражданских коллективов: полисами классической Греции и восточными полисами.

Однако остаётся вопрос — фронтом между какими единицами является территория Платейского полиса? В рамках рассмотренной идеи фронт находится либо между государственными образованиями, либо между государством и его отсутствием, а в случае с платейским материалом нет ни полноценного государства (в современном представлении о полисном государстве), ни пустоши, которая бы граничила с неким политическим образованием и имела «варварское» население. К тому же сами Платеи предстают и фронтом, и политической единицей. В связи с этим

⁴⁴⁴ Лаптева М.Ю. Патриотизм и предательство в политической истории архаической Ионии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. №1(51). С. 22-29; Лаптева М.Ю. Ахемениды и восточногреческие тираны: особенности политического статуса и взаимоотношений (546-480 гг. до н.э. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. №2. С. 29-37.

необходимо отметить, что с различных позиций фронтир может находиться между разными категориальными единицами. Платеи как географическое пограничье разделяют Беотию и Аттику — области Греции (что также выделяет территорию как важный опорный пункт военного характера для обоих регионов); политическая граница здесь проходит между Делосским и Беотийским союзами; как языковое, так и этническое соприкосновение в этой области осуществляется между эолийцами и ионийцами; в экономическом плане интересующая община выступает рубежом между экономическими системами Афинского и Фиванского полисов. Пусть отличие это не выражено так ярко, но определённое различие в хозяйственной деятельности Аттики и Беотии также прослеживается на интересующей нас территории. Вследствие географического положения и наличия земельных ресурсов Платеи являлись поставщиком сельскохозяйственной продукции. При этом, можно сказать об экспортном потенциале местных производителей, поскольку в соседних Афинах имелся постоянный спрос на зерно. Более того, через Пирей платейцы могли участвовать в торговых операциях общегреческого рынка. Пользование же портом было доступно вследствие особых взаимоотношений с афинским полисом.

Мы можем сказать, что Платеи допустимо считать фронтиром согласно представлениям Х. Элтона. В то же самое время маловероятно, что такая особенность территории оказала какое-либо влияние на наличие определённых событий в истории города, но на их характер — безусловно. Платейская область в своё время стала ареной нескольких военных конфликтов (Пелопоннесская и Греко-персидские войны); статус региона постоянно оспаривался — Афинами, Фивами и Спартой. Кроме этого, три разрушения города — в 480, 427 и 373 гг. до н.э. лишь подчёркивают важность занимаемого им географического положения. Сведения древних авторов в совокупности указывают, что Платеи — фронтир, зона постоянного перемещения границы между Аттикой и Беотией, но не только как

географическими областями, но и как политическими единицами (при географическом причислении самого полиса именно к последней).

3.3 Платеи как фронтир между аттическим и беотийским подтипами греческой полисной культуры (субкультурами полисов)

Поскольку уже отмечено, чем важны и какие результаты даёт применение концепций М. Хансена и Х. Элтона к истории беотийского полиса Платеи, мы, с целью развития упомянутых теоретических построений, предлагаем объединить концепции названных специалистов. Полис Платеи в этом случае определяется как фронтир между двумя вариантами (подтипами) полисной культуры классического периода греческой истории. Это согласуется со сведениями письменных источников, элементами теории фронта и концепцией полисных культур. Для подтверждения нашей точки зрения рассмотрим критерии полисной культуры⁴⁴⁵ по Хансену, но теперь через призму Фиванского и Афинского полисов.

1) Вполне закономерным выглядит противопоставление отмеченных городских центров в отношении их языковых, культурных и религиозных особенностей. Аттический и беотийский являются лишь диалектами древнегреческого языка, но, тем не менее, выражают в себе как региональную, так и этническую принадлежность⁴⁴⁶. Соответственно, подобное отличие свидетельствует, скорее, о своеобразии культурных систем, чем об их схожести. К этому добавим, что и в религиозных делах двух центров имелись определенные различия. Для населения Аттики наиболее важную религиозную роль играли Панафиней и Элевсинские мистерии, основными святилищами предстают (кроме общегреческих) Элевсин, Сунион

⁴⁴⁵ Формулировки самих критериев см. данную главу III, параграф 1. Нумерацию их мы сохраняем.

⁴⁴⁶ Te Tiele G.J. Divergences locales dans la phonetique et la morphologie beotiennes // La Béotie antique. 1985. 15. P. 361-364.

и, безусловно, Парфенон, в то время как для беотийцев ключевую роль в религиозной сфере играли святилища Аполлона Исмения, Деметры Законодательницы и региональный праздник Великих Дедалов⁴⁴⁷. Несмотря на то, что имелись пересечения в почитании отдельных божеств, определённый паттерн отличия религиозной специфики общин прослеживается.

2) Рассуждая относительно факта разделения региона на различные города-государства, нельзя никак усомниться в соответствии Беотии этой характеристике полисной культуры. В рамках классического периода греческой истории основным процессом внутри области была борьба Фив за собственную региональную гегемонию с менее крупными политическими общинами региона, которые с разной степенью успешности пытались отстоять собственный суверенитет. Однако в случае с Аттикой возникает неопределённость, поскольку традиционно создание Афинского полиса объясняется синойкизмом локальных общин сельского типа в единое сообщество. Подтверждается это, в числе прочего, археологическими данными⁴⁴⁸. Однако считать эти общины полисами представляется неоправданным. Тем не менее, такое отличие во внутренней структуре регионов и формировании их основных центров показывает ещё один фактор отличия беотийских и аттической общин между собой.

3) Наиболее логичным будет отнести Афины к подтипу городов-государств 3б, беотийские городские центры явно могут быть причислены к подтипу 3а. Соответственно, не будет корректным отнесение представителей регионов к одному типу культуры городов-государств.

4) Применяя концепт городов-государств М. Г. Хансена, также находим отличие между упомянутыми регионами. Аттическая структура может быть отнесена к концепту 4а, беотийский материал подталкивает нас к концепту

⁴⁴⁷ Schachter A. Cults of Boiotia: 3. Potnia to Zeus // Bulletin of the Institute of Classical Studies. University of London. Supplement. 1994. Vol. 38.3. P. 139-159.

⁴⁴⁸ Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Изд. 2-е. Испр. и доп. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 84-93.

4с, поскольку в микенскую эпоху Фивы представляли собой один из дворцовых центров региона, прочие же общины, существовавшие как в классический период, так и в более ранние периоды, не могут считаться микенскими дворцами. Это, в свою очередь, может объяснить гегемонистские устремления Фив как попытку вернуть утраченное влияние в новых условиях жизни региона.

5) С одной стороны, отмеченные различия Афин и беотийских общин могут объясняться характеристикой 5 в теории Хансена, однако невозможность военного захвата соседних полисов и создания единой политической силы в регионе свидетельствует именно о различиях. Афинский полис, по сути своей, являлся региональным политическим объединением (вся Аттика считалась территорией Афинского полиса). Фиванская история взаимоотношений с другими городскими центрами Беотии, в т.ч. Платеями, подтверждает идею М.Г. Хансена о невозможности полностью подчинить власти полиса целый регион (о Беотийском союзе дополнительно пойдет речь ниже). Таким образом, при применении данного критерия полисной культуры очень ярко прослеживается различие между представителями двух регионов.

6) Длительная история военных столкновений общин двух регионов (спор о принадлежности Платей конца VI в. до н.э., фиванский мидизм и участие обеих общин в Греко-персидских войнах на разных сторонах конфликта, Пелопоннесская война, Беотийская война) показательна, хотя имелся и опыт союзнического взаимодействия (Коринфская война). Но вне рамок военных конфликтов существовали связи различного характера между общинами. Имело место сухопутная торговля, пусть и в гораздо меньших масштабах, чем морская; совместное участие в общегреческих празднованиях также не вызывает сомнений, как и в некоторых локальных (необходимо подчеркнуть, что граждане Платей, жившие на территории Афинского полиса, продолжали праздновать Дедалы). Более того, в контексте греческой культуры оба региона находились внутри единого культурного пространства.

Всё это означает, что использование критерия 6 М.Г. Хансена приводит нас к выводу, о наличии гораздо больше общего, чем различного.

7) Вне военных конфликтов, действительно, имело место межполисное взаимодействие, как через институт проксении, так и через межполисные союзы. Непосредственно же дипломатическое взаимодействие Беотии и Аттики происходило по линии двух союзов: Беотийского и Делосского.

8-9) Делосский и Беотийский союзы представляли собой надполисные объединения, в которых имелись как доминирующие центры (Афины и Фивы соответственно), так и зависимые общины. При этом, вне зависимости от первоначальной формы объединения, политика гегемона начинает иметь приоритет и становится тождественной политике союза. Прочие участники объединения могут быть отнесены к зависимым городам государствам, которые контролируются из условной «столицы».

10-11) Действительно, Беотийский союз в своей *de facto* итерации может быть представлен системой политий, в которой есть гегемон — Фивы, основная масса общин с различной степенью самостоятельности, а также подчинённые общины (например, Платеи после окончания осады в 427 г. до н.э.). При этом все они подчинены (*de iure*) не Фиванской общине, а центральному правительству федерации (в частности, в военном и фискальном отношении). И именно на беотийском примере М.Г. Хансен показывает различия между статусами отдельных общин внутри гегемонистского союза. Различные полисы, находясь внутри союза, не являются равноправными в союзных делах, могут быть лишены статуса полиса, но при этом оставаться полисом по своей структуре. С другой стороны, Афинский полис не может быть представлен таким же образом, поскольку вся территория Аттики и есть полис, без других, отдельных от Афин политических образований. Делосский же союз не являлся исключительно аттическим образованием, его география охватывала прочие регионы Ойкумены, а отнесение его членов к «аттической полисной культуре» на данном этапе является неприменимым.

12) Отмеченное разграничение имело важное значение в Афинском полисе, поскольку проводило грань между теми, кто мог и кто не мог играть роль в полисной политике, что может даже восприниматься как часть Афинской полисной идентичности (см. речь Лисия против Панклеона). Отчасти именно к такому пониманию вопроса можно отнести и противопоставление «беотийских свиней» с «аттической солью»⁴⁴⁹. На основании же беотийского материала нет возможности сделать настолько радикальных вводов, хотя можно отметить наличие метеков в составе населения беотийских городских центров.

13) Исчезновение греческой «полисной культуры» можно отнести ко времени кризиса полиса и Македонского завоевания (т.е. к IV в. до н.э.), по типу 13б. В этот же период наиболее вероятным выглядит и конец существования предполагаемых подтипов полисной культуры. М.Г. Хансен справедливо настаивает на продолжении существования полиса как института, который исчезает лишь в поздней Античности после многих веков упадка⁴⁵⁰. Но это не исключает нивелирования отдельных полисных субкультур.

14) Ключевой критерий полисной культуры — возможность ее появления в соседних регионах. Именно с этих позиций очень важно подойти к рассмотрению Беотийского и Аттического регионов. Мы считаем, что полисная культура в Аттике, как и полисная культура в Беотии, являлись частью полисной культуры Античной Греции классического периода. При этом, при более широком рассмотрении допустимо считать всю греческую Ойкумену собранием кластеров греческой полисной культуры, или, как предлагаем мы, подтипов общегреческой полисной культуры.

Культуры городов-государств часто появляются в соседних регионах, в некоторых случаях с допущением можно говорить о кластерах таких культур.

⁴⁴⁹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., Прогресс, 1991. С. 25.

⁴⁵⁰ Hansen M.H. The Concepts of City-State and City-State Culture. // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre / Ed. by M.H. Hansen. Copenhagen: Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, 2000. P. 145.

15) Данный критерий, предложенный М.Г. Хансенom, не применим к интересующим нас регионам, тем более в рамках интересующего нас периода.

Таким образом, отметим, что в большей части упомянутых критериев заметно различие между чертами полисной культуры в двух отмеченных областях. В связи с этим мы предлагаем выделять в рамках единой древнегреческой культуры городов-государств классического периода (как типа культуры) полисные культуры Аттики и Беотии – как подтипы, т.е. субкультуры. Такой подход позволит учесть специфику каждого региона, дополнить уже существующую типологизацию М.Г. Хансена, а также выделить особенности промежуточного положения полиса Платеи между двумя подтипами полисной культуры. Более того, поскольку мы рассматриваем как Платеи, так и соседние общины в рамках классического периода, то и отнести все эти полисы следует (согласно критериям концепции М.Г. Хансена) к «культуре городов-государств классического периода». Однако, на основании его критериев 1, 6, 10, 11, 14⁴⁵¹ и применяя одновременно наши результаты использования теории Х. Элтона (см. главу III, параграф 2), мы можем сделать вывод, что Платеи являются

⁴⁵¹ 1) «Регион населён людьми, говорящими на одном языке и разделяющими общую культуру».

6) «Война между городами-государствами повсеместна, но в то же самое время всегда существует значительное экономическое, религиозное и культурное взаимодействие, проникающее через все границы».

10) «Таким образом, города-государства одной культуры не обязательно являются “равноправными политиями”, но могут представлять систему политий с иерархической организацией, в которой некоторые — гегемоны, некоторые — независимы, а некоторые — подчинены.»

11) «Зависимые города-государства — это самоуправляющиеся сообщества, но в отношении внешней политики или обороны они или обладают ограниченной независимостью или не обладают ей совсем, также обычно они обязаны платить дань и собирать войска для повелителя по соседству, или города-гегемона в рамках региона, или же для центрального правительства в тех территориях, где города-государства объединены в федерацию».

14) «Культуры городов-государств часто появляются в соседних регионах, в некоторых случаях с допущением можно говорить о кластерах таких культур»

фронтиром⁴⁵² между двумя подтипами культуры городов-государств классического периода; условно назовём их беотийским и аттическим. Саму же платейскую общину мы уже анализировали на предмет соответствия как культуре полисов, так и её типам⁴⁵³, и она несёт в себе элементы как «беотийского», так и «аттического» начала, что говорит о том самом «смещении границ» в трактовке теории фронта.

Мы считаем, что территория Платейского полиса может выступать своеобразным буфером между двумя разными подтипами полисной культуры⁴⁵⁴. Сами Платеи, согласно тем же критериям полисной культуры, можно считать, вероятнее всего, вариацией подтипа. Иными словами, две разные политические единицы, но при этом одного (надполисного) характера подразумевают под собой два разных подтипа полисных культур; соответственно, Платеи находятся на пограничье этих культур, возможно, являясь отдельным вариантом развития той или иной полисной культуры. На основании этого мы предлагаем трактовать пограничность Платей как фронт между двумя подтипами полисной культуры, который находился на территории данного полиса. Аргументы в подтверждение указанного вывода мы находим как в особенностях политической истории города, так и в самом факте двустороннего интереса к региону Парасопии. Дальнейшие перспективы исследования находятся в русле научной дискуссии о релевантности высказанного нами предположения, а также попыток рассмотрения других регионов с целью поиска фронтальных признаков и выделения иных подтипов полисной культуры классического периода. Последующий поиск подобных пограничных регионов в Рах Граеса может стать направлением в изучении отдельных территорий и малых социумов греческого мира. В случае же более глобального рассмотрения имеет смысл

⁴⁵² Кореньяк В.С. Платеи как фронт между Беотией и Аттикой. Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2025. №167(5-6). С. 20-31.

⁴⁵³ Кореньяк В.С. Беотийский подтип классического полиса и Платеи как его представитель («субкультура» в рамках развития концепции «city-state culture» М. Хансена) // *Via in tempore*. История. Политология. 2023. Т. 50. №3. С. 561-571.

⁴⁵⁴ Там же. С. 567-568.

вести речь о кластерах полисных субкультур в разных регионах Ойкумены или даже дискутировать о других основаниях выделения подтипов. В рамках античной полисной цивилизации классического периода можно выделять региональные, а может, даже локальные полисные подтипы культур, тем самым развивая концепт “city-state culture”» усовершенствуя ее путем введения дополнительных элементов типологизации.

Отметим, что применение теоретических построений М.Г. Хансена и Х. Элтона к конкретным обществам позволит по-новому взглянуть на региональную историю Античности. Проведенное нами использование концепции фронта и концепции полисных культур – в их сочетании – к материалу Платейского полиса показывает возможности новых ракурсов рассмотрения при исследовании проблем фронтирных обществ и малых социумов. По итогам нашего изучения Платеи предстают фронтиром между аттическим и беотийским подтипами греческой полисной культуры классического периода. На наш взгляд, это подтверждается как сведениями нарративных источников, так и археологическим материалом, а также тем, что сама рассматриваемая община в различные периоды своей истории обладала специфическими чертами как беотийского, так и аттического происхождения.

Заключение

Изучение беотийского полиса Платеи в рамках классического периода древнегреческой истории было проведено на основе анализа письменной нарративной традиции, эпиграфических и папирологических источников об истории данной гражданской общины. Упоминания Платейского полиса в письменных источниках носят преимущественно характер указания на время и место отдельных событий. Город предстаёт географическим ориентиром Беотии (и субрегиона Парасопии), местом сражения 479 г. до н.э. Само сражение (как и город при формулировке, например, «во время, <...> произошедшее у Платей») выступает хронологическим ориентиром, с помощью которого древние авторы отмечают положение иных событий прошлого. В жизни известных военных и политических деятелей Платейская битва становится не только временной, но и знаковой точкой этапа карьеры или всей биографии. При этом, в случае подобных упоминаний, информации о самом городском центре, его населении и т.д. не сообщается. Соответственно, выделим наиболее общую тенденцию в античном отношении к Платеям – как к месту, где произошло знаменитое сражение в ходе Греко-персидских войн, а также вечному антагонисту Фиванского полиса. Другие контексты упоминания общины заключаются в участии платейцев в борьбе за независимость полисов Эллады от власти Персидского царя (участие контингента города в Марафонском сражении, и Битве при Платеях), утверждении в городе центра поклонения Зевсу Элевтерию (как символу свободы и независимости). Гораздо реже упоминается платейский вклад в борьбу с мидянами на море (в битве при Артемисии). Отдельной категорией сюжетов об истории общины является Пелопоннесская война. Именно с неудавшейся попытки переворота в Платеях берёт своё начало конфликт, затронувший большую часть гражданских общин континентальной Греции, а завершение осады маленького беотийского города на склонах Киферона стало одним из первых витков проявления неоправданной

жестокости обеими сражавшимися сторонами. Так или иначе, но сам факт осады, как и незавидная судьба оставшихся в городе защитников, освещаются источниками, пусть и в разной степени детализации. В логической связке с осадой города⁴⁵⁵ и его разрушением обычно идёт сюжет о переселении его гражданской общины в Афины с её наделением афинскими гражданскими правами. О характере этой процедуры и особенностях реализации прав сообщают лишь речи античных ораторов, в то время как исторические сочинения довольствуются сухой констатацией факта получения гражданских прав. О дальнейшей истории – как коллектива граждан, так и территории городского центра – сведения малочисленны.

Можно констатировать, что долгое время платейцы проживали в демах и трибах Аттики, пытаясь каким-либо образом наладить своё существование вне родной земли. Они принимали участие в некоторых военных операциях в составе вооружённых сил Афинского полиса, стремились начать новую жизнь при заселении Скионы, после чего вновь вернулись в Афины. Только лишь в начале IV в. до н.э. им удалось ненадолго вернуть родные полис и хору, однако ценой этого возвращения стало усиление спартанского влияния в общине, в ущерб её независимости. Затем Платеи вошли в состав Беотийского союза, после чего жители города снова были изгнаны, а город фактически разрушен. Окончательное воссоединение населения и территории общины произошло уже в эпоху эллинизма, как и полноценное восстановление городского центра⁴⁵⁶.

Эпиграфические источники в такой же степени скудны на детали истории общины. В силу разрушений города, его заброшенности после периода поздней Античности, повторного использования остатков построек и укреплений жителями близлежащих общин, сохранность памятников материальной культуры на его территории предстаёт как весьма удручающая. Мы лишь можем выделить ряд имён жителей города, некоторые должности

⁴⁵⁵ 429-427 гг. до н.э.

⁴⁵⁶ В промежутке между 338-335 гг. до н.э.

(см. гл.1) и предполагаемую взаимосвязь с населением аттических Ахарн и Декелеи. Папирологический источник (“*Hellenica Oxyrhynchia*”) только один раз отмечает Платеи в качестве потерявшей самостоятельность общины в составе Беотийского союза (на протяжении более трёх десятков лет). Но в течение большей части классического периода греческой истории полис существовал.

Кроме участия в событиях военно-политической истории, источники дают представление (в гораздо меньших объёмах) о сакральной сфере: кроме культа Зевса Элевтерия, отмечаются святилища Геры, Афины, Деметры, подношения Дельфийскому, Олимпийскому и Истмийскому святилищам. Особую роль в религиозном мышлении платейцев играл праздник Дедалов, посвящённый Гере и выступавший связующим звеном между ними и остальными общинами Беотии. Имеет смысл говорить о вовлечённости граждан Платей и в Афинское религиозное пространство, в частности, в празднование Панафинеев.

Сведения об экономическом развитии полиса отрывочны и не позволяют составить целостной картины. Наиболее предпочтительной видится роль города как производителя сельскохозяйственной продукции, что не является чем-то отличным от большинства общин древней Эллады. В то же время, географическое положение Платей подразумевает не только выращивание сельскохозяйственных культур, но и пастбищное животноводство. Вследствие этого допустимо предполагать специализацию на продукции животноводства, а также на поставках тяглового скота в Аттику (поскольку внутри Беотии, одного из самых плодородных регионов Эллады, все общины имели весьма широкие возможности сельскохозяйственного производства в главных его отраслях). Отметим, что не приходится считать высоким уровень жизни платейцев, особенно в свете вынужденной миграции конца V в. до н.э.

Дипломатическое взаимодействие Платейской общины с Фиванским и Афинским полисами может быть представлено в виде политического

противоборства между двумя претендентами на гегемонию. Платеи являлись противником Фив на протяжении практически всего классического периода древнегреческой истории (и даже части поздней архаики), стремясь сохранить самостоятельность в рамках региона. Афины же выступали своеобразным «старшим товарищем» для маленького городка в Парасопии, поддерживая его в рамках внутрибеотийского противостояния. Платеи отвечали соответствующим уровнем лояльности и военной поддержки.

Отмеченные особенности политической, военной истории и развития религиозной сферы полиса Платеи позволяют рассматривать письменный и вещественный материал о нем через призму теоретических концепций М.Г. Хансена и Х. Элтона. С одной стороны, гражданская община отмечается как представитель полисной культуры классического периода. Ряд элементов, необходимых для отнесения общины к полисным культурам, проявляющихся в Платеях, является характерным именно для Беотийского региона. На основании этого мы выделяем беотийский подтип полисной культуры Эллады классического периода, с определением полиса Платеи как проявления/вариации данного подтипа. С другой стороны, территория общины соответствует признакам фронта (зоны перемещения границы), поскольку в городском центре прослеживаются как беотийские, так и аттические веяния в политике, экономике, религии и культуре. Отмеченный интерес к региону южной Беотии, как со стороны Фив, так и со стороны Афин, дополнительно подтверждает столкновение двух политических векторов именно в Платеях. Таким образом, нами предлагается трактовка пограничного характера полиса как фронта между двумя подтипами полисной культуры классического периода. Территория полиса, в таком случае, выступает зоной смешения политической, экономической, культурной сфер каждого из подтипов. При этом Платеи представляют собой вариацию и беотийского, и аттического подтипа полисной культуры. Такой подход позволяет по-новому осуществлять рассмотрение ряда актуальных вопросов современного антиковедения: регионализма, локализма, федерализма.

Причём, на предложенный подход в значительно меньшей мере влияет афино- или лаконоцентризм источников и историографии, поскольку в фокусе исследовательского внимания оказываются особенности конкретной общины, территории, региона, что открывает новые перспективы в вопросе изучения отдельных территорий и малых социумов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Сокращения имен и произведений античных авторов:

Aristoph. – Аристофан

Acharn. – Ахарняне

Rax – Мир

Ran – Лягушки

Thesm. – Женщины на празднике Фесмофорий

Dem. – Демосфен

Diod. Sic. – Диодор Сицилийский

Hell. Оху. – Греческая история из Оксирина

Hrd. – Геродот

Hom. – Гомер

Il. – Илиада

Isoc. – Исократ

Lys. – Лисий

Liv. – Тит Ливий

Nep. – Корнелий Непот

Alc. – Алкивиад

Ar. – Аристид

Milt. – Мильтиад

Paus. – Павсаний

Oros. – Павел Орозий

Paus. – Павсаний

Pind. – Пиндар

Plin – Плиний

Plut – Плутарх

Aem – Эмилий Павел

Agis. – Агис

Alex. – Александр

Arist. – Аристид

Cam. – Камилл
Cim. – Кимон
Comp. Aristid. Cat. – Сравнение Аристида и Катона
Comp. Lys. Sull. – сравнение Лисандра и Суллы
Comp. Sol. Publ. – Сравнение Солона и Попликолы
Flam. – Тит Фламинин
Lys. – Лисандр
Phoc. – Фокион
Pel. – Пелопид
Them. – Фемистокл
Polyaenus Strat. – Полиэн, Стратагемы
Polyb. – Полибий
Quint. – Квинтилиан
Inst. – Риторические наставления
Strab. – Страбон
Thuc. – Фукидид
Xen – Ксенофонт
Hell – Греческая история

**Сокращения названий журналов
и изданий источников:**

ВДИ – Вестник древней истории
AIO – Attic Inscriptions Online
CQ – Classical Quarterly
IG – Inscriptiones Graecae
JHS – Journal of Hellenic Studies

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

Публикации источников на древнегреческом и латинском языках

1. Attic Inscriptions online (AIO). URL: <http://www.atticinscriptions.com/> (accessed: 26.02.2026).
2. Aristophanes. Acharnanses // MUSAIOS MFC. Application (версия 1.0.4.1) [электронный ресурс]: Античные источники в оригинале, Darl D. Dumont, Randall M. Smith электрон. дан. Pacific Palisades: Darl D. Dumont, 1995. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). (далее – MUSAIOS).
3. Aristophanes. Pax // MUSAIOS.
4. Aristophanes. Ranae // MUSAIOS.
5. Aristophanes. Thesmophoriazusae // MUSAIOS.
6. Demosthenes. Orationes. In Neaeram // MUSAIOS.
7. Diodoros Sicilicum. Bibliotheca historica // MUSAIOS.
8. Hellenica // MUSAIOS
9. Hellenica Oxyrhynchia / Edited with translation and commentary by P.R. McKechnie & S.J. Kern. Oxford: Aris & Phillips, 1988. 187 p.
10. Herodotus Historiae // MUSAIOS.
11. Inscriptiones Graecae. Megaridis Oropiae Boeotiae / Ed. W. Dittenberger. Reduced reprint of the Berlin 1892 edition. Chicago: Ares Publishers, Inc., 1992. 806 p.
12. Isocrates. Orationes. Panathenaicus // MUSAIOS.
13. Isocrates. Orationes. Plataicus // MUSAIOS.
14. Livius, Titus Ab Urbe Condita // MUSAIOS
15. Lysias. Orationes. In Pancleonem // MUSAIOS.
16. Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the end of the fifth century B.C. Oxford: Clarendon Press, 1969. 308 p.

17. Cornelius Nepos. Vitae // MUSAIOS.
18. Orosius. Historiarum Adversum Paganos. [Электронный ресурс] URL: <https://www.thelatinlibrary.com/orosius.html> (Accessed: 17.02.2026)
19. Pausanias. Graeciae descriptio. [Электронный ресурс] URL: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.01.0159> (Accessed: 20.02.2026)
20. Plutarchus. Vitae Parallelae. Comparatio Solonis et Publicolae // MUSAIOS.
21. Plutarchus. Vitae Parallelae. Aristides // MUSAIOS.
22. Plutarchus. Vitae Parallelae. Phocion // MUSAIOS.
23. Plutarchus. Vitae Parallelae. Pelopidas // MUSAIOS.
24. Plutarchus. Vitae Parallelae. Alexander // MUSAIOS.
25. Plutarchus. Vitae Parallelae. Titus Flamininus // MUSAIOS.
26. Plutarchus. Vitae Parallelae. Cimon // MUSAIOS.
27. Plinius Secundus. Naturalis Historia [Электронный ресурс] URL: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.02.0138> (Accessed: 28.01.2026)
28. Polyaeus. Strategemata // MUSAIOS.
29. Polybius. Historiae // MUSAIOS.
30. Quintilianus. Institutio Oratoria // MUSAIOS.
31. Rhodes P.J., Osborne R. Greek Historical Inscriptions, 404-323 B.C. New York: Oxford University Press, 2003. 632 p.
32. Searchable Greek Inscriptions. Epigraphy project of the Packard Humanities Institute. URL: <http://www.epigraphy.packhum.org> (accessed: 18.03.2026).
33. Strabo. Geographica // MUSAIOS.
34. Thucydides. Historiae // MUSAIOS.
35. Xenofon. Agesilaus // MUSAIOS.
36. Xenofon. Anabasis // MUSAIOS.
37. Xenofon. Cyropaedia // MUSAIOS.
38. Xenofon. Hellenica // MUSAIOS.

Публикации источников в переводах на русский и английский языки

39. Аристофан. Комедии: В 2-х тт. Т. 1 / Пер. с древнегреч. / Комментар. В. Ярхо. М.: Искусство, 1983. Т. 1. 440 с. Т. 2. 520. с.
40. Геродот. История в девяти книгах / Перевод и примечания Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.
41. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книги IV-VII. Греческая мифология / Пер. О.П. Цыбенко. СПб.: Алетейя, 2005. 384 с.
42. Илиада / Пер. с древнегреч. Н. Гнедича. М.: Моск. Рабочий, 1982. 448 с.
43. Исократ. Малые аттические ораторы / Под общ. Ред. Э.Д. Фролова. М.: Ладомир, 2013. 1071 с.
44. Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Пер. ст. и комм. Н.Н. Трухиной. М.: Издательство МГУ, 1992. 208 с.
45. Ксенофонт. Анабасис. Греческая История / Пер. С.Я. Лурье, М.И. Максимовой, С.И. Соболевского. М.: АСТ; Астрель, 2011. 642 с.
46. Ливий Тит. История Рима от основания города. В 3тт. / Переводы под ред. М.Л. Гаспарова, Г.С. Кнабе, В.М. Смирин. Отв. ред. Е.С. Голубцова. (Серия «Памятники исторической мысли»). М.: Наука, 1989—1993. Т. 3. Книги 31-45. 1993. 768 с.
47. Лисий. Речи / Пер., статьи и комм. С.И. Соболевского. М.: Ладомир, 1994. 371 с.
48. Орозий, Павел. История против язычников / Пер. вступ. ст. комм. и указ. В.М. Тюленева. В 3 тт. Серия: Византийская библиотека. СПб.: Алетейя, 2001–2003. Книги I–III. СПб., 2001. 384 с.
49. Павсаний. Описание Эллады. В 2 тт. / Пер. С.П. Кондратьева. 4-е изд. (Серия: Классическая мысль). М.: АСТ-Ладомир, 2002. Т. 1. 496 с. Т. 2. 512 с.

50. Плиний Старший, Гай. Естественная история ископаемых тел / Пер. и прим. В.М. Севергина. СПб.: Императорская академия наук, 1819. 364 с.
51. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. М.: Наука, 1994. Т. I. 706 с. Т. II. 674 с.
52. Полибий. Всеобщая история. Книги I-IX / Пер. и ком. Ф.Г. Мищенко. М.: Олма-Пресс Инвест, 2004. 576 с.
53. Полиэн. Стратегемы / Под общ. Ред. А.К. Нефёдкина. СПб.: Евразия, 2002. 607 с.
54. Страбон. География / Пер. с др.-греч. Г.А. Стратановского под ред. О.О. Крюгера. Общ. ред. С.Л. Утченко. 2-е изд. Репр. М.: Ладомир, 1994. 944 с.
55. Фабий Квинтилиан, Марк. Двенадцать книг риторических наставлений. / Пер. с лат. [неполный] А. Никольского. Ч. 1. СПб: Типография Императорской Российской Академии, 1834. 486 с.
56. Фукидид. История / Изд. подгот. Г.А. Стратановский и др.; [Примеч. Г.А. Стратановского] М.: Л. Наука, 1981. 543 с.
57. Фукидид. История / Пер. Ф.Г. Мищенко в перераб., с примеч. и вступ. очерком С. А. Жебелева. М.: М. и С. Сабашниковы, 1915. 447 с.
58. Hellenica Oxyrhynchia / Edited with translation and commentary by P.R. McKechnie & S.J. Kern. Oxford: Aris & Phillips, 1988. 187 p.
59. Herodotus, with an English translation by A.D. Godley. Cambridge: Harvard University Press, 1920. 446 p.
60. Livy. Books XXXI-XXXIV with an English Translation. Cambridge: Cambridge, Mass., Harvard University Press; London: William Heinemann, Ltd., 1935. 624 p.
61. Pliny. Natural History. With an English translation. Vol. II. Libri III-VII. / Ed. by H. Racham. London: Heineman Ltd. 1961. 670 p.
62. Plutarch. Plutarch's Lives. With an English Translation by Bernadotte Perrin. Cambridge: MA., Harvard University Press; London: William Heinemann.

Ltd., 1914. Vol. I. 608 p. Vol. II. 640 p. Vol. III. 464 p. Vol. IV. 480 p. Vol. V. 560 p. Vol. VI. 496 p. Vol. VII. 640 p. Vol. VIII. 432 p. Vol. IX. 640 p. Vol. X. 416 p. Vol. XI. 512 p.

II. Исследования

63. Андреев Ю.В. Начальные этапы становления греческого полиса // Город и государство в древних обществах. Л.: ЛГУ, 1982. С. 3-17.
64. Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л.: Издательство Ленинградского ун-та. 1976. 142 с.
65. Античная Греция: проблемы развития полиса / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: АН СССР, Институт всеобщей истории, 1983. В 2 тт. Т. 1. Становление и развитие полиса. 421 с.; Т. 2. Кризис полиса. 383 с.
66. Античный полис: Курс лекций / Отв. ред. В.В. Дементьева, И.Е. Суриков. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 240 с.
67. Белох Ю. Греческая история: в 2 тт. / Пер. с нем. М.О. Гершензона. / Под. ред. и со вступ. ст. Ю.И. Семенова. М: Гос. публ. ист. б-ка России, 2009. Т. 1. 468 с.
68. Боннар А. Греческая цивилизация. Т. I. От Илиады до Парфенона / Пер. с франц. О.В. Волкова. Предисл. проф. В.И. Авдиева. М.: Искусство, 1992. 269 с.
69. Бузескул В.П. История Афинской демократии / Науч. редакц. Э.Д. Фролова, М.М. Холода. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. 480 с.
70. Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 366-420.

71. Востриков И.В. Афинская кавалерия в конце IV–III вв. до н.э. // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2023. Т. 43. № 1. С. 45-58.
72. Востриков И.В. Военная организация Афин (338–146 гг. до н.э.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Казань, 2014. 225 с.
73. Востриков И.В. Формирование гоплитского ополчения в Афинах // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. Кн. 1–2. С. 19-31.
74. Гвоздева Т.Б. Военные аспекты панафинейского праздника // *Antiquitas Aeterna* (Поволжский антиковедческий журнал): Вып. 2: Война, армия и военное дело в античном мире. Саратов: СГУ, 2007. С. 220-240.
75. Гвоздева Т.Б. Гоплитодромос — категория древнегреческой атлетики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 3. С. 318-329.
76. Грацианская Л.И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР 1986. М.: Наука, 1988. С. 6-175.
77. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М.: Эксмо, 2015. 496 с.
78. Дементьева В.В. «Современная античность и античная современность» (Историография начала XXI века о греко-римских истоках европейских политических парадигм) // Вестник древней истории. 2008. №3. С. 212-223.
79. Дементьева В.В. Античная свобода как основа современного понятия политической свободы (историографические заметки) // Государство. Общество. Религия: Проблемы всемирной истории: Сб. науч. тр. / В.В. Дементьева, М.Е. Ерин (отв. ред.). Ярославль, 2007. С. 3-10.
80. Жестоканов С.М. Фукидид и коринфская морская держава // Мнемон. 2015. Вып.15. С. 150-160.

81. Зельин К.К. Борьба политических группировок в Аттике VI в. до н.э. М.: Наука, 1964. 272 с.
82. Карпюк С.Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М.: ИВИ РАН, 2003. 310 с.
83. Карпюк С.Г. Политическая география классических Афин: Фукидид и его современники об островах и островитянах // ВДИ. 2005. № 2 (253). С. 27-41.
84. Картледж. П. История Древней Греции в 11 городах / Пер. с англ. А.В. Короленкова, Е.А. Семёновой. Москва: АСТ, 2014. 285 с.
85. Кессиди Ф.Х. Философия истории Фукидида. СПб.: Алетейя. 2008. 272 с.
86. Клейн Л.С. «Илиада»: эпос и история. Спб.: «Евразия», 2019. 224 с.
87. Клейн Л.С. Расшифрованная «Илиада». СПб.: Амфора, Петроглиф, 2014. 576 с.
88. Коннолли П. Греция и Рим. Эволюция военного искусства на протяжении двенадцати веков. М.: ЭКСМО-Пресс, 2009. 312 с.
89. Кореньяк В.С. Археологическое изучение беотийского полиса Платеи // Лістападаўскія сустрэчы – XIII: матэрыялы міжнар. навук. выкладчыц.-студэнц. канф. у гонар акад. М. М.Нікольскага і У. М. Перцава, Мінск, 14–15 лістап. 2019 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: В.А.Фядосік (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2019. С. 31-33.
90. Кореньяк В.С. Афино-платейские отношения в контексте вопроса о форосе // Актуальные проблемы истории, туризма, рекламы и связей с общественностью: тезисы докладов конференции, Международная молодёжная научно-практическая конференция (23 апреля 2020 г., Ярославль); редакционная коллегия: В.М. Марасанова [и др.]. ЯрГУ, 2021. С. 3-6
91. Кореньяк В.С. Беотийский подтип классического полиса и Платеи как его представитель («субкультура» в рамках развития концепции «city-

- state culture» М. Хансена) // *Via in tempore. История. Политология.* 2023. Т. 50. №3. С. 561-571.
92. Кореньяк В.С. Беотийский полис Платеи и фиванский гегемонизм: фронтир или окраина «империи»? // *Пути империй: модели, практики, дискурсы наднациональных политий от древности до современности: Материалы международной научной конференции (XVII Чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова) (г. Нижний Новгород, 3–5 декабря 2020 г.)* / Под ред. А.Н. Маслова и А.В. Махлаюка. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 36-41.
93. Кореньяк В.С. Взгляд на беотийские Платеи в ракурсе «Копенгагенского закона о полисе» // *Чтения имени А. С. Дембовецкого. 755-летию Могилева посвящается: сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / М-во образования Респ. Беларусь, М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Белорус.-Рос. ун-т; редкол.: М. Е. Лустенков [гл. ред. и др.]. Могилев: Белорус.-Рос. ун-т, 2022. Ч. 1. С. 383-386.*
94. Кореньяк В.С. Дедалы: панбеотийское празднество// *Древние цивилизации: социум и человек. Доклады конференции Российской ассоциации антиковедов с международным участием ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 4-6 октября 2018 г.* / отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль: Филигрань, 2018. С. 191-195.
95. Кореньяк В.С. Латинские источники о греческих Платеях // *Путь в науку. История: материалы конференции / ред. колл. В.М. Марасанова [и др.]. Ярославль: ЯрГУ, 2019. С.3-5.*
96. Кореньяк В.С. Политические институты античных Платей по сведениям нарративных источников // *Вестник Ярославского Государственного Университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки.* 2020. №4. С. 12-15.
97. Кореньяк В.С. Сведения о полисе Платеи в «Истории Пелопонесской войны» Фукидида // *Вестник Ярославского Государственного*

- Университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2019. №3. С. 28-31.
98. Кореньяк В.С. Сведения Павсания о греческом полисе Платеи // Материалы международного молодёжного научного форума «Ломоносов-2018» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2018. DVD-ROM.
99. Кореньяк В.С. Участие Платей в битве при Артемисии // Всероссийская научная конференция «XXIII Сергеевские чтения». Сборник тезисов / Ред. И.А. Ладынин, А.В. Сафронов. М.: Гаудеамус, 2025. С. 49.
100. Кореньяк В.С. Платеи как фронтир между Беотией и Аттикой // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2025. №167(5-6) С. 20-31.
101. Крупенкин Е.Н. Концепция фронта в современной отечественной литературе: эвристические возможности и пределы применения // Вестник Брянского государственного университета. 2018. №1. С. 87-93.
102. Кулишер И.М. Очерк экономической истории Греции. Л.: Изд. «Сеятель», 1925. 240 с.
103. Кулишова О.В. Дельфийский оракул в межполисных отношениях в древней Греции в эпоху Пятидесятилетия // Исторический процесс: истоки, перипетии, перспективы. Межвуз. сб. / Под ред. Л.С. Емельяновой и др. М.; Йошкар-Ола: МГТУ, 2001. С. 32-48.
104. Курциус Э. История Древней Греции. В 5 тт. Минск: АСТ Харвест, 2002. 496 с.
105. Кутергин В.Ф. Беотийский союз в 379–335 гг. до н.э. Саранск: Издательство Мордовского Университета, 1991. 184 с.
106. Лаптева М.Ю. Иония и ионийское восстание в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского // История и историческая память. 2025. №31. С. 102-106.

107. Лаптева М.Ю. Мир архаического полиса в восприятии ионийских интеллектуалов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. №1(23). С. 3-17.
108. Лаптева М.Ю. Патриотизм и предательство в политической истории архаической Ионии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1(51). С. 22-29.
109. Лаптева, М.Ю. Афины и Пилос в ионийской миграции // Россия – Крым – Балканы: диалог культур: Научные доклады международной конференции, Севастополь, 06–10 сентября 2004 года / Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский государственный университет им. А.М. Горького; Национальный заповедник «Херсонес Таврический»; Шуменский университет «Епископ Константин Преславский»; Уральский межрегиональный институт общественных наук; Институт всеобщей истории РАН; Ред. колл.: В.П. Степаненко [и др.],. Севастополь: Волот, 2004. С. 17-22.
110. Лаптева, М.Ю. Ахемениды и восточногреческие тираны: особенности политического статуса и взаимоотношений (546-480 гг. до н.э.) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 2. С. 29-37.
111. Ленцман Я.А. Пелопоннесская война // Древняя Греция / Отв. ред. В.В. Струве и Д.П. Каллистов. М.: Академия наук СССР, 1956. С. 267-348.
112. Лурье С.Я. Беотийский союз. СПб.: Сенатская типография, 1914. 762 с.
113. Лурье С.Я. Геродот. Москва–Ленинград, издательство АН СССР, 1947. 236 с.
114. Лурье С.Я. История Греции. СПб.: Издательство СПбГУ, 1993. 680 с.
115. Лурье С.Я. Эксплуатация афинских союзников // ВДИ. 1947. №2. С. 13-27.
116. Маринович Л.П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М.: Наука, 1975. 275 с.

117. Маринович Л.П. Наемники в период Пелопоннесской войны / Л.П.Маринович // Вестник древней истории. 1968. №4. С. 70-90.
118. Маяк И.Л. Понятие власти и собственности в сочинении Авла Геллия // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1998. №1 (3). С. 9-27.
119. Медовичев А.В. Греческий полис как город и государство // Феномен полиса в современной зарубежной историографии: Реф. сб. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории; Отв. ред. А.Е. Медовичев. Москва, 2011. С. 68-84.
120. Можайский А.Ю. «Чума» Фукидида и ее влияние на пайдейю // Hypothekai. 2022. №6. С. 129-144.
121. Можайский А.Ю. Внешнеполитический курс Фиванского полиса в Классический период: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М.: 2007. 231 с.
122. Можайский А.Ю. Захват спартанцами Фив в 382 г. до н.э. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. №4. С. 20-29.
123. Можайский А.Ю. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в Беотии: становление Фиванского полиса // Списание «ЕПОХИ». 2023. Т. 31. №1. С. 25-36.
124. Можайский А.Ю. Образ фиванцев в сочинениях Ксенофонта // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. №13.2. С. 580-595.
125. Можайский А.Ю., Пичугина В. К. Описание Платей М.С. Куторгой в «Русском вестник»: особенности исторической памяти // Современные проблемы книжной культуры: Основные тенденции и перспективы развития: материалы XVI Белорусско-Российской научной конференции, Москва, 22-23 ноября 2023 г. / Под общ. ред.: Н.В.Вдовина. Сост.: Л.А. Авгуль, Н.В. Вдовина. М., Мн.: Центральная научная библиотека НАН Беларуси, ФГБУ науки Научный и издательский центр «Наука» РАН, 2023. С. 354-361.
126. Налимова Н.А. Классические Афины до «эпохи Перикла»: утраченные архитектурные и живописные памятники // Актуальные проблемы

- теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 2. / Под ред. А.В. Захаровой. СПб.: НП-Принт, 2012. С. 24-28.
127. Нефедкин А.К. Основные типы формирования фаланги гоплитов: военный аспект проблемы // ВДИ. 2002. №1. С.87-96.
128. Никитюк Е.В. Фукидид и Афинская демократия // Мнемон. 2008. Вып. 7. С. 119-133.
129. Парк Г.У. Греческие наёмники. «Псы войны» древней Эллады. / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2013. 287 с.
130. Персия, Греция и западное Средиземноморье. Ок. 525-479 гг. до н.э. / Под ред. Дж. Бордмэна, Н.Дж.Л. Хэммонда, Д.М. Льюиса и М. Оствальда: Пер. с англ., подготов. текста, предисловие, примечания А.В. Зайкова. М.: Ладомир, 2011. 1112 с.
131. Рунг Э.В. «Платейская клятва» в нарративной традиции и эпиграфике: Проблема интерпретации текста // Вопросы эпиграфики. 2009. Вып.3. С.84-101.
132. Рунг Э.В. ΠΡΟΔΟΣΙΑ: Феномен предательства в классической Греции // Вестник Нижегородского университета им. Н.Н. Лобачевского. 2016. №2. С. 77-87.
133. Рунг Э.В. Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI–IV вв. до н. э. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2008. 484 с.
134. Рунг Э.В. Мидизм в период Греко-персидских войн: К вопросу о наказании сторонников персов в Греции в 480-479 гг. до н.э. // Antiquitas Aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. 2007. Вып.2. С. 256-272.
135. Рунг Э.В. О новой парадигме исследования греко-персидских отношений в историографии // Учёные Записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. кн.1. С. 234-240.
136. Рунг Э.В. Панэллизнизм и мидизм в истории Фив классического периода // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира.

- Вып. 12. Из истории античности и Нового времени. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2013. С. 81-98.
137. Рунг Э.В. Персидские сатрапы как дипломаты (о специфике дипломатических взаимоотношений ахеменидских наместников с греками) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. 2016. Вып.16. №1. С. 41-66.
138. Рунг Э.В. Подходы к обозначению и периодизации исторических событий в греческой историографии классического периода // Вестник РГГУ. 2010. №10 (53). С. 11-30.
139. Рунг Э.В. Традиция восприятия Греко-персидских войн как мидийских в V–IV вв. до н. э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. 2004. Вып. 3. С. 71-82.
140. Рунг Э.В. Феномен мидизма в политической жизни классической Греции // Вестник древней истории. 2005. №3. С. 14-35.
141. Стрелков А.В. Афинские деньги: от монетного декрета до закона Никофонта // История Греции в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова: от античности до наших дней: Сборник научных статей Международной научной конференции, проведенной в рамках Перекрестного года России и Греции, Москва, 18 ноября 2016 года. – Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова (Исторический факультет), 2017. С. 71-82.
142. Стрелков А.В. Афинские монеты и Афинская морская держава // Нумизматический альманах. 2011. № 1. С. 20-27.
143. Стрелков А.В. Афинский закон о серебряных монетах 375/4 г. до н. э // Нумизматика и эпиграфика. 2005. Т.17. С.10-43.
144. Строгеецкий В.М. Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V веке до н. э. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 291 с.

145. Строгеекий В.М. Особенности внешней политики Спарты и Афин в начальный период первой Пелопоннесской войны (460–455 гг. до н.э.) // ВДИ. 1987. №2. С. 37-50.
146. Строгеекий В.М. Полис и империя в классической Греции: Учебное пособие. Н. Новгород: НГПИ им. М. Горького, 1991. 244 с.
147. Суриков И.Е. «Чужие среди чужих»: Греческие колонии в варварском окружении // Античная Греция: Межгосударственные и междивилизационные отношения (Opuscula selecta IV). М.: «Альма Матер», 2025. С. 665-685.
148. Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М.: Наука, 2008. 384 с.
149. Суриков И.Е. Античная Греция: ментальность, религия, культура. (Opuscula Selecta I). М.: Языки славянской культуры, 2015. 720 с.
150. Суриков И.Е. Воительница Афина: Солон, Писистрат и афинское полисное ополчение в VI в. до н.э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д.Фролова. 2010. Вып. 9. С.27-54.
151. Суриков И.Е. Геродот. М.: Молодая гвардия, 2009. 444 с.
152. Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций / Отв. ред. В.В. Дементьева, И.Е. Суриков. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 8-54.
153. Суриков И.Е. Древнегреческая цивилизация как система связей // Античная Греция: Межгосударственные и междивилизационные отношения (Opuscula selecta IV). М.: «Альма Матер», 2025. С.192-196.
154. Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох / Отв. ред. Л.П. Маринович. М.: ИВИ РАН, 2000. 282 с.
155. Суриков И.Е. Кромочное существование: Античный греческий мир как фронтир // Античная Греция: Межгосударственные и

- межцивилизационные отношения (*Opuscula selecta IV*). М.: «Альма Матер», 2025. С.176-191.
156. Суриков И.Е. Образы времени в историческом труде Геродота // *Античный мир и археология*. 2009. Вып. 13. С. 10-35.
157. Суриков И.Е. Очерки об историописании в классической Греции. М.: Языки славянских культур, 2011. 504 с.
158. Суриков И.Е. Платейская клятва: О необходимости точного перевода античных эпиграфических (и иных) текстов // *Античная Греция: Межгосударственные и межцивилизационные отношения (Opuscula selecta IV)*. М.: «Альма Матер», 2025. С.176-191.
159. Суриков И.Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 400 с.
160. Суриков И.Е. Рец. на кн.: Badian E. *From Plataea to Potidaea: Studies in the History and historiography of the Pentakontaetia*. Baltimore; L., 1993 // *ВДИ*. 1996. №3. С. 198-200.
161. Тёрнер Ф.Дж. *Фронтир в американской истории* / Пер. с англ. А.И. Петренко; отв. ред. В.В. Согрин М.: Изд-во «Весь мир», 2009. 304 с.
162. Тойнби А. Дж. *Постижение истории*. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
163. Туманс Х. Военная организация греков в архаическую эпоху (Афины VIII–VI вв. до н.э. // *Античное общество: Проблемы политической истории*. 1997. С. 6-19.
164. Фролов Э.Д. *Греция в эпоху поздней классики*. СПб.: Издат. центр «Гуманитарная Академия», 2001. 602 с.
165. Фролов Э.Д. *Рождение греческого полиса*. Изд. 2-е. Испр. и доп. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 265 с.
166. Фюстель де Куланж Н.Д. *Гражданская община античного мира*. М.: Вече, 2019. 448 с.

167. Хейл Дж. Властелины Моря. / Под ред. Н.И. Никитенко, пер. с англ. Н.А. Анастасьев. М.: АСТ, 2014. 448 с.
168. Холод М.М. Филипп II и Афины после сражения при Херонее (338 г. до н. э.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 1998. Вып. 2. С. 18-21.
169. Albanidis E., Vouzanidou E. The Eleutheria (Liberation games) of Plataea in Ancient Greece // Studies in physical culture and tourism. 2008. Vol. 1(15). P. 49-52.
170. Alcock S.E. Pausanias and the Polis: Use and Abuse // Sources for the Ancient Greek City-State. / Ed. By M.H. Hansen. Copenhagen: Munksgaard, 1995. P. 326-344.
171. An Introduction to an Inventory of Poleis. Symposium August, 23-26 1995. Acts of Copenhagen polis Centre Vol.3. / Ed. By M.H. Hansen. Copenhagen: Munksgaard, 1996. 411 p.
172. Aravantinos V., Konecny A., Marchese R.T. Plataiai in Boiotia. A Preliminary Report of the 1996-2001 Campaigns // Hesperia. 2003. Vol. 72. P. 281-320.
173. Austin M. and P. Vidal-Naquet. Economic and Social History of Ancient Greece: An Introduction. Berkeley: University of California Press, 1977. 397 p.
174. Badian E. From Plataea to Potidaea: studies in the history and historiography of the Pentacontaetia. Baltimor: The Johns Hopkins University Press, 1993. 264 p.
175. Badian E. Plataea between Athens and Sparta. In Search of Lost History // From Plataea to Potidaea: studies in the history and historiography of the Pentacontaetia. Baltimor: The Johns Hopkins University Press, 1993. P. 109-123.
176. Badian E. Studies in Greek and Roman History. Barnes and Noble, Inc., New York: Barnes and Noble Inc., 1964. 290 p

177. Beck H. Localism and the Ancient Greek City-state. Chicago: University of Chicago Press, 2020. 375 p.
178. Beck H. Polis und Koinon. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. 316 S.
179. Beck H. Thebes // The Oxford History of the Archaic Greek World. Vol. VI. Rhodes to Western Sicily / Ed. by: P. Cartledge and P. Christesen, Oxford: Oxford University Press 2025. P. 469-644.
180. Beck. H., Ganter A. Boiotia and Boiotian Leagues // Federalism in Greek Antiquity / Ed. by H. Beck and P. Funke. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 132-157.
181. Beloch K.J. Die attische Politik seit Perikles. Leipzig: B.G. Teubner, 1884. 374 S.
182. Beloch K.J. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. Leipzig: Duncker & Humblot, 1886. 520 S.
183. Blumel W. Charakterisierung des boiotischen Dialects // La Béotie antique. 1985. Vol. 15. P. 385-394.
184. Buck R. A History of Boeotia. Edmonton: The University of Alberta Press, 1979. 206 p.
185. Buck R. Boiotia and Boiotian League, 432-371 BC. Edmonton: The University of Alberta Press, 1994. 183 p.
186. Buckler J. The Theban Hegemony, 371-362 BC. Cambridge: Harvard University Press, 1980. 389 p.
187. Cartledge P. Sparta and Laconia: A Regional History 1300-362 BC. New edition. London; New York: Routledge, 2002. 369 p.
188. Cartledge P. Hoplites and Heroes: Sparta's Contribution to the Technique of Ancient Warfare // Journal of Hellenic Studies. 1977. Vol. 97. P. 11-27.
189. Cawkwell G.L. Sparta and her allies in the sixth century // Classical Quarterly. 1993. Vol. 43. № II. P. 364-376.
190. Cawkwell G.L. The Greek Wars. The Failure of Persia. Oxford: Oxford University Press, 2005. 316 p.

191. Christ M.R. Conscription of Hoplites in Classical Athens // *Classical Quarterly*. 2001. Vol. 51. №2. P. 398-422.
192. Christ M.R. *The Bad Citizen in Classical Athens*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 250 p.
193. Cupcea G. The Evolution of Roman Frontier Concept and Policy // *Journal of Ancient History and Archaeology*. 2015. Vol. 2. №2 P. 12-22.
194. Current approaches to Roman Frontiers (Limes XXV, Vol. 1.) // *Proceedings of the 25th International Congress of Roman Frontier Studies 1* / Ed. by H. van Enkevort, M. Driessen, E. Graafstal, T. Hazenberg, T. Ivleva and C. van Driel-Murray. Leiden: Sidestone Press, 2024. P. 376.
195. De Souza Ph. *The Greeks and Persian Wars, 499–386 BC*. London: Osprey, 2003. 95 p.
196. Elton H. *Frontiers of the Roman Empire*. Bloomington: Indiana University Press, 1996. 150 p.
197. Elton H. *The Roman Empire in Late Antiquity: A Political and Military History*. New York: Sheridan Books Inc., 2018. 398 p.
198. *Ethnic constructs in Antiquity* / Ed. by T. Derks and N. Roymans. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2009. 344 p.
199. *Ethnos and Koinon. Studies in Ancient Greek Ethnicity and Federalism.* / Ed. by H. Beck, K. Buraselis and A. McAuley. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2019. 414 p.
200. *Federalism in Greek Antiquity.* / Ed. by H. Beck and P. Funke. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 605 p.
201. Fine J.V.A. *The Ancient Greeks: A Critical History*. Cambridge: Harvard University Press, 1983. 721 p.
202. Finley M.I. *Democracy ancient and modern.* (Mason Welch Gross Lectureship Series). New Brunswick: Rutgers University Press, 1985. 208 p.
203. Finley M.I. *The Ancient Economy*. Berkley: University of California Press, 1999. 262 p.

204. Fossey J. Topography and population of Ancient Boiotia. Vol. 1. Chicago: Ares Publishers Inc., 1988. 552 p.
205. Fraser P.M. Citizens, Demesmen and Metics in Athens and Elsewhere // Sources for the Ancient Greek City-State. Ed. By M.H. Hansen. Copenhagen. Munksgaard, 1995. P. 64-90.
206. Fröhlich P. L'inventaire du monde des cités grecques. Une somme, une méthode et une conception de l'histoire // Revue Historique, 2010. №3 (655). P. 637–677.
207. Gabrielsen V. Financing the Athenian fleet: Public Taxation and Social Relations. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994. 306p.
208. Gabrielsen V. The Impact of Armed Forces on Government and Politics in Archaic and Classical Greek Poleis: A Response to Hans van Wees // Army and Power in the Ancient World / Ed. by A. Chaniotis & P. Ducrey. Stuttgart: Feanz Steiner Verlag, 2002. P. 83-98.
209. Gartland S.D. Boiotia in Fourth Century B.C. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2017. 248 p.
210. Gomme A.W. The Athenian Hoplite Force in 431 B.C. // Classical Quarterly. 1927. Vol.21. №3/4. P. 142-150.
211. Grundy G.B. The Great Persian War and its Preliminaries: A Study of the Evidence, Literary and Topographical. New York: Charles Scribner's Sons, 1901. 591 p.
212. Haas Ch. J. Athenian Naval Power before Themistokles // Historia. 1985. Bd. 34. P. 29-46.
213. Hammond N.G.L. A History of Greece. Oxford: Oxford University Press, 1967. 716 p.
214. Hammond N.G.L. Plataea's relations with Thebes, Sparta and Athens // The Journal of Hellenic studies. 1992. Vol. 112. P. 143-150. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-hellenic-studies/article/plataeas-relations-with-thebes-sparta-and>

13.02.2026).

215. Hammond N.G.L. Political developments in Boeotia // The Classical Quarterly. 2000. Vol. 50.1. P. 80-93.
216. Hammond N.G.L. The Campaign and the Battle of Marathon // Journal of Hellenic Studies. 1968. Vol. 88. P. 13-57.
217. Hansen M.H. An Introduction to the Ancient Greek City-State. Oxford: Oxford University Press, 2006. 237 p.
218. Hansen M.H. An Inventory of Boiotian Poleis in the Archaic and Classical Period // An Introduction to an Inventory of Poleis. Symposium August, 23-26 1995. Acts of Copenhagen polis Centre Vol. 3 / Ed. by M.H. Hansen. Copenhagen. Munksgaard, 1996. P. 73-116.
219. Hansen M.H. Boiotian Poleis – a Test Case // Sources for the Ancient Greek City-State / Ed. by M.H. Hansen. Copenhagen. Munksgaard, 1995. P. 13-63.
220. Hansen M.H. Polis and City-State. An Ancient Concept and its Modern Equivalent. Acts of the Copenhagen Polis Centre Vol. 5. Copenhagen: Munksgaard, 1998. 217 p.
221. Hansen M.H. The Concepts of City-State and City-State Culture // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre / Ed. by M.H. Hansen. Copenhagen: Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, 2000. P. 16-17.
222. Hansen M.H. The Copenhagen Inventory of Poleis and the Lex Hafniensis de Civitate // The development of the Polis in Archaic Greece / Ed. by Mitchell L.J., Rhoades P.J. London: Routledge, 1997. P. 5-12.
223. Hansen M.H., Nielsen T.H. An Inventory of archaic and classical poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. Oxford: Oxford University Press, 2004. 1396 p.

224. Hansen M.H. *The Shotgun Method: The Demography of the Ancient Greek City-State Culture*. Columbia: University of Missouri Press, 2006. 140 p.
225. Hart T.C. *Beyond the river, Under the eye of Rome*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2024. 368 p.
226. Hölkeskamp K.- J. Review of M.H. Hansen «A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre» and «A Comparative Study of Six City-State Cultures. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre». *Bryn Mawr Classical Review*, 2004.04.03. URL: <https://bmcr.brynmawr.edu/2004/2004.04.03/> (accessed 20.03.2026),
227. Holland T. *Persian Fire: The First World Empire and the Battle for the West*. New York: Anchor Books, 2007. 464 p.
228. Jeffery L.H. *Archaic Greece. The City–States c. 700–500 B.C.* New York: St. Martin’s Press, 1976. 272 p.
229. Jordan B. *The Athenian Navy in the Classical Period: a study of Athenian Naval Administration and Military Organization in the Fifth and Fourth Centuries B.C.* Berkeley: University of California Press, 1975. 306 p.
230. Kagan D. *The Archidamian War*. Ithaca: Cornell University Press, 1974. 400 p.
231. Kagan D. *The Fall of the Athenian Empire*. Ithaca: Cornell University Press, 1987. 480 p.
232. Kagan D. *The outbreak of the Peloponnesian War*. Ithaca: Cornell University Press. 1969. 440 p.
233. Kagan D. *The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition*. Ithaca: Cornell University Press, 1981. 400 p.
234. Kalliontzis Y. *Digging in Storerooms for Inscriptions: An Unpublished Casualty List from Plataia in the Museum of Thebes and the Memory of War in Boeotia // The Epigraphy and History of Boeotia. New Finds, New Prospects / Ed. by N. Papazarkadas. Leiden: Brill, 2014. P. 332-372.*

235. Kellogg D.L. Marathon fighters and Men of Maple. Ancient Acharnai. Oxford: Oxford University Press, 2013. 348 p.
236. Kellogg D.L. The place of publication of the ephebic oath and the «Oath of Plataia» // *Hesperia*. 2013. Vol. 82. P. 273-276.
237. Kellogg D.L. Οὐκ ἐλάττω παραδώσω τὴν πατρίδα. The Ephebic Oath and the Oath of Plataia in Fourth Century Athens // *Mouseion*. 2008. Ser.III. Vol. 8. P. 1-22.
238. Konecny A., Aravantinos V., Boyd M., Marchese R. Geophysik in Plataiai: Resultate der Kampagne 2005 // *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien*. 2006. Band 75. S.133-141.
239. Konecny A., Aravantinos V., Marchese R. Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis. Wien: Österreichisches Archäologisches Institut, 2013. 494 S.
240. Krentz P.M. The oath of Marathon, not Plataia? // *Hesperia*. 2007. Vol. 76. P. 731-742.
241. Kühr A. Als Kadmos nach Boiotien. Polis und Ethnos im Spiegel thebanischer Gründungsmythen // *Hermes*. 2006. Band 98. 377 S.
242. Lapini W. Les hoplites athéniens de 431 (Thuc. 2.13.6) // *Mnemosyne*. 1997. Vol. 50. №3. P. 257-270.
243. Larson S.L. Tales of epic ancestry: Boiotian collective identity in the late archaic and early classical periods (*Historia Einzelschriften*, 197). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2007. 238 p.
244. Lattimore O. Studies in Frontier history. Collected papers 1928-1956. Oxford, New York: University press, 1962. 566 p.
245. Lazenby J. F. The Peloponnesian War: A Military Study. London: Routledge, 2004. 336 p.
246. Lazenby J. The Defence of Greece, 490–479 BC. Warminster: Aris and Phillips, 1993. 294 p.
247. McKechnie P. Outsiders in the Greek cities in the Fourth Century B.C. London: Rutledge, 1989. 242 p.

248. Megarian Moments. The Local World of an Ancient Greek City-State. // Teiresias Supplements Online. Vol. 1. Ed by H. Beck and P.J. Smith. 2018. URL: <https://ejournals.uni-muenster.de/tso/issue/view/180> (accessed: 20.03.2026).
249. Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford: Clarendon Press, 1972. 632 p.
250. Mitchell L.J., Rhoades P.J. The development of the Polis in Archaic Greece. London: Routledge, 1997. 248 p.
251. More Studies in the Ancient Greek Polis / Ed. by M.H. Hansen and K. Raaflaub. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1996. 199 p.
252. Morrison J.S. Greek Oared Ships 900–322 B.C. / Ed. by J.S. Morrison and R.T. Williams. Cambridge: Cambridge University. Press, 1968. 336 p.
253. Naerebout F.G. Review of: Hansen M.H., Nielsen T.H. «An Inventory of Archaic and Greek Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation», Bryn Mawr Classical Review 2005.02.29. URL: <https://bmcr.brynmawr.edu/2005/2005.02.29/> (accessed 20.03.2026).
254. Ober J. Fortress Attica: Defense of the Athenian Land Frontier 404–322 B.C. Leiden: Brill, 1985. 255 p.
255. Olmstead A. T. Persia and the Greek Frontier Problem // Classical Philology. 1939. Vol. 39. № 4. P. 305-322.
256. Once again: Studies in the ancient Greek Polis. Papers from the Copenhagen Polis Centre 7 / Ed. by T.H. Nielsen. Stuttgart. Franz Steiner Verlag, 2004. 202 p.
257. Parke H.W. The Oracles of Zeus. Dodona, Olympia, Ammon. Cambridge: Harvard University Press, 1967. 294 p.
258. Post L.A. Note on Oxyrhynchus Papyrus XVII, 2082 // Classical Philology. 1930. Vol. 25. №2. P. 183-184.
259. Potter D. Empty Areas and Roman Frontier Policy // The American Journal of Philology. 1992. Vol. 113. №.2. P. 269-274.

260. Powell A. Athens and Sparta. Constructing Greek political and social history from 478 B.C. London: Routledge, 1988. 423 p.
261. Pritchett W.K. The Greek State at War. Pt.2. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1974. 324 p.
262. Pritchett W.K. The Greek State at War. Pt.3. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1979. 353 p.
263. Rhys Roberts W., Head D.V. The Ancient Boeotians and the Coinage of Boeotia. Chicago: Ares Publishers Inc., 1974. 109 p.
264. Ridley R.T. The Hoplite as Citizen: Athenian Military Institutions in Their Social Context // The Armies of Classical Greece / Ed. by E.L. Wheeler. Ashgate: Aldershot, 2007. P. 153-194.
265. Robert K. Hallisches Winckelmannsprogramm (Band 18): Die Marathonschlacht in der Poikile: und weiteres über Polygnot. Halle a. S.: Niemeyer, 1895. 126 S.
266. Salmon P. L'Armée fédérale des Béotiens // L'Antiquité classique. 1953. T. 22, Fasc. 2. P. 347-360.
267. Schachter A. Cults of Boiotia. (BICS Supplement, 38.) 2 vols. (Fasc. 1 and 4). London: Institute of Classical Studies, 1981. 268 p. (Fasc. 1), 146 p. (Fasc. 4).
268. Schachter A. Boiotia in Antiquity: selected papers. / Pref. by H. Beck. Chelsea: Sheridan Books, 2016. 440 p.
269. Schachter A. Cults of Boiotia: 3. Potnia to Zeus // Bulletin of the Institute of Classical Studies. University of London. Supplement. 1994. Vol. 38.3. P. 1-194.
270. Sekunda N. Marathon 490 BC. The First Persian Invasion of Greece. London: Osprey, 2002. 96 p.
271. Shanske D. Thucydides and the philosophical origins of history. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. 268 p.
272. Siewert P. The Ephebic Oath in Fifth-Century Athens // Journal of Hellenic Studies. 1977. Vol. 97. P. 102-111.

273. Sinclair R. K. The King's Peace and the Employment of military and naval forces 387–378 // *Chiron*. Bd. 8. 1978. P. 29-54.
274. Skias A. Ανασκαφή εν Πλαταίαις // *Praktika tes en Athenais Archailogikes Etaireias*. 1899. P. 42 -56.
275. Sources for the Ancient Greek City-State. Symposium August, 24-27 1994. Acts of Copenhagen polis Centre vol.2. / Ed. By M.H. Hansen. Copenhagen. Munksgaard, 1995.376 p.
276. Spyropoulos Th. Boiotian Discoveries I: Plataia. // *Teiresias*. 1973. Vol. 3. P. 2-6.
277. Stadter P.A. Badian on Thucydides // *The Classical Review*. 1994. 44 (02). P. 337-338.
278. Starr Ch. G. The economic and social growth of Early Greece 800–500 B.C. New York: Oxford University Press 1977. 267 p.
279. Ste Croix E.G.M. The Origins of the Peloponnesian War. Cornell University Press: Ithaka, 1972. 444 p.
280. Strauss B. Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy 403–386 B.C. London: Cornell University Press, 1986. 191 p.
281. Studies in Ancient Greek Dialects. From Central Greece to the Black Sea / Ed. by G.K. Giannakis, E. Crespo, P. Filos. Berlin: De Gruyter, 2018. 599 p.
282. Tausend K. Amphiktyonie und Symmachie. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1992. 273 S.
283. Te Tiele G.J. Divergences locales dans la phonetique et la morphologie beotiennes // *La Béotie antique*. 1985. 15. P. 361-364.
284. The Ancient Greek City-State. Symposium on the occasion of the 250th Anniversary of The Royal Danish Academy of Sciences and Letters. July, 1-4 1992. / Edited by M.H. Hansen. Copenhagen: Munksgaard, 1993. 281 p.
285. The Ancient Greek Economy. Markets, households and city-states / Ed. by. E.M. Harris, D.M. Lewis, M. Woolmer. Suffolk: Clays Ltd, 2015. 474 p.

286. The Dancing Floor of Ares. Local Conflict and Regional Violence in Central Greece. // Ancient History Bulletin Supplemental Vol. 1 / Ed by. F. Marchand and H. Beck. 2020. 204 p.
287. Thompson W.E. Three Thousand Achaean Hoplites // Historia. 1964. Bd.13. H. 4. P. 400-413.
288. Trail J.S. The Political Organisation of Attica: A Study of the Demes, Trittyes, and Phylai, and Their Representation in the Athenian Council. Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1975. 136 p.
289. Trittle L.A. The New History of the Peloponnesian War. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. 314 p.
290. Trittle L.A. The Peloponnesian War (Greenwood Guides to Historic Events of the Ancient World). Westport: Greenwood Press, 2004. 232 p.
291. Trundle M. Greek Mercenaries: From the Late Archaic Period to Alexander. London and New York: Routledge, 2004. 196 p.
292. Tufano S. Boiotia from Within. The Beginnings of Boiotian Historiography. // Teiresias Supplements online. 201. Vol. 2. URL: <https://ejournals.uni-muenster.de/index.php/tso/issue/view/191> (accessed 20.03.2026).
293. Underhill G.E. A Commentary with Introduction and Appendix on the Hellenica of Xenophon. Oxford: Clarendon Press, 1898. 378 p.
294. Vliet, van der. E.Ch.L. Review: Reflections on the polis and poleis // Mnemosyne 2007. Vol. 60. Fasc. 2. P. 302-316.
295. Waldstein C., Tarbell F.B., Rolfe J.C. Report on Excavations at Plataia in 1889 // The American Journal of Archaeology and of the History of the Fine Arts. 1889. Vol. 5. № 4. P. 439-442.
296. Waldstein C., Washington H.S., Excavations by the American School at Plataia in 1891. Discovery of a Temple of Archaic Plan // The American Journal of Archaeology and of the History of the Fine Arts. 1891. Vol. 7. №.4. P. 390-405.

297. Waldstein C., Washington H.S., Irving-Hunt W. Discoveries at Plataia in 1890 // *American Journal of Archeology*. 1890. №6. P. 445-475.
298. Wallace P.W. The sanctuary of Demeter at Plataia. // *La Béotie antique*. 1985. 15. P. 97-100.
299. Wallace S. The Significance of Plataia for Greek Eleutheria in the early Hellenistic period // *Creating a Hellenistic World* / Ed. by A. Erskine and L. Llewellyn-Jones. Swansea: Classical Press of Wales, 2011. P. 147-176.
300. Wees, van. H. *Greek Warfare: Myths and Realities*. London: Duckworth, 2004. 349 p.
301. Wees, van. H. The development of the hoplite phalanx. Iconography and reality in the seventh century // *War and Violence in Ancient Greece*. Duckworth and The Classical Press of Wales, 2000. P. 125-166.
302. Wijk, van. R. *Athens and Boiotia: interstate relations in the archaic and classical periods*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2024. 461 p.
303. Wijk, van. R. Athens, Thebes and Plataia and the end of the sixth century BCE // *Journal of Ancient History*. 2017. Vol. 5 (2). P. 1-26.

Справочные издания:

304. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь / Под ред. С.И. Соболевского. Томск: Alpha online. [Электронный ресурс] – URL: <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html> (дата обращения: 20.03.2026).
305. *A Guide to the Archeological Museum of Thebes* / Ed. by K. Kalliga, N. Kontogiannis., A. Papadaki. Thebes: Ministry of Culture and Sports, Ephorate of Antiquities of Boeotia, 2015. 60 p.
306. Head B.V. *Guide to the Principal Gold & Silver Coins of the Ancients*. Chicago: Argonaut Inc., Publishers, 1968. 128 p.
307. Kraay C.M. *Archaic and Classical Greek Coins*. New York: Sanford J. Durst, 1976. 454 p.

308. Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford: Oxford University Press. 1996. 2448 p.
309. Petrakos B. Marathon. Archaeological Guide / Ed. by. K. Ninou, English translation by A. Doumas. Athens: The Archaeological Society at Athens, 1996. 201 p.
310. Powell J.E. A Lexicon to Herodotus. 2nd ed. Hildesheim: G. Olms Verl., 1966. 392 p.
311. Sacks D. Encyclopedia of the Ancient Greek World. Revised Edition. / Revised by. L.R. Brody. New York: Facts on File, Inc., 2005. 433 p.
312. Shipley G.J., Hansen M.H The Polis and Federalism. // The Cambridge Companion to the Hellenistic World / Ed. by G.R. Bugh. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 428 p.
313. The Cambridge Greek Lexicon / Ed. by J. Diggle. Padstow: TJ Books Limited, 2021. Vol. 1, Vol.2. 1570 p.

ΠΡΙΛΟЖЕНИЯ

Приложение А.

Φραγменты письменных источников

Φραγмент 1. Часть Оксиринхской истории, сообщающая об устройстве Беотийского союза в IV в. до н.э.⁴⁵⁷

«τὰ μὲν] ἴδια διετέλουν
οὕτω διοικούμενοι, τὸ δὲ τῶ[ν Βοι]ωτῶν τοῦτον ἦν τὸν
τοόπον συντεταγμένον. [καθ' ἓν]δεκα μέρη διήρηντο ζάν-
τες οἱ τὴν χώραν οἰκοῦν[τες,] | καὶ τούτων ἕκαστον ἓνα
παρείχετο βοιωτάρχον [οὕτω] Θηβαῖοι μὲν τέτταραέσιν
συνεβάλλοντο, δύο μὲν ὑπὲρ τῆς] πόλεως, δύο δὲ ὑπὲρ
Πλαταιέων καὶ Σκώλου καὶ Ερ[υ]δρῶ[ν] καὶ Σκαφῶν καὶ
τῶν ἄλλων χωρίων τῶν πρότερον μὲν ἐκείνοις συμπολι-
τευομένων, τότε δὲ συντε Ἰδλούντων εἰς τὰς Θήβας. δύο δὲ
παρείχοντο βοιωτάρχας Ὀρχομένιοι καὶ Ὑσιαῖοι, δύο δὲ
Θεσπιεῖς σὺν Εὐτρήσει καὶ Θίσβαις, ἓνα δὲ Ταναγραῖοι,
καὶ πάλιν ἕτερον Ἀλιάρτιοι καὶ Λεβαδεῖς καὶ Κορωνεῖς,
ὃν ἔπεμπε κατὰ μέρος ἐκάστη τῶν πόλεων, τὸν αὐτὸν δὲ
τρόπον ἐ βάδιζεν ἐξ Ἀκραϊφνίου καὶ Κωπῶν καὶ Χαιρω-
νείας. οὕτω μὲν οὖν ἔφερε τὰ μέρη τοὺς ἄρχοντας” παρελ-
χετο δὲ καὶ βουλευτὰς ἐξήκοντα κατὰ τὸν βοιωτάρχον, καὶ
τούτοις αὐτοὶ τὰ καθ' ἡμέραν ἀνήλiskon. ἐπετέτακτο δὲ
καὶ στρατιὰ ἐκάστῳ μέρει περὶ χιλίους μὲν | "Σόπλίτας,
ἱππέας δὲ ἐκατόν: ἀπλῶς δὲ δηλῶσαι κατὰ τὸν ἄρχοντα
καὶ τῶν κοινῶν ἀπέλαυον καὶ τὰς ε[ι]σφορὰς ἐποιοῦντο
χρεὶ δικασίτας) ἔπεμπον καὶ μετεῖχον ἀπάντων ὁμοσίως
καὶ τῶν κακῶν καὶ τῶν ἀγαθῶν. τὸ μὲν οὖν ἔθνος ὅλον
οὕτως ἐπολιτεύετο, καὶ τὰ συνέδρια | τὰ κοινὰ τῶν
Βοιωτῶν ἐν τῇ Καδμεΐᾳ συνεκάθιζεν.»
(*Hell. Oxy. X. XI.*)

⁴⁵⁷ Текст приведён по изданию: *Hellenica Oxyrhynchia* / Edited with translation and commentary by P.R. McKechnie & S.J. Kern. Oxford: Aris & Phillips, 1988. P. 81-83.

Φραγменты 2-12. Надписи, найденные на территории Платей

Φρ.2.

1 [— — — — —]ροκλειῖος ἔλε[ξε· δεδόχθη τοῖ δάμοι, — — — — —]
[Ἄρις]τοφάνεος Σερίφιον πρόξενον [εἶμ]εν κὴ εὐεργέταν [τᾶς]
πόλιος Πλαττειῶν αὐτὸν κὴ ἐσγόνως, κὴ εἶμεν αὐτοῖς <γ>ᾱ[ς κὴ]
[οἰκίας] ἔμπασιν κὴ ἰσοτέλειαν κὴ ἀσφάλιαν κὴ ἀσυλίαν [κὴ πο]-
5 [λέμω κ]ὴ ἱράνας ἐώσας κὴ κατὰ γᾶν κὴ κατὰ θάλασσ[αν, κὴ]
[τᾶλλα π]άντα καθάπερ κὴ τοῖς ἄλλοις προξένοις [κὴ εὐεργέτης].
(IG 1664)

Φρ.3.

1 [— — ἔλεξε· δεδόχθη τοῖ δά]μοι, Σθένωνα κὴ Δίκηον Ἀρι[στ— — — — —
— — — — —]
[προξένως εἶμεν κὴ εὐεργ]έτας τᾶς πόλιος Πλαττειῶν [αὐτὸς κὴ ἐσγόνως, κὴ]
[εἶμεν αὐτοῖς γᾶς κὴ οἰκίας] ἔμπασιν κὴ ἰσοτέλειαν [κὴ ἀσφάλιαν κὴ ἀσυλίαν]
[κὴ πολέμω κὴ ἱράνας] ἐώσας κὴ κατὰ γᾶν κὴ κατὰ θά[λατταν, κὴ τᾶλλα πάντα]
5 [καθάπερ κὴ τοῖς ἄλλοις προξέ]νοις κὴ εὐεργέτ[ης].
(IG 1665)

Φρ.4.

1 [— — — ἄρχοντος, Πλαταιεῖς] ἀνέθειαν τᾶε Δάματρι.
(IG 1671)

Φρ.5.

1[— — γυμνασι]αρχούντω[ν]
[— — τοῦ Διὸς τοῦ Σωτῆρ[ος]
[— — — — —]#⁷τηρίου τοῦ
[— — — — —]ους.
(IG 1667)

Φρ.6.

1 ἡ πόλις Ἡρόφιλον Λ[— — —]
(IG 1677)

Φρ.7.

1 Γοργίδαό ἐ̣μι.
(IG 1685)

Φρ.8.

1 ἐπὶ Δαμαενέτοε.
(IG 1689)

Φρ.9.

1 Λ[υ]σίππα.
(IG 1691)

Φρ.10.

1 Δάμαρχος.
(IG 3482)

Φρ.11

face A.1 ἡ πόλις ἠρώϊσαν
Μοσχεΐναν Ἀριστίωνος.
(IG 3549)

Φρ.12.

1 Λίγυρον.
(IG 3556)

**Фрагмент 13. Надпись о потерях платейцев
со стелы из фондов музея Фив⁴⁵⁸**

Ἐν Ὀλύθωι		
Θώμων	~	ΕΜ[----]
Ἀριστομένης		Δα[-----]
Εὔνομος		Σθένει ο.ς
5 Ἀμφίλαος		Δόρυϝ[ν]
Γειτέας		Ἀσωπόλαος
Μνασίδωρος	20	Εὐανθ[- -]
Κίττος		[-----]
Ἀρίστων		Κιϝ ω[ν]
10 Ἀμφαρείδας		Λαπομπ[ίδας]
Ἀσώπων		
Φυταλῖνος		
Ἀσώπιλλος		
Ἐπιχάρης		

⁴⁵⁸ Текст приведён по фотографии и расшифровке в Kalliontzis Y. Digging in Storerooms for Inscriptions: An Unpublished Casualty List from Plataia in the Museum of Thebes and the Memory of War in Boeotia. // The Epigraphy and History of Boeotia. New Finds, New Prospects. / Ed. by N. Papazarkadas. Leiden: Brill, 2014. P. 335-336.

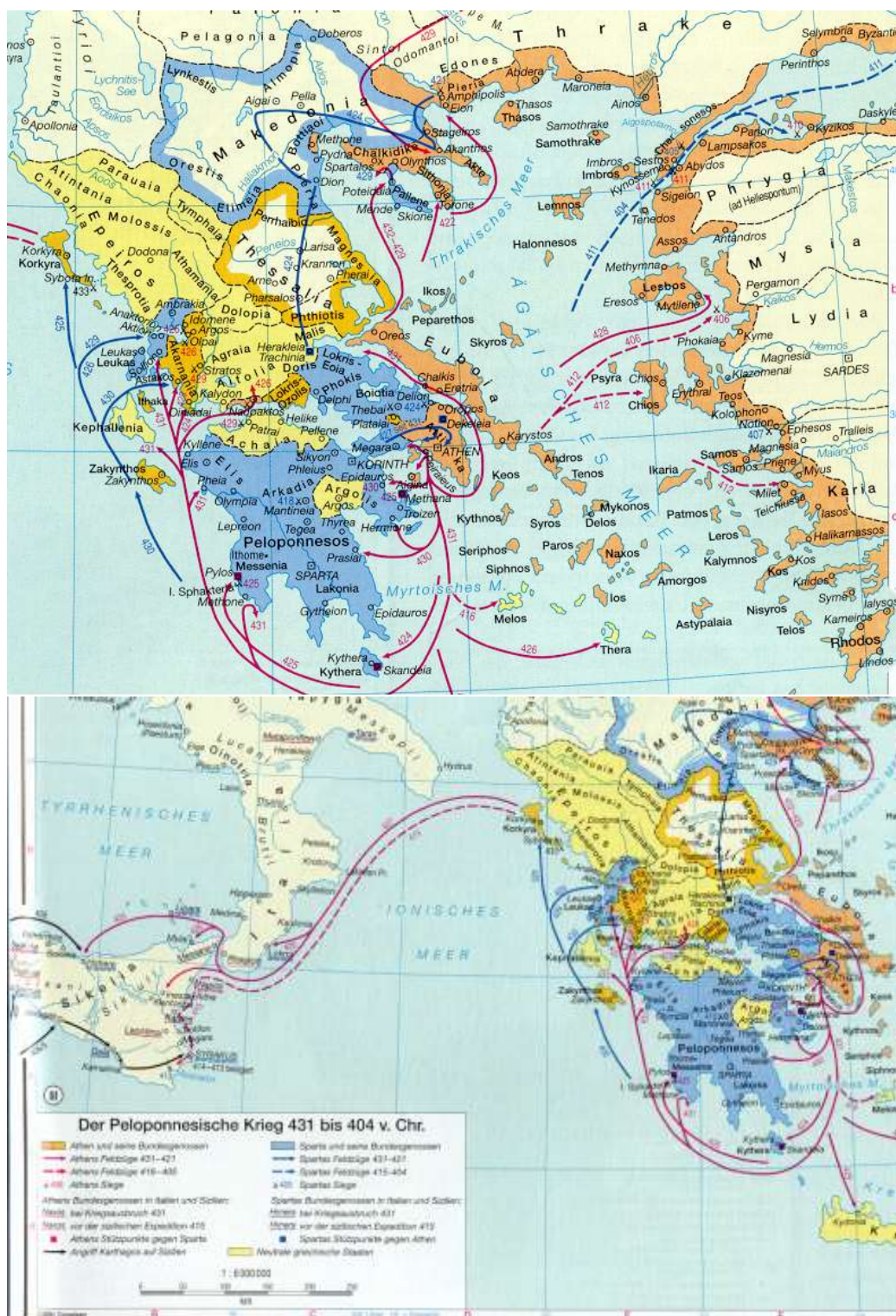
**Фрагмент 14. Текст т. н. «Платейской клятвы»,
найденный в аттическом деме Ахарны⁴⁵⁹**

ὄρκος ὃν ὤμοσαν Ἀθηναῖοι ὅτε ἤμελλον
μάχεσθαι πρὸς τοὺς βαρβάρους· ννννν
μαχοῦμαι ἕως ἂν ζῶ, καὶ οὐ περὶ πλέονος
ποήσομαι τὸ ζῆν ἢ τὸ ἐλεύθερος εἶναι, κ-
αὶ οὐκ ἀπολείψω τὸν ταξίαρχον οὐδὲ τὸν
ἐνωμοτάρχην οὔτε ζῶντα οὔτε ἀποθαν-
όντα, καὶ οὐκ ἄπειμι ἐὰμ μὴ οἱ ἡγεμόνες
ἀφηγῶνται, καὶ ποιήσω ὅ τι ἂν οἱ στρατηγ-
οὶ παραγγείλωσιν, καὶ τοὺς ἀποθανόντ-
ας τῶν συμμαχεσαμένων θάψω ἐν τῷ αὐτ-
ῷ καὶ ἄθαπτον οὐδένα καταλείψω· καὶ ν-
ικήσας μαχόμενος τοὺς βαρβάρους δεκ-
ατεύσω τὴν Θηβαίων πόλιν, καὶ οὐκ ἀνασ-
τήσω Ἀθήνας οὐδὲ Σπάρτην οὐδὲ Πλαται-
ας οὐδὲ τῶν ἄλλων πόλεων τῶν συμμαχεσ-
αμένων οὐδεμίαν, οὐδὲ λιμῷ περιόψομ-
αι ἐργομένους οὐδὲ ὑδάτων ναματιαίω-
ν εἶρξω οὔτε φίλους ὄντας οὔτε πολεμί-
ους. καὶ εἰ μὲν ἐμπεδορκοίην τὰ ἐν τῷ ὄ-
ρκῳ γεγραμμένα, ἢ πόλις ἢ μὴ ἄνοσος εἴ-
η, εἰ δὲ μή, νοσοίη· καὶ πόλις ἢ μὴ ἀπόρθητ-
ος εἴη, εἰ δὲ μή, πορθοῖτο· καὶ φέροι ἡμή, ε-
ἰ δὲ μή, ἄφορος εἴη· καὶ γυναῖκες τίκτοι-
εν ἐοικότα γονεῦσιν, εἰ δὲ μή, τέρατα· κα-
ὶ βοσκήματα τίκτοι ἐοικότα βοσκήμασ-
ι, εἰ δὲ μή, τέρατα. ταῦτα ὁμόσαντες κατα-
καλύψαντες τὰ σφάγια ταῖς ἀσπίσιν ὑπ-
ὸ σάλπιγγος ἀρὰν ἐποιήσαντο, εἴ τι τῶν
ὁμωμομένων παραβαίνοιεν καὶ μὴ ἐμπε-
δορκοῖ(ε)ν τὰ ἐν τῷ ὄρκῳ γεγραμμένα, α-
ὐτοῖς ἄγος εἶναι τοῖς ὁμόσασιν. vacat

⁴⁵⁹ Текст приведён по электронной публикации: Attic Inscriptions online (AIO). Dedication from Acharnai with military oaths (RO 88). URL: <http://www.atticinscriptions.com/inscription/RO/88/> (accessed: 26.02.2026).

Иллюстративный материал

Рис. 1. Карта событий Пелопоннесской войны⁴⁶⁰

⁴⁶⁰По материалам сайта <http://klio.uoregon.edu> URL: <http://klio.uoregon.edu/maps/gr/Peloponnesischer%20Krieg%204%2020Festland%20+%20%20c4g%e4is.JPG>; <http://klio.uoregon.edu/maps/gr/Peloponnesischer%20Krieg%202%20-%2020Sizilien.JPG> (accessed 27.04.2025).

Рис. 2. Маршрут похода «Десяти тысяч»⁴⁶¹

**Рис. 3. Образцы аттической чёрнофигурной керамики
из раскопок Платей⁴⁶²**

⁴⁶² Konecny A., Aravantinos V., Marchese R. Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis. Wien: Österreichisches Archäologisches Institut, 2013. S. 464.

Рис. 4. Карта Беотии, Аттики и Фокиды⁴⁶³

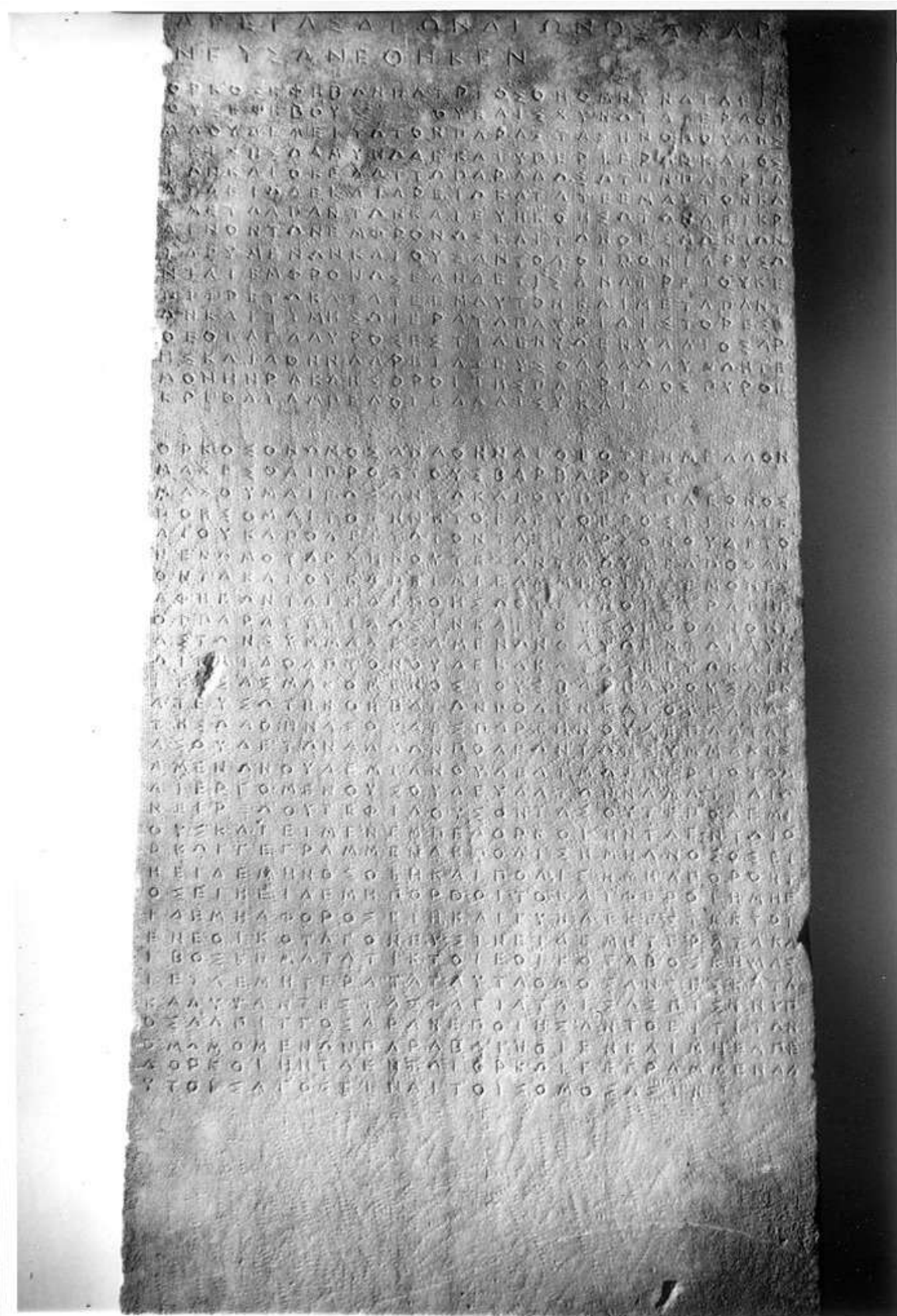
⁴⁶³ По изданию Droysen J.G. Allgemeiner historischer Handatlas. Bielefeld und Leipzig: Velhagen & Klasing, 1886. S. 5.

**Рис. 5. Гемидрахма из Платей с изображением беотийского щита.
Реверсная легенда ПΛΑ, голова Геры в венце⁴⁶⁴**

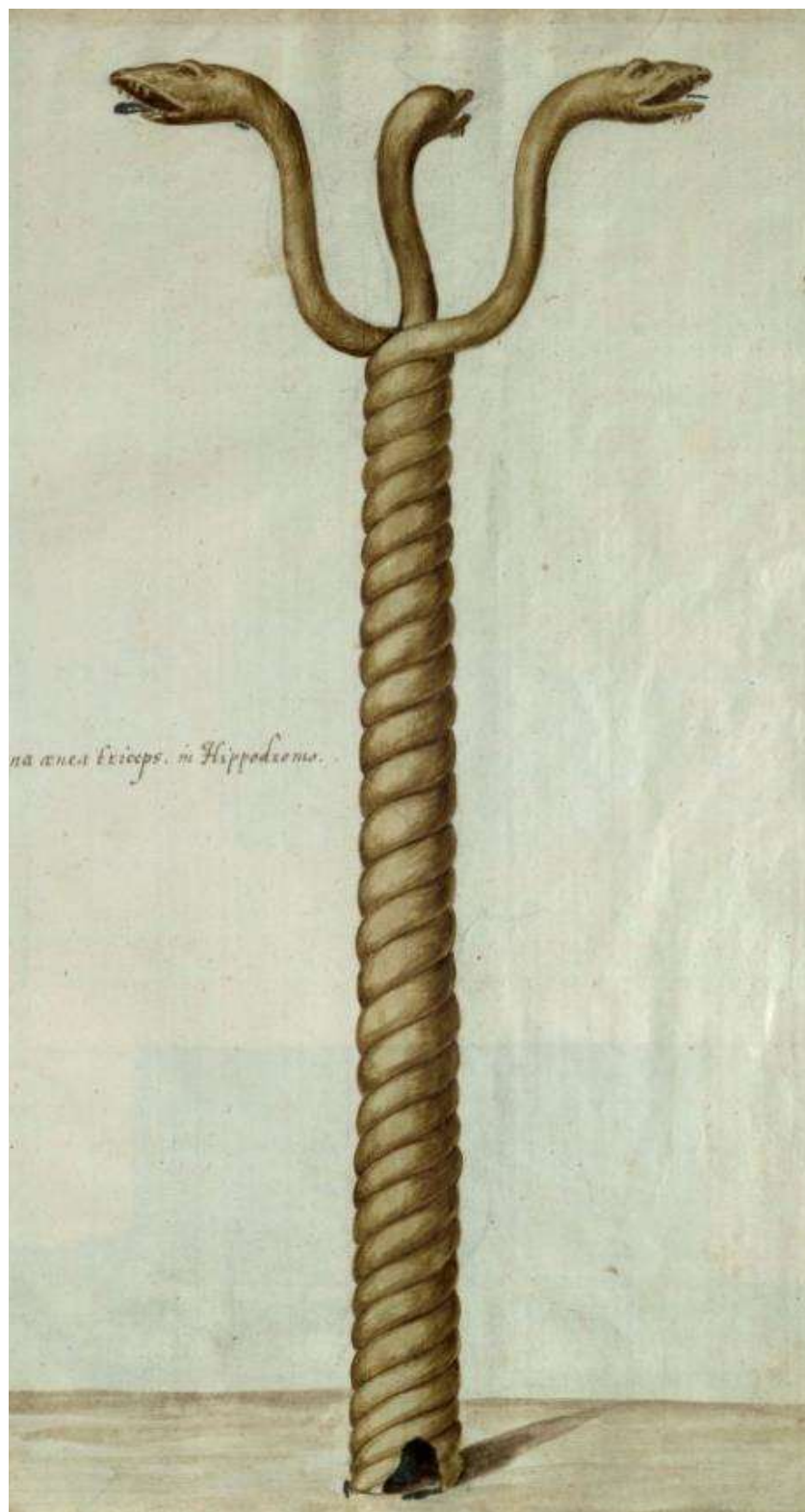
⁴⁶⁴ Коллекция Британского музея, 1872,0304.4, 1922,1020.97; две монеты одинакового описания. Изображение приведено по каталогу сайта WildWinds.com URL: <http://www.wildwinds.com/coins/greece/boeotia/plataea/t.html> (accessed 22.03.2026).

Рис.6. Стела с клятвой эфебов и Платейской клятвой⁴⁶⁵

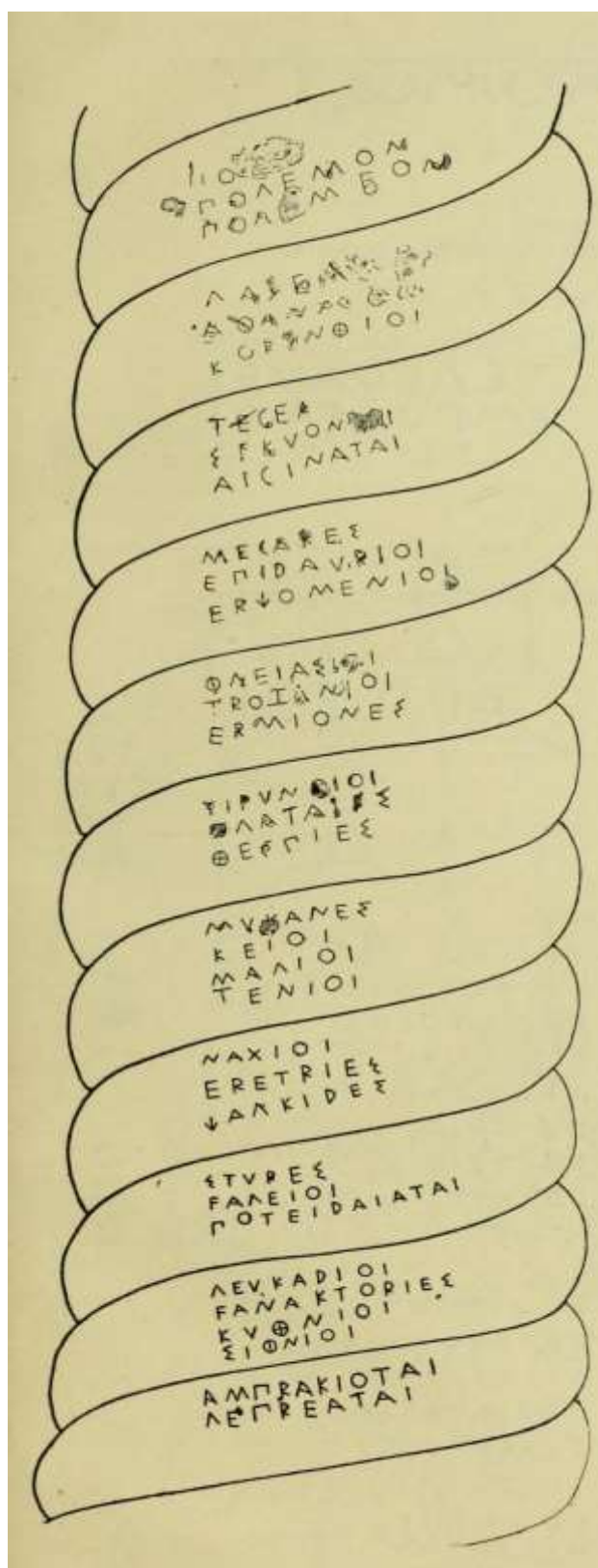
⁴⁶⁵ Из коллекции Французской археологической школы в Афинах. URL: <https://agora.ascsa.net/id/agora/image/1997.10.0338?q=1997.10.0338%20%28French%20School.3%29&t=&v=list&sort=&s=1> (Accessed 22.03.2026)

**Рис.7. Средневековое изображение остатков трипода
неизвестным художником⁴⁶⁶**

⁴⁶⁶ The serpent Column in Istanbul. Drawing of 1574 from the Freshfield Album (Trinity College Library MS O.17.2). URL: <https://trinitycollegelibrarycambridge.worldpress.com/tag/freshfield-album/> (accessed: 12.01.2026).

Рис.8 Прорисовка инскрипции на Платейском Триподе⁴⁶⁷

⁴⁶⁷ Roehl H. *Imagines inscriptionum Graecarum antiquissimarum: in usum scholarum*. Berolini: G. Reimerum, 1907. P. 101. No 16.

**Рис.9. Реконструкция работы Полигнота
«Битва при Марафоне», Пёстрый портик⁴⁶⁸**

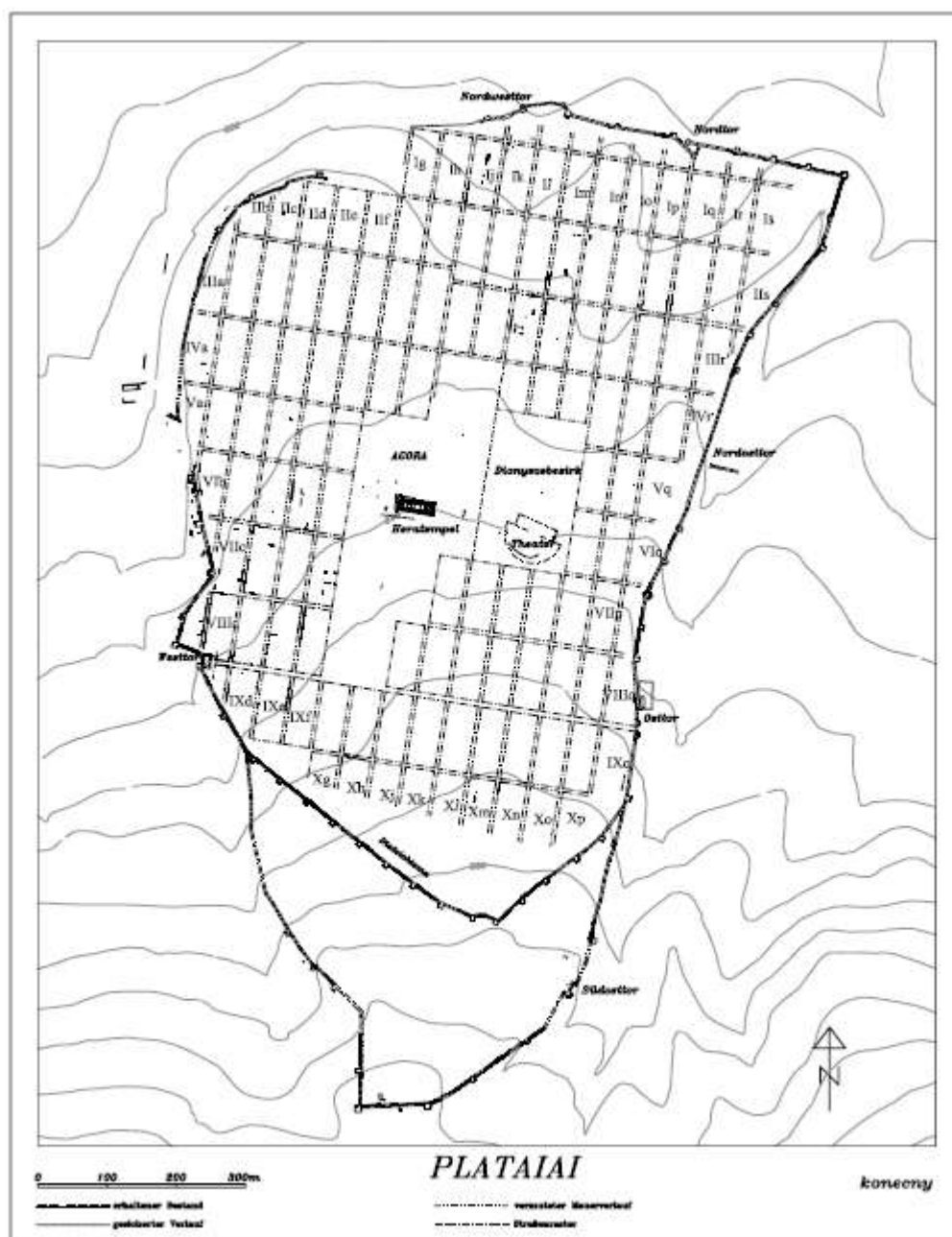
⁴⁶⁸ Robert C. Die Marathonschlacht in der Poikile / Hallisches Winckelmannsprogramm (Bd. 18). Halle: Niemeyer, 1895. S. 127.

**Фотография 1. Сохранившаяся до наших дней часть
Платейского трипода – дара Аполлону⁴⁶⁹**

⁴⁶⁹ Из личного архива автора.

**Схема 1. План полиса Платеи рубежа классического
и эллинистического периодов⁴⁷⁰**

88 Plataiai, Gesamtplan der endklassisch-hellenistischen Stadt mit Straßenraster und den wichtigsten öffentlichen Bereichen. M. 1:10000

470 Konecny A., Aravantinos V., Marchese R. Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis. Wien: Österreichisches Archäologisches Institut, 2013. S. 408.